

январь 2011

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

veter@uralstalker.com

Проекты «Уральского следопыта»

А. СЛЕПУХИН
 Н. БЕРДЮГИНА Мы — победители конкурса
 «Многоликая Россия!»..... 1 пол. обл.

Путешествие по Уралу. Ямало-Ненецкий АО
 И. ШАРОВАТОВ Три дня в гостях у кочевых оленеводов 2

Путешествие по Уралу. Свердловская область
 Г. АГЕНОСОВ Вагильский Туман, вогульская мудрость 12

Путешествие по Уралу. Пермский край
 Е. ЛИТВИНОВА
 Н. СУББОТИН Дорога к веземным цивилизациям 16

Путешествие по Уралу. Челябинская область
 Т. КОРНИЛОВА Село Тургояк 24

АЭЛИТА

aelita@uralstalker.com

Законы Вселенной

И. ГОРНОСТАЕВ Люба и голуби 31
 А. ЗЫРЯНОВ Живые глаза 35
 А. СМОЛЬСКАЯ Пора взрослеть 38

Повод для улыбки

М. БУЛАТОВ Записки из холодильника 42

РЕКА ВРЕМЕНИ

reka@uralstalker.com

Легенды и были

А. ВАСИЛЬЕВ Разумные камни Хозяйки 46

Портреты

А. ЯЛОВЕНКО Зоя Федорова: такое вот кино 49
 Н. ПАЭГЛЕ Если не ходить, красоты не увидишь 52

Литературное краеведение

Н. БОГДАНОВ Поэтесса Вера Ленина 58

На страже Родины

Ю. ГОРБУНОВ Балканская война и пушка Барановского 59

Версия

В. КАРЕЛИН Таинство уральских писаниц 66

Портреты

И. ГЛАДКОВА Танцующий со смертью 75

Человек и Природа

М. ФОНОТОВ
 В. САДЫРИН Сам себя короновал 3 пол. обл.

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.

Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов,
 Б.А. Долинго

Литературный консультант – В. Абоян.

Худ. редактор, верстка – С.И. Кормильцев.

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Л.В. Юсупова.

Рекламная служба –

com@uralstalker.com

Интернет – Е. Марков.

Фото 1 полосы обложки – Т. Корниловой.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Редакция, издатель – общественная организация
 «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский
 следопыт»

Редакционный совет –

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
 Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич,
 Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов,
 Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»,
- Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России,
- Семен Спектор, заслуженный врач России,
- Дмитрий Бугров, ректор УрГУ,
- Виктор Байдуков.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620014, г. Екатеринбург, а/я 479

тел. (343)295-61-27, (343) 295-61-28

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору
 в сфере связи, информационных технологий и массовых
 коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано
 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным пра-
 вом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются
 отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30
 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть
 подписана автором. Обязательно прилагать информацию об
 авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте
 журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую
 очередь рассматриваются рукописи, дополненные электрон-
 ной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за
 предоставление материалов и иллюстраций, обремененных
 правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправ-
 лении электронных сообщений обязательно заполнять поле
 ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается
 только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт».
 Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского
 следопыта» и отмеченные знаком публикуются на
 правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал
 «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

– Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП,
 подписной индекс 31646

– Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413

– Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе

– Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России

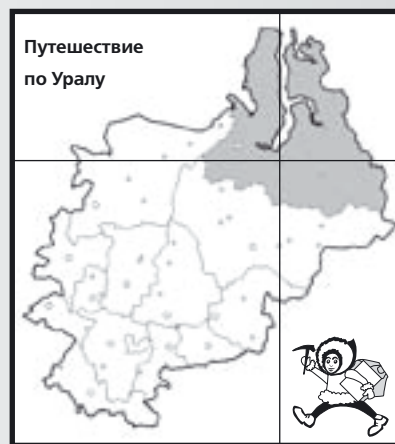
– Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА»
 в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

Лидер
 Уральского
 Турбизнеса
2007

Игорь ШАРОВАТОВ
 Фото: И. Шароватов, И. Кузнецов

Три дня в гостях у кочевых оленеводов

Маршрут: г.Надым – стойбище кочевых ямальских оленеводов.
Общая протяженность пройденного маршрута: 120 км.
Цель: изучение быта и традиций кочевых оленеводов Крайнего Севера.
Способ прохождения: снегоход с прицепом – ненецкие нарты.
Время: 3 дня.
Участники: Сергей Салиндер, Игорь Шароватов, Игорь Кузнецов, Сергей Осипенко.

Игорь Юрьевич Шароватов – председатель отделения Русского Географического Общества в Ямало-Ненецком автономном округе, руководитель районного историко-краеведческого клуба «Лукоморье». Один из основателей команды путешественников и краеведов любителей «Северный путь». Организатор и участник многодневных экспедиций и походов в отдаленные и труднодоступные места Крайнего Севера. Изучает этнографию коренных народов, проживающих на территории Ямало-Ненецкого автономного округа. Занимается изучением истории древней Сибири, собирает копии старинных карт этой местности. Руководитель общественного проекта – интернет-музея «ГУЛАГ. Стройка № 501». Имеет грамоты и медаль Исполнительного комитета Федерации Независимых Профсоюзов России.

Наверное, сложно современному городскому человеку представить, что на Крайнем Севере живут народы, которые сохранили до наших дней свою древнюю культуру и образ жизни. В январские морозы с полуострова Ямал ненецкие оленеводы каслают (кочуют) на юг, перегоняя многотысячные стада оленей на новые пастбища. Так постепенно они доходят до лесотундры рядом с Надымом. Мы побывали в гостях у ненцев в конце марта, когда они уже собирались обратно на Север. Путь их каслания проходит от местности близ п.Яр-Сале (полуостров Ямал) через замерзшую Обскую губу к Надыму, а перед наступлением весны они возвращаются назад, на Ямал.

В один из утренних мартовских дней, прицепив сани к снегоходу, мы двинулись в стойбище оленеводов. Вез нас Сергей Салиндер (потомственный ненец).

В качестве отступления: практически у всех ненцев русские имена. На самом деле у каждого есть другое ненецкое имя, которое дают при рождении, но говорить его вслух нельзя. Это связано с тем, что имя имеет сакральную связь с его владельцем. Во избежание вмешательства во внутреннюю жизнь человека извне, с давних времен ненцы берут русские имена, которые также указаны в паспорте (это связано еще с тем временем, когда русские пришли на землю Севера...многие святые места ненцев были уничтожены, преследованию подвергались шаманы). Вера северных народов напрямую связана с их жизнью. Многие обычаи и обряды непонятны современному человеку, но при понимании сути действия на многое открываются глаза. К примеру, один из рассказов более раннего периода: «Когда аргиш (караван упряжек) идет по заснеженной тундре и на пути встречаются следы белого медведя, то все останавливаются. Следы медведя аккуратно выкапывают с кусками снега и укладывают в сторону. После того, как весь аргиш проходит, куски снега со следами укладываются на прежнее место. Многие говорят, что это связано с религией, и поэтому нельзя переезжать тропу белого медведя. Совершенно верно. А нельзя переезжать следы белого медведя, потому что он может вернуться по своей тропе и обнаружить чужаков, которые проехали по его следам, т.е. территории зверя. Естественно, чужие следы сверху своей тропы медведь воспринимает как покушение на его территорию и начинает идти по следу. Когда же медведь обнаруживает свои следы целыми и невредимыми, то дальше идет по своей тропе». Таких примеров, которые связаны с жизнью, религией и знаниями окружающего мира, очень много. Да собственно вся жизнь ненцев пронизана этими знаниями. Об этом можно писать много и долго, но мы возвращаемся к нашему повествованию.

Погода выдалась хорошая, всего минус 8 градусов. Кое-где задувала поземка. При преодолении крутых склонов и сугробов двигатель снегохода грелся, поэтому время от времени мы останавливались. Немного потеплело, и на небольших речных протоках уже выступала вода, которая местами замерзла в лед.

Сначала мы двигались по автозимнику и в последней трети пути выехали в белоснежную тундру, через несколько километров свернули в лесную зону. Проехав через многочисленное количество ухабов, спустились к реке. Далее, проехав по замерзшему руслу реки, выбрались на лесотундровый участок и остановились. Метрах в ста, среди лиственниц мирно прохаживалось несколько десятков оленей. «Вот, почти и приехали», – сказал Сергей. Олени повернули головы в нашу сторону. «Интересуются, кто к ним в гости приехал», – смеется Сергей. Еще через полкилометра, на небольшой возвышенности мы остановились возле ненецкой стоянки. Среди лесотундры красовались три чума, покрытых шкурами. Из железных печных труб, растворяясь в воздухе, вился дым очагов... Нас громким лаем встретили собаки, сложно сказать, сколько их там, примерно восемь. Собаки – это отличные помощники оленеводов, слушаются с полуслова.

Надо сказать, что оленеводы разделены на бригады, которые стоят в разных местах лесотундры (примерно 25-35 км друг от друга). Для удобства они сгоняют оленей в одно стадо и вместе заботятся о нем. Стадо насчитывает примерно 8-9 тыс голов. Олени в тундре движутся словно огромная живая река, переходя от одного места к другому. Хозяин чума Пэля, к которому мы приехали, сидел в стороне на нартах и строгал топором новый хорей (шест, которым погоняют оленей в упряжке). Вокруг него много мелкой свежапахнувшей еловой стружки. Побеседовали недолго, и он, оставив свое занятие, пригласил нас в чум. В чуме просторно. Всегда свежий воздух, и при этом тепло. Естественная вентиляция в чуме чем-то напоминает работу кондиционера, только бесшумного и осуществляющего медленную вытяжку воздуха через верхнее отверстие. Любой дым, даже от сигарет, мгновенно улетучивается, не остается даже запаха. Посередине чума топится железная печка-буржуйка. Тепла от нее хватает, чтобы вполне комфортно сидеть в футболке. Шкуры, которыми покрыт чум, очень хорошо держат тепло. Мы уселись пить чай за невысокий столик. Пить чай – это, конечно, означает подкрепиться. «Как доехали? Как дорога?» – это вопросы, которые всегда задают гостям. Каждый приезжий рассказывает о пути, независимо от того, с какой стороны он приехал. Благодаря этому ненцы всегда знают состояние тундры в разных концах: где замело, где наст подмерз, где рыхлый снег и т.п. Поели мы хорошо после дороги: горячая вареная оленина и мороженный муксун – это основная пища зимой. Северяне летом муксун почти не едят, все больше постную, нежирную рыбу типа цекура, пыжьяна. А вот зимой жирный муксун очень хорошо насыщает энергией организм. Приезжие с «большой земли» едят любую рыбу в любое время года, не взирая на тонкости и особенности насыщения организма. Муксун едят мороженным не только из-за того, что он хранится в холоде, но и из-за того, что это очень жирная рыба. С оттаявшего муксуна по рукам ручьями течет жир. А мороженный просто можно резать, кусать, в общем нормально

есть. Внутри чума: посередине стоит печка, справа и слева (в местах прохода) прямо на снег уложены широкие доски, вдоль всего периметра по кругу на снег уложены циновки тонких стволов молодой березы, поверх них уложены циновки из стеблевой травы и только потом лежат шкуры. Конечно, непривычно сидеть в тепле и перед собой сквозь щели между досок видеть снег. Чум – конструкция очень крепкая и устанавливается по старинной проверенной технологии. Это жилище выдерживает сильнейшие ветры в открытой, насквозь до горизонта проглядываемой тундре. Более 30 крепких шестов сверху покрыты двумя слоями нюков (нюк – покрытие чума, зимой это четыре огромных нюка, сшитые из шкур оленя, а летом покрытие из брезента. Раньше летом чум покрывали нюками, сшитыми из вываренной бересты). Первый слой – шерстью внутрь, а второй – наружу. Всего на зимнее покрытие чума уходит 80 шкур оленей. Внутри чума ходят собаки, они все невысокие. Сначала можно подумать, что еще щенки. На самом деле это взрослые, обученные собаки. Иногда в чуме их привязывают на короткую веревку к шестам, чтобы не мешали ходить. Ночью они спят у входа в чуме. Собаки никогда не возьмут пищу со стола. Будут сидеть рядом, но не возьмут и кусочка мяса. Собака по кличке Пэйяк очень интересовалась нами: то с одной стороны подсядет, то с другой. Сразу и не подумаешь, что этой небольшой собаке четыре года и она

вместе со своими собратьями ловко собирает многочисленное стадо оленей в тундре.

Когда мы вышли из чума, то оказались в окружении оленей, важенков и оленят. В это время, ближе к обеду, они всегда подходят к чумам, где их подкармливают хлебом, ухой. Оленят подкармливали молоком из бутылок с соской. Общение с оленями навевает что-то доброе и настоящее. Маленькие дети (4-5 лет) тоже ходили вместе с мамой и общались с оленятами, держали их за рога, гладили руками по густой шерсти. Пока мы фотографировали и снимали на видео, один из оленят очень приобщился к фотосессии. Он ходил, заглядывая то к Игорю в видеокамеру, то ко мне в фотокамеру. Очень заинтересовал его этот процесс. В результате он лизнул фотоаппарат, и я еще раз убедился в его добрых намерениях. Пока мы общались с оленями, Пэля продолжал изготовление хорея. Мы подошли к нему и продолжили разговор.

– Эти хореи ненадолго делаю, временно... на полгода, – пояснил Пэля.

– А из какого они дерева? – спросили мы.

– Из елки, а чтобы долго хорея служил, нужно делать из березы и наконечник из оленьего рога (наконечник представляет собой шарообразный набалдашник размером с пятирублевую монету), и он показал нам на хорея, который стоял около дерева.

– Сколько он уже служит?

– Шесть лет, а вот еловый быстро ломается... на полгода хватает...

Возле нарт лежали заготовки для хореев – вытесанные тонкие стволы ели топором с четырех сторон, что в сечении образован квадрат. Ровные заготовки сделаны так идеально, что если бы мы не видели, как происходит их изготовление, то подумали: рейка пропущена через станок.

Как же удается добиться ровной поверхности при обработке ствола тонкой ели в диаметре примерно 7 см? Все дело в инструменте и умении мастера. Ненецкий топор имеет одностороннюю заточку наподобие ножа рубанка. Не торопясь, планомерно снимаются слои древесины. Каждый раз, после нескольких движений топором, Пэля останавливался. Прищурившись, одним глазом он смотрел вдоль заготовки, чтобы убедиться в качестве своей работы. Около дерева стояли уже несколько готовых хореев, все они светились свежим деревом на солнце и пахли хвоей. К нам подошли еще ненцы и, заметив, что мы интересуемся процессом, показали изготовленные ножны с ножами. «Это старые ножи, очень старые...долго служат», – пояснил один из них, с гордостью показывая предметы. Увесистые ножны с прорезью вдоль (которая сделана так, что виден нережущий торец ножа) впечатляют простотой устройства и мастерством изготовления. Рукоятка ножа подогнана так, что плотно вставляется

в ножны. Ненец показал нам брусок для заточки ножей: «Знаете, из чего?» Я взял его в руки и понял – это не абразивный магазинный брусок, а камень. «Этим бруском еще мой дед пользовался, а камень даже почти не сточился. С Полярного Урала подобран», – пояснил рассказчик.

– А нарты тоже топором делаете? – спрашиваем.

– Конечно, а чем же? Ножом... еще и рубанок есть, – смеются ненцы.

– Сколько дней уходит на изготовление нарт?

– Ну... – Пэля перестал строгать хорей, прищурился, задумался на несколько секунд, – я сделаю за две недели. Я не мастер. А вот мастер сделает за три дня.

– За три дня? – мы удивились.

– Да, мастер сделает за три дня, вон заготовки лежат. Их Алексей делает. Вечером со стойбища приедет, – сказал Пэля и показал на лежащие в стороне четыре заготовки под полозья. На улице шел мягкий пушистый снег.

– А чем отверстия сверлите?

– Дрель есть, ручная, – ответил Пэля.

Позже нам показали дрель, состоящую из деревянной излучины с натянутым кожаным ремешком и древком посередине со сверлом (хочу заметить, что это не единственный экземпляр, ранее такой же инструмент мы встречали не раз и у других ненцев, которые живут на побережье Обской губы). Похож этот

инструмент на те, которыми раньше добывали огонь. В городе эту конструкцию теперь можно встретить разве что в музее... Очень надежно и хорошо работает. «Современный инструмент тяжелый и ломается часто, а где его в тундре отремонтировать? А свой инструмент везде можно сделать и отремонтировать. У нас и бензопила есть, и электрорубанок. Когда бензин заканчивается, то электростанция не работает и электричества нет. Наш инструмент надежнее», – пояснил Пэля.

Ненецкие нарты – это деревянные сани, которые собраны из частей путем врезки. При изготовлении нарт не используются ни гвозди, ни шурупы, ни другие какие-то соединительные материалы. Очень прочная и надежная конструкция. На нартах, которые служат не один год, ненцы каслают сотни километров не только зимой, но и летом, и осенью – деревянные полозья нарт скользят по ягелю. Они легкие, прочные и мягко амортизируют при езде по кочкам. Нарты по размеру и виду бывают разные: грузовые (более длинные и с мощными полозьями, часто на них делают большие короба с высотой борта около метра), легкие нарты, детские нарты (маленькие, размером с обычные железные детские санки), мужские нарты, женские нарты (они отличаются наличием бортиков, которые служат защитой при перевозке маленьких детей), священные нарты, нарты для перевозки шестов чума (на них отсутствует верхняя площадка, т.е. на нее не сядешь), нарты для перевозки продуктов (на них сделаны ящики с дверцами). Сломанные нарты не выбрасывают, а просто заменяют испорченные части на новые. На полуострове Ямал очень скудная растительность и дерево в большом дефиците, поэтому выбросить нарты со сломанным одним полозом непозволительно. Для этого просто заменяют сломанную деталь.

Пока мы беседовали, вокруг по лесополосе разбредлось несколько десятков оленей. Пэля крикнул пару слов по-ненецки, и все собаки (которые в это время находились в разных местах, какие были в чуме, некоторые спали или ходили на улице) разом подскочили и понеслись собирать оленей. Не прошло минуты, как все олени под лай собак уже строем шли в сторону основного стада. Этот сюжет мы засняли на видео. «Обученные собаки – это лучшие помощники оленеводов», – прокомментировал произошедшее Пэля и неспешно пошел в чум. Спустя время он вышел на улицу и в руках нес тынзян (аркан для ловли оленей). «Видите, как сплетен?» – сказал ненец, показывая нам искусно изготовленный тынзян. Он очень крепкий и длинный, плотно сплетен из четырех шнуров кожи. Позже Пэля показал, как правильно тынзян собирать в одну руку. Близился вечер, к чумам приехали ненцы со стойбища, которые целый день провели в тундре с многотысячным стадом. Приехал и Алексей. Мы спросили у него: «Правда, что можешь сделать нарты за три дня?» Он внимательно на нас посмотрел и спокойно, но уверенно ответил: «Конечно, правда». Нам потом рассказали, почему около всех чумов идет строительство нарт. Все дело в том, что на

Ямале нету дерева, и когда оленеводы каслают на юг в лесотундру, то именно в это время делают нарты, новые шесты для чумов, хореи. Ведь ближе к весне они опять уйдут далеко на север, уже не будет возможности что-то изготовить из ели или лиственницы по причине отсутствия деревьев в тундре. Ненцы интересно рассказывали, как внимательно выбирают дерево для разных целей: «Бывает, нужно выбирать ствол с естественным изгибом, бывает, что нужна лиственница с красноватым оттенком, а для некоторых изделий наоборот – с белым...» И чем больше мы слушали про тонкости обработки древесины, тем больше удивлялись глубине знаний в этой области...

На следующий день мы собрались в тундру, где основное многотысячное стадо оленей. Нам сказали, что нужно проехать по тропе около шести километров. К снегоходу подцепили деревянные нарты, сверху уложили шкуры, перевязав их веревкой. Сергей сел на снегоход, и мы поехали... Путь через лес весь в ухабах, на которых мы постоянно подскакивали вместе с нартами. Главное – хорошо держаться и правильно сидеть на нартах, конструкция устойчивая и прыгает, словно в ней встроены невидимые качественные амортизаторы. Сергей прибавил скорости, снегоход взвыл... деревья мелькали... Мы выехали в тундру, и на очередной кочке правый край нарт поднялся. Перекренить не получалось... летели на одном полозе... кричали Сергею, чтобы сбавил ход... он не слышал... в ушах свистел ветер и наши крики заглушал рев двигателя. Еще одна кочка, и мы улетели с нарт в тундру, зарываясь в снег. Сергей обернулся, остановился: «Чего не держитесь?» Усевшись, двинулись дальше... Через километр мы выехали на огромное, чистое тундровое пространство, по которому живой рекой двигалось громаднейшее стадо оленей. Всякий раз это зрелище не оставляет равнодушным. Когда стадо идет, то развесистые рога идущих рядом оленей задевают друг друга и издаются клацание. Когда идет многотысячное стадо, то это клацание превращается в некую естественную музыку, музыку живой тундры... Можно долго смотреть на отходящую «живую реку»... Мы дождались, пока олени перешли тундру и остановились вдалеке, у леса. Огромное стадо превратилось в живую темную полосу на горизонте. Послышался шум двигателя снегохода, и через несколько секунд на снегоходе показался Алексей. На сиденье сзади сидела собака. Несмотря на то, что снегоход летел на полном ходу, собака сидела ровно и, балансируя, смотрела по сторонам.

– Алексей, а собака у тебя не падает, когда ты так едешь? – спросили мы, когда он остановился.

– Никогда не падает, постоянно со мной ездит... привыкла, – ответил он, улыбнувшись.

– Красиво олени идут, – степенно сказал Сергей.

– Поедем чай пить в соседние чумы? – спросил у нас Алексей.

– Далеко?

– Нет, не далеко. Километров десять.

Мы хорошо согрелись в чуме, подкрепились и после интересного рассказа Алексея, поблагодарив хозяйку чума за теплый и добрый прием, поехали в обратный путь. Так прошел почти весь день. Спустила не-

Ненецкая девочка

Мастерство отлова оленей тынзяном (арканом) высоко ценится в жизни кочевых народов.

Олени с удовольствием принимают пищу из рук.

Установка чума на новом месте.

которое время уже стемнело и на снегоходах включили фары. Мы ехали по снежной тундре. Алексей ехал первым, показывал дорогу: «Совсем замело, следов снегохода вчерашних не видно». Потом он свернул, и мы поехали по совсем другому пути. Ненцы очень хорошо ориентируются. Чуть позже мы выехали на автозимник, который проходил рядом с железной дорогой 501-й стройки. Вблизи показался мост, который напомнил нам об экспедиции прошлой осенью. Далее мы проехали мимо лагеря «Щучий». Вечером приехали к чумам.

– Вы где были? – спросил Пэля.

– К родственникам ездили на чай, – ответил Алексей.

– Сколько дотуда километров, ведь больше десяти? Лагерь «Щучий» находится в 42 км от Надыма, а мы были дальше. Это же больше 20 км отсюда, – поинтересовались мы.

– Десять или двадцать пять, да какая разница? – ответил Алексей и улынулся.

Мы посмеялись и пошли в чум. Действительно, для ненцев такая разница в километраже не существенна. Неудивительно с ними поехать попить чая и за 50 км, и за 70. Постоянно кочуя по северным просторам, они в основном меряют расстояние по пятьдесят или по сто километров. А плюс минус тридцать километров – это мелочи жизни. «Алексей любит поездить», – прокомментировал Пэля.

Вечером после ужина мы собрались в чуме Алексея, смотрели по телевизору сюжеты нашей экспедиции по 501-й стройке. У ненцев есть небольшие телевизоры и DVD-плееры, работающие от мобильной электростанции (программы не показывает по причине удаленности). По вечерам ненадолго все собираются в чуме посмотреть какой-нибудь фильм.

Спать ложатся все рано, потому что на следующий день вставать в 5 утра (так ежедневно). Ночью печка не топится, но все равно тепло под ягушкой (женская одежда из оленей шкуры, которой укрываются ночью).

Утром в чуме свежо, прохладно. Хозяйка затапливает печь, и помещение наполняется приятным теплом. За завтраком нам сказали, что в этот день будут разбирать чумы и переезжать на новое место, что несколько километров севернее.

– Пэля, как вы из большого стада потом своих оленей отделяете? Метки какие-то есть? – спрашиваем мы.

– Есть и метки... есть олени без меток, – отвечает Пэля.

– А если нет метки, то тогда как?

– Так я же своих оленей всех знаю.

– Как? Они же все похожие? Да и много их... десятки, сотни...

– Люди тоже все похожие: голова, две руки, две ноги. Вы же не путаете людей? А я не путаю оленей. Всех знаю... Да и олени нас знают... – рассудительно пояснил ненец.

Еще не было шести часов утра, а на улице уже началась работа: ненцы начали собирать вещи и укладывать их в нарты. Из соседнего чума вальяжно вышел кот и начал валяться в снегу (к хорошей погоде). На улице действительно пробивались яркие лучи солнца. Наблюдать со стороны за сборами перед касланием очень интересно. Все четко выполняют действия и никаких лишних слов, дел. Мужчины собирают мужские нарты и укладывают свои инструменты (топор, инструменты для изготовления нарт), женщины укладывают свои (двуручная пила, доски для выделки шкур и др.). Примечательно то, что женщины не прикасаются к инструментам мужчин, а мужчины – к инструментам женщин. Вообще инструменты являются не просто приспособлениями, а сугубо личными вещами, которые кроме хозяев, никто не берет в руки – это негласное правило.

Коту, видимо, надоело крутиться в снегу, он запрыгнул на загруженные нарты и удобно уселся, чтобы лениво наблюдать сверху за происходящим. После того, как вещи все были уложены на нарты, начался процесс разбора чумов. Сначала снимали юбки, сворачивали их и укладывали. Когда все покрытия чума были уложены и привязаны к нартам, начали разбор шестов. Буквально в течение часа на месте, где стоял чум, ничего не осталось.

После того, как все вещи, чумы были собраны и уложены, ненцы сделали загон для отбора оленей в упряжи. Для этого выстроили нарты в виде буквы «П» и между ними натянули сетку так, что остался только свободный вход с одной стороны. Перед тем, как подогнали оленей, чуть поодаль около укатанной дороги от чумов ненка привязала собаку. «Чтобы дорогу охранял и олени на нее не свернули», – пояснила она. На пса была возложена важная задача – не пустить несущихся оленей на дорогу. Как только стадо из более ста оленей появилось на горизонте, собака начала ответственно лаять, подпрыгивать, всем видом показывать, что путь сюда закрыт и оленям здесь делать нечего. Со всех сторон стадо сгоняли в загон собаки и ненцы на снегоходах. Как только основная масса оленей зашла на место, ненки с веревкой в руках перекрыли вход в загон. Вокруг среди леса по сугробам еще носились олени на довольно высокой скорости. Из-под копыт кусками в разные стороны летел снег. Некоторых из них согнали собаки, остальных ловко поймали ненцы с помощью тынзянов и проводили к общему стаду. К оленям в общем стаде часто прибиваются дикие, и поэтому их приходится впоследствии тоже приручать. Когда все олени были в сборе, то ненцы выбрали отдельных для упряжи и вывели их из загона. Женщины выбирали и выводили оленей для женских нарт, мужчины – для мужских и грузовых. Буквально за минуты надевалась упряжь и нарты готовы к касланию.

Когда все упряжки готовы, ненцы еще раз все проверяли. Мы в это время поехали на снегоходах вперед, чтобы сделать видео- и фотосъемки. К нам подъехал Костя – сын Пэля. Парень заканчивает учиться в восьмом классе, он уже взрослый оленевод. Вместе

со всеми мужчинами он ежедневно работает в тундре с огромным стадом оленей, ловко управляется с тынзяном. Надо сказать, что дети в стойбище рано взрослеют, потому что с самого раннего детства уже общаются с оленями и помогают по хозяйству. Некоторое время мы поговорили, вскоре на горизонте послышались голоса – аргиш шел в нашу сторону. Впереди на оленьей упряжке ехал Алексей. Первой упряжке сложнее идти по неуплотненному снегу, и олени проваливались в сугробах. Когда упряжка Алексея поравнялась с нами, то впечатлила протяженность всего каравана – он заканчивался в области горизонта. Каждой последующей упряжке идти легче, потому что снег укатывается впереди идущими. В начале всей вереницы едут мужчины, за ними женщины и дети. Завершает аргиш упряжка ненцев преклонного возраста (в конце ехал на упряжке дедушка, которому уже за семьдесят лет). К старикам ненцы всегда относятся с уважением. Вообще младшие слушаются старших – это поведение продиктовано жизнью. Старшие больше знают и умеют, у них больше опыта. Старшие же, в свою очередь, внимательно относятся к младшим и обучают их искусству жизни в дикой природе. Мальчишки учатся у мужчин (охоте, рыбалке, оленеводству, искусству изготовления нарт), девочки обучаются у женщин вести хозяйство, шить и выделывать шкуры, разделывать рыбу, готовить, устанавливать и разбирать чум. Ра-

бота в тундре четко распределена, и это залог нормальной жизни в суровых условиях.

Мы стояли и наблюдали, как аргиш медленно уходит, скрываясь за горизонтом. Чуть погодя мы поехали следом. На открытом участке тундры ненцы остановились и распрягли оленей, начали расчищать площадку от снега под чум. Олени тем временем уже на новом месте начали искать ягель. Они мастерски выкапывают копытом довольно глубокие ямы и засовывают туда голову так, что наружу торчат только рога. Северное жилище – чум – устанавливали женщины. Мужчины только помогали поднимать шестью нюки. Сначала на месте чума был уложен железный лист под печью. (Порядок установки чума не случаен, это связано не только с представлениями о мире, верой, но и практичностью. Миропредставление ненцев не простое в описании. В нем существуют Боги и духи, сложные взаимоотношения между ними и людьми. Мы не будем здесь об этом писать, потому что это большая отдельная тема, в которой есть и процесс образования земли, и появление разных животных, злых духов и добрых, предания о народе сихиртя и много другого. Ограничимся лишь тем, что существует Небесный Бог – Нум и подземный в противоположность небесному – Нга. Под верхним отверстием чума (которое связывает с небом) на землю укладывают железный лист, который при-

крывает проход в подземный мир). На лист устанавливается печь, укладываются доски, циновки из веток и травы, потом шкуры. Когда хозяйка чума уложила шкуры, то Пэйяк разлегся на одной из них и сладко задремал (он точно знает, где жилище... хотя чума еще нет).

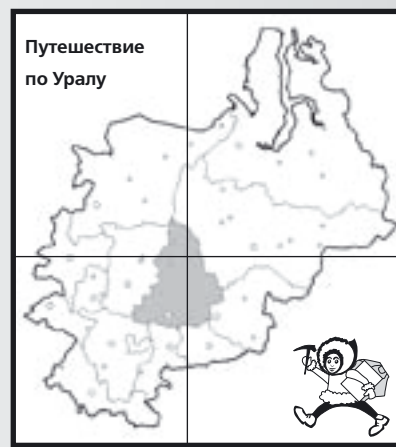
После того, как уже установлена и затоплена печь, уложены все вещи и приведено все в порядок внутри будущего чума, начали устанавливать шесты. Вначале установили три шеста, связанных сверху, под них подложили оленьи шкуры. Далее женщины установили остальные шесты (Смотря, как быстро растет чум, невольно удивляешься ловкости и силе женщин в серьезности обустройства жилища. Хозяйка практически одна устанавливает чум из довольно длинных и увесистых шестов. Мужчины изредка помогают только там, где она не может справиться сама). После установки всех шестов хозяйка чума установила шест симзы (священный шест, который устанавливается внутри чума) и подвязала поперечины. Печь в это время уже всю топилась, и на ней грелся чайник. Далее мужчины с помощью шестов подняли тяжелые нюки, которые с помощью нескольких шнуров крепятся внизу (Шнуры натягивают по диагонали, чтобы они облегли площадь поверхности конуса чума. За счет этого прижимаются нюки и потом не

срываются при сильном ветре). Когда было закреплено все покрытие чума, то снизу наружной стороны край прикопали снегом. В четыре часа дня мы уже сидели на новом месте в чуме за столом, ели и пили чай. Все на своих местах: также подвешена керосиновая лампа, также возле входа лежит гусиное крыло (оно служит веником для подметания пола), палка для обивки снега с обуви, слева висит умывальник, на шкурах лежат собаки....создается впечатление, что никуда никто не уезжал...все, как на прежнем месте.

Пока не начало смеркаться, мы собрались обратно в город. Чудные, незабываемые дни среди оленеводов каждый раз изменяют внутреннее наше состояние. Когда вновь видим этих терпеливых и умелых людей, когда приобщаемся к культуре и образу жизни этого северного народа, когда вновь с рук кормим подрастающих оленят, когда невысокий, но сильный и гордый Пэйяк смотрит внимательными глазами вдаль... понимаем, что наполнились чем-то неуловимым настоящим, словно приобрели в этой жизни огромное невидимое богатство. Пройдет еще два-три дня, и вновь аргиш из упряжек через бескрайние снежные просторы пойдет дальше на Север, туда, где еще не наступает весна, на Ямал, в поселок Яр-Сале, название которого переводится как Песчаный Мыс.

Герман АГЕНОСОВ
Рис. Тамары ПЯТКЕВИЧ

Вагильский туман, вогульская мудрость

Третий день поднимаюсь на лодке-долбленке (долбанце, по-местному) вверх по течению реки Вагиль. Край моховых болот, нетронутых лесов и отдаленности от всего на свете. Весь мой путь по воде – около 50 километров. Если учесть, что это вверх по течению, то можно сравнить с ходьбой в не очень крутую гору на то же расстояние. Мой скарб минимален, и все-таки достаточно тяжел: провиант в дорогу, одежда на погоду позднеосеннюю и не южную, когда и снег возможен, одноместная палатка, топор, ружье, мелочи первой необходимости. Картой не пользуюсь, хотя она с собой. Нетрудно и так запомнить ориентиры: направление – на северо-северо-запад, дорога – река, с нее не собьешься, населенные пункты не населенные. Так и на карте значится: «Рынта (нежил)», «Сар» – сарай, значит. А раз просто «сар», то какой же он жилой...

Моя цель – этнографическая. Или это, пожалуй, более тяга к далеким далям природы во мне, чем культурный интерес к этнографии. Там, в верховьях мало ведомой кому реки на берегу озера с красивым названием Малый Вагильский Туман, живут мои друзья, которые и не знают, что они мои друзья. Они – всем друзья, кто приходит к ним не со злом для них и их озера. Они – дети земли, этих болот, лесов, озера. За их Малым Вагильским Туманом – Большой Вагильский Туман. Много дальше на северо-восток есть Большой Пелымский Туман, а раз есть Большой, есть вот и Малый Пелымский Туман. Здесь край не озер, а туманов.

Я и сам сейчас часть туманов этих, и если тут что случится со мной, я останусь в сих местах, как остается и исчезает навечно опавший с ветки осенний лист: его сорвало ветром, ему пришла пора, он закончился. Какой-то миг стал его последним во времени, когда он был части часть – частью дерева.

Герман Агеносов – эксперт-кинолог всероссийской категории.

Надо привыкнуть к тому, что все здесь измеряется не расстоянием, а световым временем. Вот и сейчас: осталось немного, солнце низко. Я знаю, надо успеть засветло: таков закон вежливости в глухих, безлюдных местах. Здесь не любят отемнявших – человека надо хорошо разглядеть, темнота добра не несет. Отемнять – не успеть засветло.

И вот река раздвинулась в озеро.

И правда, Вагильский Туман: легким белым туманом покоя покрыта гладь озера. Залаяли собаки. Они главные локаторы, не упустят ни малейших перемен в среде обитания. А перемены есть: границу нарушил чужой, слышно движение лодки. Здесь живет семья вогулов. Вогулы – древнее название народа манси, оставшееся до наших дней в этих краях. С теми, к кому приехал, я познакомился два года назад, когда был в кинологической экспедиции. Ее программой являлось описание аборигенных собак, выделение среди них отродья лаек. Мой спутник, милейший человек, деликатный и предупредительный во всем, насквозь образованный Павел Федорович Тарханеев, заболел. Наши проводники, чье немалое любопытство мы вызывали интересом к их собакам, привезли на лошадах его и меня к этим людям.

Ну, вот и добрался! Молодец, однако... (это я себе во славу завершения пути). Лодка мягко коснулась бортом удобного пирса, и я положил весло.

– Здравствуйте!

Двое, стоящие на берегу возле пирса, молчали. Я узнал их, хотя это ни о чем не говорит: я узнал бы и других на их месте – так они на одно лицо для человека из городской среды. Но это были именно они – Василий и Анна, муж и жена, вылечившие два года назад моего друга. Они не ответили на мое «здравствуйте» не из неприятия меня, не потому что были недовольны появлением человека. Тут всякое появление – своего рода неотвратимость: если уж появился, назад же не отправишь, не выпроводишь.

Они стояли и молчали, люди лет пятидесяти с небольшим, пока я к ним не подошел, не поклонился

женщине, не протянул руку мужчине, назвав его по имени.

– Ты-ы?! – вспомнила меня Анна. – Слух был – помер...

Так состоялась церемония встречи. Я был принят как свой. Сохранившие свой образ жизни вогулы – народ немногословный. Мансийский язык их звучит мягко, играет тонко долгими и краткими фонемами, в речи много причастных и деепричастных оборотов. Но пользуются мансийским вогулы редко даже между собой. Опорный диалект манси – сосьвинский. Их русский нетороплив и почти правилен, слушать его приятно, родные для них речевые обороты чувствуют себя в нем свободно. В своей сдержанности они непосредственно мудры и во всем более суеверны, чем богобоязненны, что, конечно же, объясняется тем, что перед всеми опасностями их мира они ничем не защищены, кроме опыта своего народа.

– В дом не заходи, – негромко распорядилась Анна. – Порчу смою.

Я понял: слух о смерти на мне – порча. В их дом ее вносить не надо.

Однако вначале долго пили с медом чай, какой никогда в его душистости не попьешь в городе и какой обязателен здесь гостю с дороги. На костре в большом чане кипятился навар из багульника и неведомого мне сушеного разнотравья. Холодный осенний воздух был густо наполнен запахом варева, о назначении которого я уже догадался. Чарующее звездно-черное небо замыкало это таинство, и я полностью верил в него. О

чем молчали Анна и Василий – кто знает? Я – о том, как богат тем, что здесь сейчас нахожусь.

Уже в середине ночи навар из чана был перелит в большую долбленную колоду, разбавлен до терпимости густо посоленной водой из озера, Анна постояла над этой убойной смесью, я разделся и погрузился в сию очистительную домовину, если назвать колоду по ее издревле прямому назначению. Анна при этом что-то быстро говорила низким голосом на своем языке; трижды в ее скоросказе было мое имя. Ах, и позднее возникали время от времени слухи о смерти моей в разных вариантах! Но крепким оказался навар Анны, надежно защитили меня ее заговорные слова на все последующие годы. Не из этих ли тайн заговоренных настоев возникли сказочные образы живой и мертвой воды?!

Лежать в таком наваре лицом вверх, видеть над собой ярко-звездный небосвод, полностью открывшийся земному миру, воспринимать абсолютные, пронзительные запахи ночи и пытаться осознать свои ощущения от взгляда в холодное небо из горячей колоды – это не для слабонервных.

Я приехал к людям, которые ушли от нажима (уж не сказать ли – режима?) цивилизации, хотя и вдали от городов, сел и поселков оказались в сети административно-законодательных норм. У них есть «бумага» на клочок земли в этих запредельных местах, которые на карте области даже точкой не обозначены. Ими куплено право поставить жилье на нужном месте, завести небольшой огород, иметь пасеку. Обитают они тут одни, заключают договоры

с государственным охотфондом (которому до этих угодий и дела нет) и во многом охотой живут. Ближайшее от них жило (как тут говорят) не близко. Там тоже – люди, для которых охота – их работа и жизнедеятельность. Профессиональные охотники – такой вот они раритет.

Дом Василия и Анны срублен из лиственницы по типу охотничьей избы с двускатной крышей и большим навесом над крыльцом в одну ступеньку. Неожиданный для местности добротный дом: приземистый, но пятитенный, в два окошка с южной стороны и видом на озеро.

Вызывает уважение образ жизни этих людей, быт, сохранивший разумные вековые начала их народа. Тут не найдет себе подтверждения вывод Экклесиаста, что все суета сует и ловля ветра. Каждая вещь здесь имеет ясное назначение и знает свое место, что позволяет ей быть под рукой в нужный момент: тут люди и вещи находят друг друга безошибочно. У них есть три лодки-долбленки и две широкие плоскодонки с высоким бортом в две доски и веслами на уключинах. Никакого иного транспорта (кроме камусных лыж зимой, разумеется) тут не надобно. – Ну, разве хорошо бы вертолет, – пошутил я. Василий смеется: – Как же без вертолета!?

Оказывается, Василий и Анна в зимнее время по окончании промысла на пару месяцев до весны перебираются в столицу этого малолюдного края – поселок Гари, районный центр. За ними, как и за другими промысловиками, сын присылает вертолет. Их сын – «начальник, выучился!». Он начальствует в леспромхозе, хозяйство огромное, вертолет – извозчик штатный. Потому весной обратно на озеро – не проблема. Я, между прочим, в их представлении тоже «начальник» – над собаками и в охоте, раз эксперт-кинолог, а собаки в их жизни – кормилицы. Слово «кинолог» для них невозможно вне особого почтения к нему (вероятно, как непонятному, хотя в сути его они разобрались).

Они скромны и сдержанны до умиления: будто стесняются того, что им многое нужно для существования. Надо есть (а для этого добывать пищу), нужны костер и печь, одежда, дом. Имея свое понимание среды обитания, земли, неба, ночи, дня, смены погоды и времени года, они не вопрошают, не размышляют, не сетуют; они констатируют, укладывая все в назывные предложения, и в этом их философия. Они принимают критические ситуации, невзгоды и неудачи, как принимают их деревья и животные – как данный момент; живут без страховки с недремлющим инстинктом самосохранения. Находясь в родной для себя среде, Василий и Анна (особенно Анна!) реагируют на все правильно. Эти люди воспринимают действительность напрямую, как она есть. И в том их жизнестойкость. Они не ловят ветры надежд, но хорошо знают розу ветров. Радуйся жизни! – не их девиз: знают – жизнь тепла не гарантирует, как ни тяни на себя одеяло. Не поугубил бы лишь шайтан жить только на себя!

Но что же это я? Никакой романтики в таком романтическом месте!? Люди живут в краю озер, туманов и высоких звезд – и всего-то на все правильно реагируют? Да, так. Романтика же чаще всего разве не игра воображения в кредит?

Да уж, их окружает бездна романтики. В погоне за соболем Василий сломал вот ногу. Ну, оплошал ненароком

матерый охотник. С кем не бывает, а уж ему-то бы не надо. Если соболь, который по ценности шкурки на первом месте в Сибири и на Урале, за ночь набегивает 6-8 километров, можно представить, как много он пройдет, отрываясь от преследующих его собак. Добавьте к «романтике» глубокие снега, мороз. В такой ситуации человек один на всю вселенную, если он один. Мне приходилось – знаю. Но Василий не был один. С ним те, кто не ведает игры воображения: две его лайки. Хорошая собака поймет мгновенно: с человеком случилась беда. Когда старшая из лаек, ушедшая сутки назад с Василием на охоту, вернулась домой и стала звать Анну в лес, та не теряла времени. Взяв что-то целебное, съестное, спирт, запасные лыжи, она целиной, минув лыжню мужа, побежала за собакой. Лайка шла по прямой. Почти через сутки на связанных между собой четырех камусных лыжах Анна вывезла из бездны лесов мужа. Собаки в импровизированной упряжке ей помогали, как могли. Василия она нашла сидящим у нодьи (костер такой долго действующий: три сухостойных еловых бревна толщиной по 30-40 см длиной по 2-3 м укладываются в особой обработке и композиции). Как он смог со сломанной ногой соорудить нодью, уму непостижимо! Продвигаться к дому он не пытался: знал – жена придет.

Сурина их жизнь. Что заставляет их вести ее такую? Жизнь и заставляет, она у каждого своя. Зима – это пушной промысел, так повелось в роду. Охотничья тропа у профессионалов (иначе говоря – путик. Как мило называется!) – это десятки километров лесов на каждого. На расстоянии лыжного перехода в зимний световой день одна от другой стоят охотничьи избушки. Все здесь продумано и выверено опытом жизни наедине с их миром и уважения друг к другу. Соболь – основной объект охоты, и соболевать – дело Василия. Жена тоже на тропе, но ее дело полегче: белка, куница. Сын их учился другому, этим и занят сейчас.

Анна чаще остается в доме, не дает ему полностью выстыть. Дом – центральная усадьба, так они называют. Члены семьи – прекрасные вогульские по типу западно-сибирские лайки, их четыре. Одну из них два года назад подарил я (горжусь! Им это важно). Все лайки-соболятницы, но не пропустят ни куницу, ни норку, ни белку. На охоту их берут по две, работы хватает всем. Зверовые лайки Василию не нужны: медведя тревожить нехорошо, а и нарваться на него – всегда с миром можно разойтись; лося на мясо к зиме Василий убьет и без лайки. Собаки чем еще хороши? С ними можно разговаривать. А можно обо всем молчать, и все равно – вместе. И еще: от их внимания и чутья не ускользнет ничего, и это жизненно важно: ничто вас не застанет врасплох.

Но озеро, озеро – прелесть этих мест! Болотистые берега, роскошные камыши глубоких пойм исключают мысль о пляжной жизни на озере. Зеркало воды обозримо, когда нет тумана. Лично мне нравится: я не морской и не пляжной души человек. Я и не рыболов, хотя важность наличия рыбы для природы озера понимаю. У людей и их собак рыбный стол здесь – основной. А еще утки осенью... Весной прилетевших уток Василий не стреляет, как не стреляет и боровую дичь на токах. Какое благостное и, скорее всего, неосознанное чувство прекрасного дает ему воспринимать весну без выстрела в ее раскрытости?

Сейчас, когда я сижу у озера на крыльце дома, слушаю ровный голос Анны и планирую свои семь дней, какие дал себе для жизни тут, мне хорошо до заметного волнения. – Не планируй, не смейся Бога, – вдруг сказала Анна. Взглянул на нее, встретились глазами. Ничего больше не добавила Анна. Ничего не произнес я: зачем? Все сказано. Я запомнил на всю жизнь. Я жил. Не планировал.

В тот вечер я ушел искать глухарей на листовянке (так мягко зовут лесные люди листовенницу). Такая охота ведома мало кому. Она требует одиночества, зоркости при неслышной ходьбе. Кто знает, согласится, что так. Лиственница – дерево одиночное, строем, рощами не растет – любимое мое дерево. А глухари делают листовенницу избранницей для меня. Странно даже: почему так? Как раз вот в пору, когда я в краю непуганых птиц, когда осень в разгаре, но еще не совсем поздняя, листовенница готовится остаться без хвои. Она еще не желтая, но собирается пожелтеть: «закисает» хвоя, как говорят знающие люди. Закисающая хвоя ароматна, в ней, очевидно, особая сила витаминов глухарям перед долгой зимой, и они по зорям вылетают кормиться на листовенницы. Не на все, строго лишь на кормовые. Внешне они – как все. Такова глухарина тайна в природе. Кормовые листовенницы десятилетиями остаются одними и теми же. Их знает, на них прилетает глухарь. Каждое новое поколение глухарей узнает их безошибочно. Счастье охотника, если он тоже их знает среди остальных.

Василий объяснил, куда пойти на поиск листовенниц, а какие из них комовые, это покажут глухари. Сегодня разведка, охота будет завтра. А сегодня – поскольку не знаю мест, – если только уж очень повезет, и сам окажусь не промах. Пейзажист, вероятно, сейчас написал бы впечатляющий смешанный лес с развесистыми темными соснами, среди которых на фоне алеющего заката особым светом выделяется хвоя прямоствольных одиночных листовенниц. Но он не заметил бы нетипичный для листовенницы сгусток хвои на одной из ветвей возле ствола. А я его – заметил. А шаг мой неслышный, и скрадывать в лесу я умею, и вот птица у меня на виду, она кажется маленькой на высоте дерева среди роскошной желтеющей хвои. Пейзаж исчезает. Есть ствол, цель. И миг давления на курок.

И это называется – адреналин? Только и всего-то!

– Ешки-даешь! – произнес непонятное мне Василий, когда я уже в сумерках вернулся с глухарем и отдал его Анне. – Ты это, ешки-даешь, как его? Я таких матерых не стреливал. Не мое.

Почему «не мое», не стал объяснять, да я понял: не промысловая охота.

Неделя жизни в гостях насытила меня, и в конце ее я уже с желанием готовился в обратный путь: все-таки, увы, городской я человек для этих отдаленных от коммуникаций мест. То, что открылось мне здесь, – действительно открытие, и вторично в него нельзя. Знаю, что больше сюда не вернусь: я в ответе за многое, не все могу себе позволить. Например, ту же вот отрешенность от всего надолго. Моя этнография должна быть довольна. Я не записывал ничего (зачем смущать?), но запоминал надежно. И фотоаппарат заполнял пленку за пленкой. Давно я пришел к выводу, что чем сильнее человек наделен «природой», чем устойчивее

в человеке начала его естества и точнее природные импульсы, тем прямее он в поступках своих. Вначале у него не слово. Вначале – дело его.

Мою лодку грузили в обратный путь основательно. Грузили с пристрастием: я отнекивался, они настаивали. Конечно, все, что давалось мне в дорогу, было бесценное: голубика, например, мед местного сбора в берестяном туюске, рыба, с особым секретом вяленая. И верх всего – ичиги, сказочно удобная легкая обувь для зимней ходьбы в лесу, такие сапоги-скороходы по типу бродней. В ответ Василий принял от меня нож, хвалил его он. Принял, убедившись, что есть запасный, по надежности не хуже подаренного.

Простились молча, как молча и встретились. У этого молчания был глубокий подтекст. Анна перекрестила меня, уже оттолкнувшегося в лодке от берега. С этой минуты все мои эмоции – под контролем. С этой минуты – ни одного неточного движения. Я опять наедине с тем, что есть и что встретится: река Вагиль – часть меня самого. Или я – ее часть?

Проводя лодку под аркой кедровника, я поднятым вверх веслом качнул ветки, роскошно нависшие над головой: несколько зрелых шишек упали в лодку. Так «шишковать» мне не приходилось. Кедровые сосны (у нас они гордо зовутся кедрами) с мягкой и длинной голубоватой хвоей были по обоим краям берегов, смыкаясь густыми кронами над неширокой в верховье истока рекой. Смолистый, глубоко входящий в тебя запах созревших семян, благоухание кедровой свежести вдохнешь – не забудешь. Было спокойно и красиво. Явствовала благодать, и я мысленно поклонился ей.

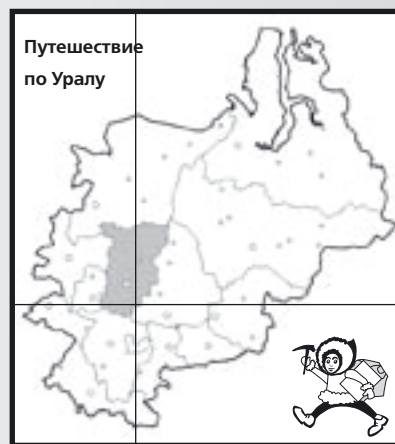
Поднимаясь вверх по течению, к озеру, я был сконцентрирован на неизвестности, находился под напряжением преодоления всего, что предстоит преодолеть. А предстояло немалое, что говорить... Напряжение не оставляло и ночью. Костер перед палаткой я на ночь тушил: акт разумной предосторожности. Абсолютная темнота в палатке замыкала в себе всю темноту ночного леса. Серые рассветы переходили в свет медленно и устало. Конечно, и плотно стувившимся ночам, и тяжелым рассветам не было дела до меня. Но я никогда не чувствовал себя в ночном лесу просто: духи леса не оставляют меня. Лишь в одиночку ощутишь ночью давление беспредельного вокруг.

На обратном пути во мне сохранялась полнота удовлетворенности тем, что познал, пережил у озера. А пережил я отношение Анны и Василия к жизни, к самим себе, и (неужели?), пожалуй, что-то позаимствовал у них. Они мудры мудростью своего времени, не подозревая, что вне времени живут. Их мудрость знает, чем следует пренебречь. Мудрость их конкретна, они не растекаются мыслью по древу и все могут свести к семи словам, исключающим праздные возражения. На свой лад мудры они в знании жизни, живого; это далеко не та житейская мудрость, которой любят делиться.

Путь назад, вниз по течению, занял у меня чуть более двух суток, а остался во мне навсегда. Легкими движениями весла я гнал лодку строго по фарватеру и совсем не торопился. – Ты рискованный мужик, – говорил мне Василий при расставании. – На воде держись середины.

Евгения ЛИТВИНОВА
 Николай СУББОТИН
 Фото: Н. СУББОТИН, Е. ЗАЙЦЕВА

Дорога к внеземным цивилизациям

Пермский край полон чудес и удивительных явлений. Всякий человек, хоть раз бывавший здесь, вряд ли сможет забыть первозданную красоту прикамских мест – древние уральские горы, дремучие леса и могучие реки, которые издавна манили путешественников из самых разных городов и стран. Величественная природа края во все времена завораживала человека – все в ней казалось созданным не без участия сторонних (а может, и потусторонних) сил. Почти каждая река, гора, пещера в Пермском крае хранит свою, вполне мистическую историю.

Долгое время здешние земли считались малопрístupными, негостеприимными, предполагалось, что их населяют таинственные и не всегда дружелюбные народы. Самым загадочным из них можно, пожалуй,

назвать белоглазую чудь – народ, представители которого, по преданию, обладали двойкой природой и были людьми только наполовину, а на вторую половину принадлежали к миру духов. До настоящего времени ходят легенды, согласно которым чудь покинула Прикамье, «ушла под землю», после того, как в этих краях поселились пришлые люди. Существуют и обычаи, согласно которым в определенные дни принято «поминать чудь». Предметы пермского звериного стиля, которые сейчас бережно хранятся в музеях Прикамья, иначе называют «чудскими образками» – они изображают древних языческих божеств, объединяющих звериные и антропоморфные черты.

Одним из мест, когда-то заселенных чудью, считается и село Молебка. Удивительные и маня-

Статья подготовлена Информационно-туристическим центром Пермского края. При подготовке статьи использовались материалы из книги Николая Субботина «Русский бермудский треугольник».

щие события происходят в так называемом М-ском треугольнике, или Молебской аномальной зоне. Инопланетяне, энергетические шары, плазмоиды, слуховые миражи, светящиеся лучи, выжженные следы от НЛО и другие необъяснимые вещи вот уже на протяжении двух десятилетий привлекают ученых-уфологов, сталкеров и просто любителей приключений в это загадочное место. Не дают покоя эти явления и просто любопытным туристам.

Молебка – это село в Кишертском районе Пермского края, с трех сторон окруженное реками Сылва и Чусовая, которое стало местом паломничества туристов из разных регионов России и зарубежья. По мнению уфологов, в этих местах можно не только стать свидетелем паранормальных явлений, но даже вступить в контакт с внеземными цивилизациями. Первооткрывателем аномальных явлений в районе Молебки стал Эмиль Бачурин, испытавший на себе воздействие Зоны в 1984 году.

Существуют разные теории объяснения аномальности Молебской зоны. Так, например, неизменный исследователь М-ского треугольника и директор RUFORS (Русской Уфологической Исследовательской Станции) Николай Субботин, помимо инопланетной, сформулировал теории появления аномалий, связанные с геотектоническими и химическими особенностями этой территории. Село расположено на древнем рифе пермского возраста на глубине около 800 м ниже уровня земной поверхности. В рифе содержится большое количество газов, в особенности метана, который

может вызывать свечения и другие аномалии, происходящие перед глазами путешественников. Иные заявляют, что аномалии – это лишь выдумки туристов и журналистов, любителей сенсаций, а также людей со слабой психикой, впечатлительных и легко поддающихся убеждению.

Узнать, так это или нет, можно лишь на «собственной шкуре». Для этого нужно собрать свои силы и разум и отправиться в путешествие в неизведанный край. А силы действительно пригодятся, поскольку путь предстоит нелегкий. Добраться до села Молебка можно несколькими способами: на транспорте или на автомобиле, желательно вездеходном, поскольку дороги в наших глубинках порой бывают непроходимые. Зимой некоторые решаются идти в Зону на лыжах, а летом едут на велосипедах.

ПУТЬ

Попасть в заветное место можно на электричке по Свердловской железной дороге, ехать нужно до станции Шумково, потом 30 км до Молебки своим ходом или на попутке.

Второй вариант – на автомобиле по федеральной трассе Пермь-Екатеринбург. Кстати, буквально в сентябре 2010 года на отвороте с трассы за 70 километров до села Молебка был установлен дорожный указатель на двух языках на Молебскую аномальную зону. На указателе зазывно светится значок летающей тарелки. Так что автомобилисты теперь точно не смогут заблудиться.

При поездке на лыжах или на велосипеде не обойтись без GPS-навигатора, а лучше обратиться в Информационно-туристический центр Пермского края или напрямую к исследователям Зоны, которые с удовольствием встретят гостей, дадут все координаты и снабдят необходимой информацией.

Как только вы окажетесь в Молебке, не лишним будет взобраться на Змеиную горку, с которой открывается чудесный вид на Сылву и аномальную зону. Отличное место для незабываемых фотографий. Идти в саму Зону лучше пешком или ехать на джипе, в любом случае придется переправляться через реку (можно арендовать лодку у местных жителей или отправиться вброд).

МАРШРУТЫ

За два десятилетия изучения молебских аномалий было выделено несколько десятков особых зон и наиболее частотных явлений, засвидетельствованных туристами и учеными. Стандартный маршрут-тур включает следующие места, которые располагаются неподалеку друг от друга: Центральная поляна, Выселки, Пирамидки, Поляна ужасов, Астральная поляна (Поляна Юриса), Ведьмины кольца, хутор Скопино, Змеиная горка.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПОЛЯНА

Поляна является основным местом для стоянок и палаточных лагерей уфологов, прибывающих в

Зону, и сталкеров со всего света. Слева в глубоком овраге находится небольшой колодец с питьевой водой, правда, как отмечают исследователи, качество ее ухудшилось в последнее время. Большое открытое пространство центральной поляны позволяет проводить ночные наблюдения с отличным обзором в 360°.

В былые времена на центральной поляне стояли жилые деревянные дома, а на поминание этому сейчас служат густые и высокие заросли шиповника, образовавшиеся на месте бывших фундаментов. Говорят, что среди кустов шиповника был найден спуск в подвал, закрывающийся деревянной крышечкой. Куда он ведет, пока узнать не удалось. Там же метрах в ста в овраге находился деревенский ледник.

ВЫСЕЛКИ

Место это действительно необычное и странное как по своей истории, так и по ряду других признаков, в том числе и чисто субъективным ощущениям исследователей и туристов.

Выселки отличаются невероятно высокой травой в месте, где раньше стоял дом и находился скотный двор. Ближе к центру поляны стоит вывернутое и скрученное дерево — отличный ориентир для всех! Какие силы заставили его расти таким образом, непонятно.

Попасть на Выселки можно двумя путями — от Центральной поляны через лог пройти примерно километр по старой демидовской просеке, все еще приметной, несмотря на свой почтенный возраст. Либо спуститься по дороге к реке, перейдя по двум скользким бревнам небольшое болотце с ледяной гнилой водой. Дальше по берегу вправо через вереницу обжитых и заброшенных стоянок аномальщиков, а потом через густые заросли камыша можно дойти до небольшой лощинки, от которой вверх по крутому каменистому склону будет идти еле приметная тропинка.

ПИРАМИДКИ

Самая известная из всех традиционных аномалий, ставшая чуть ли не визитной карточкой молебской Зоны. Пирамидки полнятся мифами и слухами и достойны создания о них отдельной книги. Тем, кто хорошо знаком с историей Пермского края, Пирамидки, наверняка, навеют мысль о том, что они попали на обрядовое святилище вогулов (или народов манси). Расположены Пирамидки как будто точно на вершинах воображаемого равнобедренного треугольника, образуя идеальную геометрическую фигуру. Это довольно глухое место, которое расположилось в 10 километрах от ближайшего селения. До середины июля ходить к Пирамидкам довольно опасно из-за большого количества клещей.

к другой аномалии — Змеиной горке.

Миновав Скопино, нужно некоторое время идти вдоль перекошенного болота, чуть заворачивая влево. Потом вы проходите по настоящему туннелю, образованному сплетенными ветками деревьев и густой листвой. Там царит полумрак, и примерно 200 метров любого гостя Зона вынуждает идти по темному коридору.

ЗМЕИНАЯ ГОРКА

Одно из самых красивых мест в Молебке. Со Змеиной горки открывается отличный вид на Зону и реку Сылва. Для того чтобы подняться на нее, нужно взбираться по узенькой, невероятно отвесной тропинке практически по кромке обрыва. Наверху расположена небольшая ровная площадка, заросшая лесом. Очень удобное место для разбивки

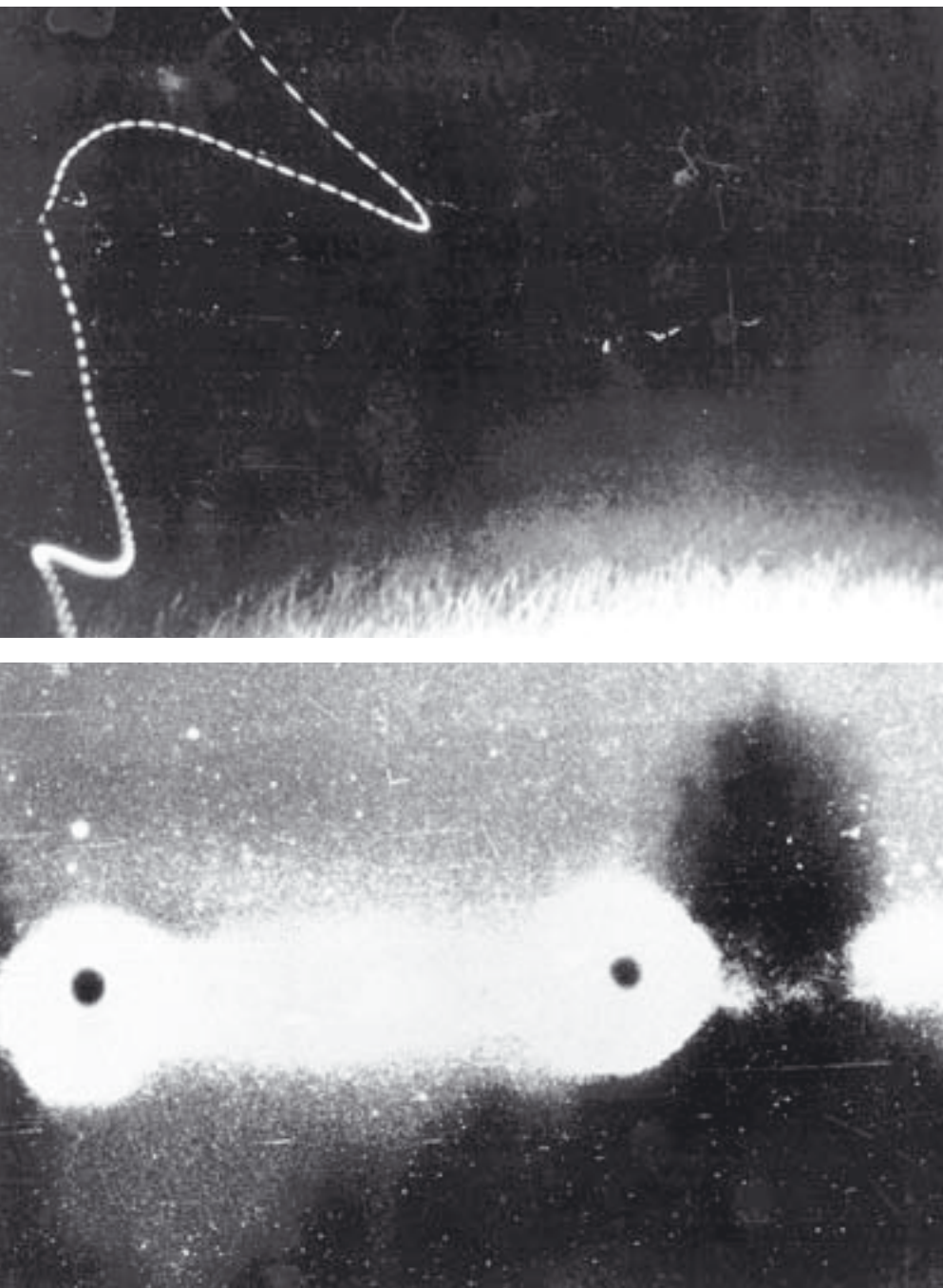
СКОПИНО

Старообрядческое поселение, в настоящее время полностью исчезнувшее. Определить его можно только по прямоугольным зарослям травы на местах стоявших там ранее домов. Бывшее поселение находится на пути следования

лагеря и панорамных, ночных наблюдений за Зоной.

Рядом расположены аномалия «Ведьмины кольца» и менее известная аномалия «Калитка», о которой писал Михаил Шишкин в журнале «Уральский следопыт» в 1996 году:

«— Э, нет, — улыбнулся Герман, — не там. Я открыл это место недав-

но. Оно — вон за той ложбинкой, — он показал рукой на другой берег реки, слева от «Пирамиды». — Там есть тропинка в лесу, и в полдень, когда туда падают солнечные лучи, на некоторой высоте появляется Калитка. Я был там несколько раз, разговаривал с инопланетянами. Но мое место здесь, а не там... Все, кому я ее показывал, из учеников, видели и описывали Калитку одинаково...

Сумрак ложбинки сковывал. Двигаться не нужно было, да и не могло. Вокруг нас что-то шевелилось, кто-то перешептывался,

трещал сучьями, ощущалось движение множества существ.

— Ты слышишь? — спросил Александр. «Во всяком случае, выдержки нам не занимать», — подумал я и ответил:

— Слышу... Чертовщина какая-то...

Было сильное ощущение, что нас откровенно разглядывают, чуть ли не трогают руками. И выхода из ложбинки нет, даже голову не повернуть. Только глаза... Однако мы так ничего и не заметили, сколько ни вращали глазами, несмотря на весь этот скрежет

вокруг. Спереди, сзади, сбоку... Ну и дела!

Я поднял голову вверх и только тут вспомнил о Калитке. Теперь я видел ее отчетливо, но не напрягая зрение: как только я это делал, галечная дорога начинала расплываться и исчезала. Вот тут я понял, КАК мне пригодилось умение расфокусировать зрение: только таким образом я мог рассматривать Калитку».

АНОМАЛИИ

Возможно ли подготовить себя к паранормальным или аномальным явлениям? Нет, конечно. Они, как правило, возникают внезапно и не умещаются в сознании. Есть ли гарантии того, что вы обязательно столкнетесь с ними в вашем путешествии? Нет. Далеко не каждый путешественник в аномальную зону испытывал на себе ее влияние и наблюдал видения. Отчего это зависит? Неизвестно. Может быть, от веры и желания увидеть что-то неизведанное, а может быть, просто от времени года, или других природных факторов, или нежелания внешней силы обнаруживать себя.

Чтобы хоть как-то подготовить новичков, в книге Николая Субботина «Пермский Бермудский треугольник» приводится список характерных аномалий, которые можно наблюдать (чувствовать, слышать, ощущать) в Молебской зоне.

Шары различного размера, светимости и цветности уже никого не удивляют на территории Аномальной зоны. Одни видны в ночи, другие проявляются только на пленке. Шары ярко-оранжевого цвета встречались неоднократно разным людям и даже получили название апельсины за внешнее сходство с этим фруктом. Скептики говорят, что это капли дождя, туман, некачественная пленка и миллион других возможных причин.

Звуковые миражи — тоже часто встречающаяся аномалия. Исследователи объясняют некоторые из звуковых миражей особенностями строения земной коры под Молебской зоной или тем, что туристы приписывают обычным лесным

Visible Orange Sphere (from video) Valley, Yakima, 11-31-91

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

звукам неземные свойства. Однако встречаются такие аномалии, которые объяснить порой бывает очень сложно. Очевидцы рассказывают, что при прогулке по лесу они слышат негромкие отрывистые звуки, как будто кто-то неподалеку тихо разговаривает, другие слышали журчание ручья, хотя рядом его нет. Иные говорят, что слышат звук работающего мотора автомобиля или насоса, хотя ничего подобного поблизости и быть не может!

Отмечают, что в деревне Молебка сотовая связь работает только в нескольких местах на горках, и только местный оператор. О том, чтобы позвонить из самой зоны, и речи быть не может. Но есть там одно место, названное исследователями «Телефонной будкой», найденное совершенно случайно. Небольшой пятачок примерно 2x2 м. Если встать внутрь него, то уровень сигнала на телефоне высвечивается почти максимальный.

Живой костер. Некоторые рассказывают о странном поведении костра в аномальной зоне. Его пламя может неожиданно вспыхивать и так же внезапно гаснуть, будто в него плеснули бензином. Частично это можно объяснить выходом в некоторых местах из земли горючих газов. Порой встречаются совсем из ряда вон выходящие истории.

«...ночью Зона показала себя с новой стороны. Все давно спали. В 40 минут первого мы с Володей сидели у костра, попивая чай, и собирались уже отойти на боковую, как вдруг видим: из костра прямо перед нами выпрыгивает нечто удлинненное, размером с жабу, и светящееся! Оранжевого цвета, оно словно состояло из искр и угольков. Не успели мы его как следует разглядеть, как это нечто попрыгало от костра влево от нас, в сторону тропинки. Небольшими, ровными, около 20-25 см в длину скачками оно двигалось четко по прямой на протяжении трех метров и потом исчезло. Наше состояние было не передать. Схватив фонари (такие мощные «бандуры», напоминающие во включенном состоянии фары хорошего авто), мы освещали

тили всю поляну, изучили каждую пядь земли в радиусе 5 метров от костра, но так ничего и не нашли. Даже угольков. Охотничий азарт сменился осторожностью. Подбросив в костер побольше дров, мы с Володей, не сговариваясь, встали спина к спине, поводя фонарями во все стороны и освещая ближайшие кусты, деревья... У обоих было ясное ощущение стороннего наблюдения, это чувство не оставляло нас около 10-15 минут и только затем резко прошло, будто переместилось на другой объект изучения. Еще немного посидев и попив чайку, мы полезли в палатку».

Многие ученые и просто любопытствующие, побывавшие в Молебской аномальной зоне, описывают необычные ощущения. Они отмечают эффект присутствия, состояние, словно кто-то за ними наблюдает со стороны. Вот характерное описание, сделанное режиссером екатеринбургской «Студии ПРО» Василием Голощаповым:

«Страшно было только однажды: я отстал от группы и остался у кромки леса, вдруг возникло ощущение, что на меня кто-то смотрит, затылок сдавило неприятно так. Ни до, ни после со мной такого не было. Потом один человек рассказывал о похожих ощущениях: его словно что-то не пускало, когда он с видеокамерой пытался приблизиться к летящему объекту, и так же давило затылок».

Если этих аномалий покажется мало, молебская аномальная Зона подготовила еще много сюрпризов. Это и аппаратура, которая сходит с ума, и необъяснимая усталость или, наоборот, всплеск жизненных сил, и едкий запах озона, и аномалии, связанные со временем. Так, многие отмечают, что неизвестно куда у них выпало несколько минут или даже часов из жизни. А кто-то замечал, что часы внезапно останавливались или замедляли ход.

Собираясь в путь, важно помнить о мерах предосторожности. Во-первых, с начала мая и до конца июля на территории Зоны наблюдается большое количество клещей. Во-вторых, есть риск неверной трактовки тех или иных явлений, происходящих в аномальной Зоне. И в-третьих, если вы идете туда в первый раз, без проводника не обойтись, тем более что на технику порой надежды нет.

Молебская аномальная Зона – это место, которое никого не оставляет равнодушным. Не важно, верит ли путешественник в присутствие неземного разума, или в неизведанные человеком явления природы, или в богатую человеческую фантазию, главное – каждый находит там что-то для себя. Кто-то получает ответы на давно мучающие вопросы, другой наслаждается новыми впечатлениями и ощущениями, а кто-то просто находит способ отдохнуть с друзьями на природе.

Татьяна КОРНИЛОВА

Село Тургояк

В государстве Российском есть деревенька Тургояк, на две тысячи дворов. Как ныне водится, народу в ней мало проживает, на одну трубу печную с дымом пять осиротевших приходится. Зато природа местная завораживает, собственно, как везде по России-матушке.

Есть еще озеро при деревеньке, а может и наоборот деревня при озере, только вся родословная житейская меж ними перепутывается. Говорят про озеро Тургояк – будто оно волшебное, а мы приозерные самодумы точно знаем, вовсе оно не волшебное, оно – простое и бодрящее, чего не скажешь о тысячах других озер, расплесканных по всему Южному Уралу.

В сравнении с другими деревеньками Тургояк силен и могуч. Отремонтирована дорога, даже разметку нанесли. Деревенская амбулатория переехала из ветхого здания с улицы Ленина на улицу Школьный Переулок. Почтовое отделение теперь с услугой Ин-

тернет. Модельная библиотека с замечательными сотрудницами и магазины с городскими продавцами.

Обо всем расскажу. Зачем вам все знать? Затем, что это кусочек нашей Великой и Славной Родины. Для того, чтобы ушедшие поколения, которым выпало счастье итожить исторический ход событий, знали, здесь, в деревеньке Тургояк, чтят их доброй памятью, восстанавливают утраченные традиции, берегут истинность бытия.

Михайловский Торжок в Тургояке обычно проходил в ноябре. Базарные деньки выпадали на время зимнего забоя скота. Было важно успеть продать излишек мяса, чтобы приобрести другие необходимые продукты питания и утварь, хозяйственные предметы и теплую одежду все то, что помогало скоротать долгую и холодную зиму.

Местом торжища становился центр поселка, по старой памяти до середины XX столетия ба-

бушки торговали с этого места молоком и овощами, выращенными на своем подворье. Продажа бондарных и скобяных изделий, продукция шорников и животноводов была самая прибыльная. Товаром становились лошади, свиньи, коровы, овцы, козы, собаки (для охоты), логушки, бочки, сани, телеги, сбруя, изделия народных промыслов, льняные ткани, пряники. Часто люди просто обменивались товарами, потому что в деревнях и аулах близлежащих, деньги водились не всегда. На Торжок приводили цирк (яркий шатер цирковой еще помнят старожилы), ярмарочного медведя, устраивали гуляние. Народный праздник сопровождался песнями, плясками, спорами. Часто Торжок запоминали не по году прохождения, а по скандальным событиям...

Однажды устроили Торжок, люди наслаждались общением, скоро зима, и холодные дни надолго разобьют честной люд. Вдруг заехал на площадь базарную купец, пьяный да сытый. Под ним конь статный. Селянки, стоявшие возле лотошника с пряниками и крендельками, платки подправили, личины осветлили, любят и хозяином, и конем. Увидав такую персональную обходительность со стороны женского пола, купца понесло:

– Чего глазищами торгуете, бабоньки? Может, купить хотите конягу или подарить какой Вороного?

Стоявшие подле мужики весело хмыкнули в борды и лихо подмигнули местной красавице Верке.

– Гляди, пряткий! Что конь, что хозяин – бешенные! – толпа зевак разрасталась с каждым словом барским.

– И то, правда, бешеные! А может, которой и подарю коня, если голой от сих лотков до конца улицы пройдет!

Толпа замерла. Несколько подростков понесли новость по деревенским закоулкам. Народец стал волноваться и прибывать к зрелищу.

– А мне что терять-то? Или мужики наши голых баб не видали? – выкрикнула Верка из толпы селянок. Сняла одежду и пошла вдоль по озерной улице. Купец с дружкой за ней вслед ехал чернее тучи, но слово, при народе выданное, сдержал, отдал жеребца женщине. Правда, долго прощался с ним, слезами заливался. Зря только убивался потешаюшка, коня ему же и продали, на следующий день. Побоялись, что скрадут красавца или сгинет животное от долгой зимы.

Деревенские Верку не осудили. На деньги, вырученные за коня, она две зимы жила, детей поднимала. Тогда всякий по-разному живал-бывал. Кому и соль сахаром казалась, а кому и пряник не в радость...

В 2006 году жители поселка Тургояк восстановили утраченную традицию – проведение ярмарочного гуляния с незатейливым названием Торжок. Спустя семьдесят лет праздник получился скудноватый, но стал самым трогательным для тургоячей. Никто не ожидал увидеть радость в глазах старожилых и ребятишек от покупки пряников – настоящих расписных, как в старину. А когда-то в каждом доме выпекались вкусные пряники из ржаной муки. У каждой хозяйки бытовал самоличный рецепт.

До революции в каждом дворе лошадь держали. Летом работы лошадям завсегда хватало. Зимой, чтобы животины не застоялись, устраивали бега на ледяной глади озера Тургояк. Хорошо ковали лошадей, снег шибко не счищали. Ставки начисляли, залог делали, горячились, все, как в столицах. Иногда привозили специально чемпионскую из чемпионки, чтобы не только куш сорвать, но и перед дружками пройтись поосанистей. Бега ждали и стар, и мал. По деревням рассылали клич. Однажды один из Гореловских привез для скачек лошадь добротную, с лучшими рекомендациями. Специально страсти разжигал. Ставки себе готовил, чтоб не прогадать. Настал день забега. Местные мужичонки потехи для решили свою лошадь на круг вывести. До того страшнучая кобылка от них вышла – уши длинные, ноги сухонькие да колесиком, вся такая ребристая – бедняга в общем. Люди, разглядев убогонькую лошадку, стали над ней смеяться, особенно Горелов, хозяин породистой дуэлянтки. Призывно отбили склянки, и началась борьба. Красивым забег получился. Солнце высоко стояло. Морозец слегка покусывал носы и щеки, только этого никто не замечал. Вышли лошади на первый круг. Растянулись, словно каждая свое место определила. Из-под копыт снег и лед сыпал искрами. Породистая красавица за собой половину круга на хвосте всех тянула. Вдруг все изменилось. Та страшненькая лошадь сначала хвост в хвост шла с фавориткой, потом на круп обошла чемпионку, а потом и вовсе полетела, как молния. За насмешки обидные взяла и выставила фаворитку купеческую. Летела Ушастенькая, словно над землей вознеслась. Люди говорили, будто сами ангелы ее несли, ни одно копыто лошади не касалось льда! Пришла первой. Все и обомлели. Купец породы так загорячился, что разревелся. Не смог простить Ушастенькой победы, схватил ружье и пристрелил ее. Стоимость лошади бросил в лицо хозяина. Разбрелись люди по деревням и весям, разнесли с собой рассказ об Ушастенькой чемпионке.

«ВЕНЧАЛЬНАЯ»

Тургояк – озерная принцесса. Гордая, как Таганай гора. Непокорная, что волна штормовая. Жила не плакала, на рябчиков охотилась, да белку била. Местные богатыри замучались ее в жены сватать – всем отказ был. И правда, к чему молодухе коренья на варенья собирать, когда можно рассветы и закаты одной сколько хочешь разглядывать. Однажды случилось странное событие, то ли она в хорошем настроении была, то ли, наоборот, ввязалась в спор. А ведь всем известно, что бабий ум – бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца. На спор ее Байкал подбил. Он один из всех смекнул, что гордячку в жены только ласковой хитростью заманить можно. Объявил паренек, что никогда принцесса не сумеет явиться к людям в платье такого цвета, которого бы не видел ни один человек.

Настала последняя ночь перед разрешением спора. Как водится – пока баба с печи летит, 77 дум передумает, а наша девушка и все 100. Так ей хотелось перемудрить Байкала, но несчастная Тургояк не смогла найти достойного ответа. Она без усталости ткала, потом кроила, все не к лицу. Совета доброго не подсказали, ведь за чужой щекой зуб не болит, зачем гордячке помощь? А когда утро наступило, все удивились. Разлилось озеро хрустальное, которого раньше не было, а принцессы не стало. Искали ее всем миром да удивлялись природной перемене. Три дня Байкал сидел у воды, не мог уйти – все сердце томилось. Звал милую Тургояк, а его только волна игриво забрызгивала, будто поглаживала. В первый день вода озерная стала с золотым отливом, на второй день изумрудной, а на третий день в лучах позднего заката – сиренево-вишневой. И понял тогда Байкал, что случилось. Это милая Тургояк показывала ему свои наряды. «Ты победила, лишь саму себя, Тургояк», – подумал Байкал. И одной слезой излился он далеко-далеко от нее, чтобы вновь состязаться с ней же. Люди, до сих пор не видят разницы между озерами Тургояк и Байкал. Всегда сравнивают их, и даже зовут братьями, ибо по духу Тургояк не уступает Байкалу ни в чем. И только один человек на свете уже не первый год бережно привозит воду Байкала и с любовью выливает ее в Тургояк. Говорят, в этот день сбываются все мечты. Знаю, когда добрый путешественник вновь повенчает Тургояк с Байкалом, но вам не скажу. Сначала о счастливой России мечтать научитесь...

«КАЗАЧКИ»

В дремучем лесу, на границе света и тьмы, затерялась деревенька. В быту простенькая, внутри заковыристая, сродни человеческой душе. В ней утро теплилось хлебами да щами. Вечер искрился песнями и плясками. Ночь уводила дремучими тропами в тайный дозор.

Звали деревеньку «Казачки», дабы жители деревенские все из казаков исходили. Каждый новый прибывший, был или беглым воякой, или бунтарем, потому без долгих разговоров поступали они на службу к воительнице Екатерине, к лютовке «сорвиголова». В жизни часто так бывает: забор хорош, да столбы сгнили. Так и у «атаманши» мужики вымерли, а заботы пол-избы мал-мала копошится. Бабья дорога – от печи до порога, а ей видно судьбу наладить забыли? Да еще характер сам черт выбирал. А тут царевы указчики за сына старшего большой выкуп истребовали. Ладно, что было продать корову с теленком, так еще четверо мальчишек в рост пошли. Как одеть, во что обуть, чем прокормить? Когда думать о доброте? Собрала Екатерина свой душегубный отряд. Поджидали «казачки» на дороге только богатые караваны. Скромные обозы не трогали. Богатые караваны охраняли хорошо вооруженные отряды, и надо было особую смелость иметь, чтобы нападать на них. Однако Катерина свою мерку для всего отряда установила. Или ты воин

и не зря хлеб кушаешь, или пушечное мясо, туда тебе и дорога. Сильный – докажи своей жизнью – все! Весь сказ. Поэтому боялись в округе из тьмы приходящих воинов-грабителей. Екатерину бес хранил, ибо никто не ведал о ее ночных грабежах. Рыскающие по округе губернские нюхачи никак в толк не могли взять, что это за атаман такой завелся и где его найти. Пленить не знали кого, а слухов никто не распускал.

Однажды или солнце из-за горки раньше выкатилось, или так надо было, только поймали «Атамана» и ахнули – баба! Мудреное дело корыто: кто не знает, кораблем назовет. А тут целая история! Сразу вспомнили о жестокости ее лихостей. Поделом, или по заслугам (у каждого своя правда), отомстили всей деревеньке за бесовское укрывательство. Фундамент дома разбойницы выложили черепами. Все взрослое население загубили и скинули в погреб в том же доме. Малых детей раздали в люди, а старших ребят продали Демидову в крепостные, навеки лишив их Родины и казачьего сословия. Наверное, потому двоякое у нас отношение к казакам, видно, старые памятки от предков наших тревожат правоту.

Давным-давно, когда люди были добрыми, жил на свете злой разбойник. Не мог он найти свое теплое местечко, чтобы было, где день скоротать, душу согреть да сундук с серебром припрятать. Всю землю обошел ни зверь, ни человек. Везде его в «восвояси» отправляли. Горевал разбойник и очень на людей обижался: «Мол, где же мои «восвояси», хоть бы показал кто. Я бы сам ушел». Однажды то ли обида его одолела, то ли старым стал, захотелось ему к Бабе-Яге за советом обратиться. Баба-Яга без всякой на то корысти яблочком по блюдецку покатала и сказывала: «Иди за семь гор, в золотую долину. Есть в горах Уральских озеро волшебное. В озере том хрустальный дворец рыбы диковинные сложили. Дворец тот богатырь Тургояк охраняет. Одолеть богатыря можно, только не хитростью и златом, а силушкой доброй. Хранит Богатырь Тургояк особенное Счастье, а какое оно, я и сама не ведаю». Злой разбойник рассудил так: если нет у меня силы доброй, то хоть на Счастье одним глазком погляжу, а то приду к Солнцу, а оно спросит меня, видел ли я Счастье, мне и ответить будет нечего. Пошел разбойник в золотую долину, к озеру волшебному. Еще издали приметил богатыря грозного, силою могучего. Спросил разбойник богатыря: «Зачем тебе Счастье хранить? Утопи его в озере. Пусть себе само хранится. Никто его не достанет, не увидит, а сам ты покой найдешь». Могучий Тургояк так устал за многие годы сторожевой службы, что взмолилась душа его, а по словам разбойника и правда нашлась в сердце. Словно ум помутился у богатыря, оставил он службу свою и в поход собрался подвиги совершать, а Счастье в воду подальше забросил, кто его возьмет, ведь даже летом вода озерная бодрит. Разбойник, тем временем, к Счастью подкрался. Захотелось ему преблагое себе одному присвоить. Да только богатыря могучего мудрое Солнце,

пение птиц да молитвенный шелест трав остановил – отрезвил. Вернулся Тургояк, а как увидел, что разбойник на себя Счастье примеряет, так и бросился в воду глупца проучить. До сих пор учит. Бывает, так разоидется богатырь Тургояк, что волной озеро дыбит, и непогода великая утверждается на многие дни, а бывает иначе... сидит человек на берегу и счастье себе просит, плачет, душой болеет, а оно в глубине озера, ни для кого...

То ли вдоль, то ли поперек исходил землю богатырь, а невесту свою не нашел. Завела его стежка-дорожка на край Земли, глядит по сторонам, а вокруг народу тьма. Каждый по своим думам пришел, а дальше идти некуда. Богатырь в сторону дома развернулся. С ним еще один увязался. Прошли молча половину Земли, решили поговорить.

- Что за мной пошел?
- Спросить хочу...
- Так спроси.
- Невесту мою не встречал?
- Какая Она?
- Красивая и добродетельная.
- Встречал.
- Где?
- Везде. Везде, где Родина моя. В какой дом ни зайди, и накормят, и напоят, и спать положат. А невесты... смотри – не насмотришься.
- Где Родина твоя?
- За лесом, в горах Уральских. Там озера синие, туманы волшебные, заревницы алые...
- Зачем на край Земли шел?
- Дурнем был.
- А теперь?
- Домой хочу. На покаяние.
- Ты Богатырь. Служить должен.
- Спроси себя, делом ты занимаешься или пустяками?
- Делом. Родину и людей защищаю.
- От кого?
- От врагов и недругов.
- Я богатырь – человек. Ты богатырь – человек. По вере нашей мы не братья. Завтра ты придешь воевать меня. Или я приду воевать тебя. Мы и есть друг другу враги. В этом суть: «ДРУГ ДРУГУ враги», значит каждый друг своему другу может стать врагом. Кого и от чего защищать? Ум защищать от разума?

Как только не жил наш народ! Куда взгляд ни кинь, все простота-красота. Бывало, сядут говорлишки на скамеечки, под образами, и давай баюшки травить. Иные сказки годами из умственной шкатулки не выйдут. Прикипела и я к одной складушке, вроде как поверила в нее очень. Жил мудреный старатель. Много золота у него было. Однажды привиделся ему сон. Сидит он как будто в крепости старинной. Ему кушать подают и

огромных тарелках. Откушал он снеди да заинтересовался, из чего это тарелки едовые смострячены. Пригляделся – все святые Епархии! Посудины из чистого золота слеплены! Старателю золото не впервой руками трогать, но чтоб жрать с золотой посуды, это ему не приходилось. Смотрит мужик на гостей, а они вроде как не замечают, что тоже с золота кушают, свое уразумел. Пошел мужик по крепости гулять. На что ни посмотрит, все из золота и все раскрашено под разные предметы. Из сна выходило, что только он, мужик этот, мог видеть под краской золото. Утром мужичок рассказал мамаше своей про сон. Она запричитала и сказала, что дурные вести ожидать надо. И вправду, через некоторое время дошло до их околотка про грабежи нововластные. Потом пришли «кожанки» в дом к старателю, стали выпытывать, где золото закопал. Хоть и золото, а трудом тяжелым добыто. Не сказал ничего страдалец, его сразу и сгнобили. Семья от него осталась, жена с дочкой Анютой. Время много прошло, уже и дочка Анюта замуж пошла, малят народила. Старенький дедов домишко решили продать. Да малец, сынишка младший Анютин, слезами утирается, запросил напоследок засовчиком поиграть, тем, что на воротах стареньких дедом прилаженный еще оставался. Экая невидаль, отдали ему засов с ворот. А он песочком потер «игрушку», та куском золота оказалась. Кинулись на чердак, там сколыши от посуды в тряпичном хламе валялись, уже почти лет сто, их из уважения к памяти деда не выбрасывали, мол, Дед кушал из такой посуды. Стали сколыши песком

оттирать, а это слитки золота под обломки посуды раскрашены были. Почитай, целый клад получился. Ходили по этим обломкам посуды нововластные, а не догадались про то, что по золоту бродят.

«ЗАМУДРЕННАЯ»

За далекой горой, в лесу дремучем жил-поживал добрый волшебник. Не было у него ни кола, ни двора, ни семьи, ни «на черный день припасено». Лечил птичек да зверушек, хотя и не был доктором. Каждый лесной житель мог обратиться к нему за помощью. А в ответ на его помощь несли ему кто в клювике, кто на шерстяной спинке грибы сушеные, ягоды вяленые, мух и клопов с плесенью. Он всем радовался и всему был доволен, хотя никогда не лакомился мухами, клопами и плесенью.

Однажды к волшебнику прилетела Баба-Яга и запросила себе счастья большого. Волшебнику стало жаль глупую убогую старушку, и подарил он ей счастье, которое она просила. Но, как это часто бывает, Бабе-Яге маленьким показалось выданное ей счастье. И она понеслась к другому, только очень злобному волшебнику за дополнительно желаемой порцией. Злобный волшебник был рад встретить глупое создание, ведь надо же на ком-то испытывать свои гадости. И повелел он ей отречься от простого счастья, чтобы получить замудренное. Баба-Яга обрадовалась, но решила до утра подождать, подумать. Прилетела она к доброму волшебнику, а того дома не было. Забралась на ветку дуба, стала смотреть вокруг, размышлять да ножками болтать. Вдруг увидела Баба-Яга, как злобный волшебник крадется за добрым волшебником и все-все за ним повторяет. Но ведь чужой ум, на свой не напаялишь. Догадалась Баба-Яга, что злобный волшебник просто лгун, и посетило ее великое разочарование. Погоревала старушенция над своим скромным счастьем и осталась с ним жизнь поживать и добра наживать. А добрый волшебник все это знал. Ему даже больно не было за предательство Бабы-Яги. Только в жизни все осталось по-прежнему. И это правильно. Ведь пока есть доброе и злое, мы можем ценить и оценивать. Без оттенков будет скучно. О чем сказка? О тебе, дружок. О твоих делах, о том, что в мире всего одно счастье, и, если оно не с тобой, значит, кому-то нужнее быть счастливым сейчас.

Люба и голуби

К деревне Семен вышел ближе к ночи. Крепкий тын, окружающий поселение, уже замкнули. Можно, конечно, попробовать напроситься внутрь, но... Раньше тут Семен не появлялся, а начинать знакомство с вполне возможным отказом – плохая примета для торговли. Коль погода бы стояла стылая, или дождь лил, не говоря о граде, может, и пожалели, а так... Просто свежо. Так что, как обычно, ночевка в гамаке, повешенном между стволами. Выглядели деревья около Тарасовки вполне прилично. Судя по ним, здесь радиоактивные осадки оказались не столь уж ядреными.

Проснувшись вместе с летним рассветом и криком деревенских петухов, Семен помолился, покормил птиц и, позавтракав горстью орехов, принялся ждать, когда деревенские откроют ворота. Вскоре сборное стадо коров, коз и овец в сопровождении пары юродивого вида пастухов отправилось на луг. В распахантый проем, под табличку «Тарасовка», и прошел Семен. Не затеяв разговор с парнями-охранниками, он громко закричал:

– Товары! Почта! Товары!

Парни переглянулись, молча пропустили Семена мимо, а потом один, что повыше и здоровее, двинул за торговцем следом, взбивая пыль выдавшими виды сапогами.

– Товары! Почта! – продолжал словесить Семен, неторопливо двигаясь по сельской улице к центру деревни.

Из домов выглядывали люди, встречные присоединялись к охраннику и шли позади, перебрасываясь меж собой репликами. Семен упорно смотрел перед собой, лишь боковым зрением зорко определяя достаток по качеству строений и одежде деревенских. Доводилось ему попадать в места, где крыши крыты сеном или тесом. В Тарасовке жили небедно. Пожалуй, в деревне имела неплохая гончарня, а в окрестностях нужный для нее материал: почти все дома под черепицей. На колях горлышками вниз висели многочисленные кринки, что подтверждало догадку о мастерской. За изгородями ходили белые и рябые курицы. Попадались и индюки. Правда, ни уток, ни

гусей Семен не приметил. Колодцы во дворах отсутствовали. Наверно, рядом нет реки, и вода глубоко; всего один, может, три колодца на всех.

Потенциальные покупатели без стеснения пялились на Семена. Выглядел он, как и большинство бродячих торговцев: старые высокие армейские ботинки, крепкие брезентовые штаны с солдатским ремнем, на котором в ножнах – мачете, тельняшка без рукавов. На руках – татуировки названий городов и сел, через которые он уже прошел. На вид лет пятьдесят, но крепок и ладен. Волосы – ежиком, с проседью. На щеках и подбородке – недельная щетина. За спиной короб с привязанной штормовой. В одной руке саквояж, а другой тянет тележку на четырех колесах. Но есть и неожиданность: на тюке, что лежит на тележке, закреплена клетка с птицами. Голуби.

– Товары! Почта!

Решив, что народа собралось довольно, пройдет по улице достаточно, присмотрев удобное место для раскладки товара, Семен остановился, поставил ручную кладь на придорожную курчавую травку. Помедлив, не турнет ли его охранник, принялся снимать короб. Местные жители почтительно встали широким полукругом. Распаковываться Семен не спешил. Ждал местное начальство. Вскоре оно появилось. Низенький сухонький старик лет семидесяти колючими глазами раздвинул собравшихся, подошел вплотную:

– Что за товары? На что меняешь? Откуда почта?

Семен откликнулся жизнерадостной улыбкой.

– Украшения серебряные. Пряности разные. Платки женские. Часы на ходу механические. Ножи перочинные. Инструменты плотницкие есть. Иглы-нитки-ножницы-пуговицы. Ручки, карандаши. Меняю на вещи, что понравятся и что тащить нетяжело: украшения женские, часы сломанные, инструменты. А почта из Глуховцев и Бобровки. Сухарей за доставку дадите, и на том спасибо.

Тарасовский председатель чуть подумал, обозначив собственную значимость, разрешил:

– Торгуй... Только не обманывай. Почту мне давай, сам раздам. Еды и воды принесут. Ночевать у нас останешься?

Уже доставая из саквояжа пакет с завернутыми посланиями, Семен полуутвердительно бросил:

– Хорошо бы...

– Ладно. Позже скажу, в какую избу тебя определим. Торгуй.

Игорь Анатольевич Горностаев окончил в 1988 году МАИ (факультет двигателей летательных аппаратов), работает в одном из главных НИИ Роскосмоса. Также известен как экстрасенс (участник телевизионной «Битвы экстрасенсов»). Несмотря на то, что первая публикация относится к 1976 году (отрывок из эссе в газете «Комсомольская правда»), активно трудиться на литературном поприще начал на рубеже веков. В настоящее время Игорь Горностаев – автор множества рассказов (интернетовских и в сборниках). Он также принимал участие более чем в 200 интернетовских литературных конкурсах.

Староста повернулся и отправился домой. За ним увязались три женщины. Или почту ждали, или собирались предлагать свои дома для постоя.

Оставшиеся оживились, даже принялись проявлять нетерпение.

– Все-все! Подождите минут десять, я разложусь, тогда и ...

Но люди ждать не хотели: прождешь, а все самое нужное из-под носа утащат.

– Семен, а золотые сережки у тебя есть? А то у меня уши, если не золото, болят.

Успела, остроглазая, татуировку на запястье прочесть.

– Поищем. Не понравятся, в следующий раз другие принесу.

Товарообмен шел бойко. Но на самом деле все происходящее было, так сказать, прелюдией. Серьезные клиенты обычно приходят под вечер, четко говорят, что им нужно, и без околичностей показывают, что взамен готовы предложить. У Семена в отношениях с «серьезными» были принципы: не связываться с наркотиками и не брать золотые зубные коронки.

На облюбованном месте Семен просидел до четырех часов. Люди искали нужную вещь, просили отложить, шли домой за меновым товаром. Кому-то пришлось бегать три раза. Некоторые приносили вещи сами, предлагали оценить и на что-то махнуться.

Закончившуюся торговлю следовало назвать удачной. Себе в убыток Семен никогда не менял. А тут еще среди серебряного лома, который взял в обмен на будильник, оказались платиновое обручальное колечко и подвеска белого золота с бриллиантами. Некоторые мелкие камушки утеряны, но...

Вечерять у старосты собрались уважаемые в деревне люди. Семена усадили через одного человека от хозяина, чтоб и не рядом, но и разговаривать можно без затруднений. Свежие и малосольные огурцы, ровная отварная картошка, тушеная свекла, тертая морковь со сметаной, красные вареные яйца, мягкий белесый сыр, творог, зелень, теплые круглые лепешки, бутылки самогонки с ледника.

После ни к чему не обязывающих разговоров о житье-бытье и традиционных тостов вроде «За создателей коллайдера, чтоб им и на том свете пусто было», ему, наконец, задали вопрос, которого Семен ждал:

– А птицы-то у тебя на что? На еду, или как?

– Голуби? Они у меня не простые, почтовые. Из самого Екатеринбурга. У меня там у сына голубятня. Напишу записочку, привяжу к голубю, выпущу его, и помчится голубок домой. За два дня весточку домчит. А есть у меня один, с черным пятном, так этого я обменял в Бобровке. Так что и туда письмецо послать можно. Если у вас тут кто голубей разводит, случаем, и у него бы взял.

– Ну, скажи, – вдруг завелся сосед Семена по столу, молодой чернобородый мужик лет под сорок. – Много ли в той записке укажешь? Телепатия гораздо лучше твоих голубей!

– Экстрасенс, что ли?

Сосед буркнул неразборчиво, но согласно.

– Так, если у кого в деревне сильный экстрасенс есть, то, может, голубиная почта и не нужна. Но для связи надо двух сильных телепатов иметь. И чтоб они меж собой контакт имели хороший. Взаимопонимание. Верно? Вот. А это не всегда.

– Чтоб подмогу позвать или предупредить, например, градовой фронт идет, не надо много силы.

Семен степенно кивнул:

– Верно. Однако когда что-то сложное надо сообщить? Мне рассказывал один знакомый, как сложное слово по буквам целую неделю телепатировали.

Видимо, сложности такого рода были известны и соседу Семена. По крайней мере, тот не стал убеждать присутствующих, что и по буквам может передавать–принимать легко и просто.

– Алексей... – обратился к экстрасенсу староста. – Бывают огрехи, что греха таить. Вон, помнишь по весне, с семенами?

Сосед Семена заволновался:

– Да я уж сколько раз объяснял...

– Брось, Леша, – прервал староста. – Не ты виноват, все такое. Но было? И разве еще быть не может? Голуби, конечно, тоже не все вопросы решат. Его и хищная птица собьет в пути запросто... Но как подстраховка. А мне, конечно, больше интересно не весточки отправлять, а их получать. Голубей нынче в Тарасовке нет. В Екатеринбург мне писать не о чем. До Бобровки и так доберемся при нужде, не бог весть какая даль. Так что пока птиц у тебя покупать не станем... А вот голубей развести надо будет потом. С бобровскими договоримся о птицах, при случае.

Соседу Семена такое решение откровенно не нравилось, но спорить не стал.

Разговор перешел на семена и странности погоды, к которым люди никак не могли привыкнуть.

– Не подскажешь, в ближайшие день-два града не будет?

Семен не хотел ссориться с экстрасенсом и задал вопрос как можно дружелюбнее.

– Вчера смотрел, через неделю пойдет, – неохотно ответил тот.

– Слушай, а тебе карты таро не нужны? У меня полная колода есть.

Сосед задумался. Потом что-то вспомнил:

– Таро не надо. А вот свечей у тебя нет? Мне бы тоненьких несколько штук. Толстые сам делаю, а вот тонких бы.

– Понял. Пока нет. Но обязательно принесу в следующий раз.

Алексей как-то странно хмыкнул.

Разошлись в полночь. Семена отправили ночевать к некрасивой, еще нестарой бездетной вдове. Он шел вполне довольный прошедшим днем. Кроме удачной торговли на улице, получил вечером заказ на две швейные машинки и семена огурцов. Но самое главное – староста вроде как собирается завести голубятню. А там, глядишь, и до проводной связи дойдет.

Потихоньку-полегоньку откажутся деревни от переговоров с помощью телепатии. Связь ведь дело дорогостоящее и прибыльное. Что ж его доверять негосударственным людям? Старостам деревень, понятно, большой разницы нет. А вот Семену – есть. У его сына в Екатеринбурге не только голубятня. Но и должность. Министр связи.

Староста уже собрался ложиться, проводив всех гостей, как в окошко постучали:

– Пал Вадимыч, это я, Серега Васильев.

– Чего тебе...

– Беда!

Накинув изношенный до дыр махровый халат, староста босиком вышел на крыльцо.

– Ну, что еще?

Серега, бросив взгляд вправо-влево, взволнованно зашептал:

– Я ж с Лехой-телепатом пошел, по пути нам. Так вот, он сказал, что этот, ну, который Степан, нет, Семен, скоро помрет. Мож, этой ночью, мож утром. Ну, похвастался он мне. А я у него и спрашиваю, для смеха, ты на него что, порчу навел? А он так хохотнул, нет, говорит, это его кто-то днями раньше. А я тут и подумал, а ну как уйдет от нас и помрет? Так мы ж виноватые станем?

Новость старосту ошеломила. Что делать в такой ситуации, он и не представлял. В таких делах Алексей ошибался редко. Как скажет, обязательно сбудется. Умел он мало, а вот предсказывал – почти всегда сбывалось.

– Видать, не только Леха на почтаря взъелся из-за голубей?

Серега, решив, что староста с ним разговаривает, высказал совет:

– Может, предупредить его? Пусть письмо отпишет в Ебург, сыну? Так мол и так, тарасовские к моей смерти не причастны.

Староста зло сплюнул.

– Дурак ты, Серега. Хоть и умный.

Тот на «дурака» не обиделся. Нет, так нет. Не будем тревожить гостя.

– Вот что сделаем. Если Любка его ночью до смерти не заедит, то утром из деревни не выпускать. Скажи – староста не велел. Как даст дуба в дороге, людишки хабар растащат, а собаки тело съедят, и точно ничего не докажешь. А так... Похороним по правилам, товар его я на сохран возьму. И вернем в целости, кто спросит. Сразу понятно, не из-за прибыли порешили. А если, вдруг, не как Леха сказал, не умрет ни ночью, ни завтра, то тогда уж пусть на все четыре стороны, как говорится. Меня другое беспокоит... Ну, да ты иди. Иди к воротам, скажи не выпускать по утрам. Давай, Серега. Молодец, что пришел.

Окрыленный похвалой старосты, Васильев поспешил к охранникам.

А Павел Вадимович крепко задумался. Если бы колдун сказал только, что Степан умрет, это еще туда-сюда. Мало ли что с человеком случиться может. Все

смертны, и порой неожиданно. Но то, что умрет он не по своей судьбе, а по наведенной порче, это совсем плохо. От телепатов-колдунов в нынешнее время, польза, конечно, большая. В далеком детстве старосты Павла были и телефоны, и телевизоры, и много чего еще. А после Большого Взрыва ничего этого не осталось. Так что услуги экстрасенсов необходимы. Куда без них? Но что-то слишком уж в сильную мощь они входили стали. Переписку, пожалуй, и без них вести получится, но кто ж между деревнями ходить будет сейчас? Опасно... Ради одной писульки троих отправлять? Только вот разве такая оказия как безбашенный торговец. Они заходят нечасто. А ведь не все следует телепатам доверять, есть некие тайны, что только одной паре ушей можно доверить. Ничего хорошего в тех деревнях, где экстрасенс считывает мысли старосты, отродясь не происходило. Не допустимо, чтоб кто-то помыслы властных людей насквозь видел. Тишком власть свои дела проворачивать обязана.

Как-то надо потихоньку приучать Леху, что незаменимых нет.

Голубятню обязательно придется строить. Голуби Семена и станут тут, в Тарасовке, свою породу продолжать. Пока торговца хватятся, пока кто-то прибудет, глядишь, беленькие уже и потомство оставят. А со света его сжила, как пить дать, Илина из Глуховцев. Ну, решено. Голубятне быть. И с Тимуром, старостой Бобровки, надо переговорить. Чтoб по округе голубей заводили начали.

Староста перекрестился, лег на покрытый периной дубовый сундук и почти тут же заснул. А вот многие жители Тарасовки заснуть не могли. Алексей еще не знал, что староста принял твердое решение, потому пытался исподволь внушить тем, кого он презрительно про себя называл «открытая книга», мысль, что затея с голубями не только вредная, но и опасная. Как все новое.

В избе, куда отправили ночевать гостя, тоже не спали. Сидели вдвоем на маленькой кухоньке в тусклом свете свечи, ни о чем не говорили. Семен, надев лишь трусы, курил трубку. Она, в белой ночной рубашке, поставив табуретку впритык к его стулу, держала мужчину за руку.

– Женишься на мне?

Помолчали.

– Судьба у меня непростая. Снова вдовой стать рискуешь быстро.

Люба улыбнулась. Ее некрасивое лицо от улыбки сделалось привлекательным.

– Ох, Сема... Такие, как ты, в огне не горят, в воде не тонут. Не хочешь, как хочешь.

Улыбка сошла с ее лица, она отняла руку.

– На тебе смертный заговор висит. К утру умрешь. Сердце не колет?

Семен напрягся:

– Это ты что, пытаешься меня на себе женить? Мол, женишься, уйдет порча?

– Ладно тебе, Сем, насчет замужества это я прико- лолась. А вот порчу тебе грамотно навели. Наш Алек- сей с ней ничего поделать не сможет. Даже если вдруг захочет.

– Откуда знаешь? Ведьма, что ли? Докажешь?

Клавдия хмыкнула.

– Сына твоего Володей звать, а мать его была Ла- риса. И не осматривайся: таких наколок на тебе нет. Докуривай пока, я в курятник. Скоро вернусь.

Принесла яйцо.

– Сниму тебе порчу, так и быть. А ты еще на ночь у меня останешься.

Семен никак не отреагировал.

– Уходить раньше и не думай. Ох, тебя крутить бу- дет. И понос, и рвота... На вот, возьми яйцо в ладони. Подержи минут пять, потом отдашь. Я над ним пора- ботаю.

Яйцо было только из-под курицы. Теплое, белое, с черной крапункой помета. В ладонях Семена оно как будто принялось легко подрагивать.

– Что в благодарность возьмешь, Люб?

– За работу мою оставь, что захочешь. А благодар- ности от тебя не надо. Ты свой труд выполняй: созда- вай голубиную почту. Только липовые колдуны, как Леха-телепат, да самоучки, как Илина-бригадирка, голубей боятся. А нам, потомственным ведьмам, это очень нужная вещь. Дикую птицу трудно же послать куда надо.

– Так записки от старост будут, а не от «потомствен- ных ведьм».

Любовь опять улыбнулась.

– Зачем ведьмам записки, если у голубя есть голова. Хочешь, я расскажу тебе сказку «Джонни- Мнемоник»?

Ф. СП- 1

АБОНЕМЕНТ на журнал
УРАЛЬСКИЙ следопыт

73 413 (индекс издания)	
количество комплектов	

на 2011 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА
на журнал **73 413**
(индекс издания)

ПВ	место	литер
----	-------	-------

УРАЛЬСКИЙ следопыт

Стоимость	подписка	_____ рублей _____ коп	количество комплектов
	пере-адресовки	_____ рублей	

на 2011 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

Алексей ЗЫРЯНОВ

Живые глаза

В комнате были открыты окна. Уличный воздух, казалось, лишь трепал прозрачную штору, которая неслышно тревожилась силой ветра, подобно платью молодой невесты.

На низком кресле-качалке сидел старик. Поверх выцветшего пледа возлежала тетрадь, в которую сухой рукой медленным царапаньем шариковой ручки заносились записи...

Я не знаю, что принято писать в самом начале в таком случае, как у меня. Изложу по-обычному – так понятней. Всегда лучше, когда по-простому.

Я живу один. Так произошло, что... Извините. Я сейчас поправлюсь, у меня в квартире обитает робот. Незатейливый такой помощник в быту. Он металлический, конечно, но все же по образу и подобию... Извините старика, перейду к главной сути. А то меня снова в дебри собственные мысли заведут, это я знаю.

Ну вот... ну да. Расскажу вам о нем. Ну, то есть о моем роботе. У него довольно объемная память, словарный запас «интеллекта» – это немаловажно, надеюсь, вы со мной будете согласны. И, представьте себе, читающие эти строки, в меру общительный... субъект. Хоть и скряга иной раз, недовольный по пустякам. Все тревожится о порядке вещей в доме. Ну, прям как... ладно, я ведь о нем речь-то веду. Ну, и не только о нем, все же. Надо признать, нас до сих пор окружают люди, пусть не будет никому казаться это смешным или обидным или даже несурзным заявлением. Я в том смысле, что в истории с ним еще замешаны случайные люди. Ну, не то чтобы замешаны, а играли некоторую роль в будние дни нашего с ним проживания...

Я тут поругал своего робота, но надо отдать ему должное – работающий, сообразительный. Не железка, а... чудо металлолома. Он не обидится, будьте спокойны.

Помню, как сейчас. На его покупку не было жалко накоплений за прожитую жизнь. Конечно же, все деньги предназначались на семейное счастье, беззаботное будущее... Но будущее угодило в теперешнюю действительность. Жизнь сыграла свой аккорд, и по своим нотам. Там, кто свыше нас всех, имеют в распоряжении свои правила... И, может, им Там виднее на нашу жизнь, если выписывают путевки по своему разумению.

...При социализме еще это было. Моя единственная дочь умерла от кожной болезни. Ирина, моя жена, последовала за нашим любовным творением. Не пережила рока судьбы. Как это и бывает – ее хватил удар. Слабое сердце...

Разве это могло? случиться? Ведь у нее было золотое пылающее сердце. Огромное и неумемное до жалости к чужой боли, сердце моей Ирины.

И я один. Один в трехкомнатной квартире. От друзей отказался в пользу семьи еще на заре взросления. В уединении с семьей видел основу своего счастья.

Так вот... Эта покупка не могла свершиться, если не произошли бы печальные события. После пятнадцати лет одиночества не хотелось ни жить, ни умирать – ничего не хотелось. Но жить надо было.

Столько лет, и некому доверить простую тайну. Это ощущение такое – чего-то тайного от других. Хотя разве наша личная жизнь была для кого-то тайной?

Сознание же уставало привыкать к одиночеству. Вам, наверное, такое не совсем знакомо. Хотя я не знаю, кто будет читать эти строки. Разговаривать вслух не имел привычки никогда. Все в мыслях да в раздумьях. Но вот слышать спокойный ровный голос того, кто тебя понимает и принимает, хотелось уже после пяти лет. А по прошествии свыше десяти лет жить в тишине, без звука речи доброжелательного собеседника, было... нет, не скучно, – невыносимо, вот как. Как-то совсем безнадежно невыносимо. К отсутствию шума детского топота, бряцанья посуды жены и других ее занятий в домашнем хозяйстве еще можно вытерпеть несколько десятков лет... Но голос... ее голос... их голоса...

* * *

Из гостиной, где я сидел в высоком вместительном кресле, мне было нетрудно разговаривать с ним, когда он находился на кухне – он все слышал (робот все-таки). Он мелком отвечал в тему. Иногда даже в нужный момент помалкивал – хороший все же из него выходит собеседник.

После моего второго вопроса он также промолчал. Я, потянувшись и охнув, избавился от сидячего положения. Дошел до кухни.

– М-да-а, дружище, – хлопнул я себя газетой по бедру.

Робот находился в слегка согнутой позиции над столом у заварника, замерев неподвижно. Изящные манипуляторы-руки, тянувшиеся к крышке, остались нависать над ней недвижимо. Только глаза отчаянно двигались вверх-вниз, влево-вправо, влево-... краем глаза увидел меня. Из этого положения он должен заметить только тапочки, обзор ограничен углом зрения нагнутой овальной головы-процессора.

Алексей Викторович Зырянов родился 22 ноября 1985 года в Тюмени, где проживает и по сей день. Окончил Тюменский торгово-экономический техникум. Работает в коммерческой структуре. Имеет пять публикаций в газете «Литературная Россия» и четыре публикации в интернет-журнале молодых писателей России «МолОко».

Приблизив стул напротив этого «изваяния», я присел. Его глаза могли двигаться, и именно это, с цоканьем и щелчками, они совершали все это время. Они перестали дергаться в разные стороны и остановились на мне. Я обратил на них внимательный взор.

Внезапно в памяти, как будто волной, возник эпизод далекого прошлого. Эти глаза. Боже мой! Его выражение глаз, полные потерянности, смущения... детского смущения и непонимания ситуации... Детские глаза... Алена... дочка. Сколько лет назад, но до сих пор невозможно смотреть. Я чуть отвернулся. Но, пересилив памятное явление, вернулся к сегодняшнему взгляду из окуляров робота.

...Это было тяжелое заболевание кожи и внутренних органов. У ребенка?! Не помню, что говорила об этом Ирина, какая-то странная болезнь. У Аленки это обнаружилось с рождения. Больше восьмидесяти процентов поражения кожного покрова.

...Она у меня на руках. На шее видны все прожилки и кровеносные сосуды с коричневым налетом, как от заварки настоящего давнишнего чая. А Аленка, доченька, смотрит на все вокруг, взгляд не остановится. Как только уставится на тебя, тут же ловишь ее внимание, пытаешься разгадать – боль жуткая в них или непонимание... А скорее непонимание жуткой боли...

Почувствовал озноб и ощущения холодности лица и лба. Временно потерял твердую визуальную картину обстановки.

Немного отойдя от этого состояния, осознал, что руки все это время сжимали по бокам голову. Глаза начали различать квадраты... коричневые... это... пол, я гляжу в пол. Руки не опустились, но обтерли лоб и щеки, становясь мокрыми от холодного пота. Тяжело дышу. Я слышу свое дыхание: свистящее, прерывистое, будто не мое, со стороны.

Все это уже было. Прошло, но было. Боже!

Дыхание глубже. Начал слышать шум вокруг. Прихожу в себя.

Робот. Все там же, где и был. Какую-то минуту беспокойное молчание нас обоих.

– Ах, ну да! Тебя снова замкнуло, дружище.

Шмыгнув носом, больно сжал красные веки глаз. Я подошел к нему, откинул щиток панели, перераспределил программу механизма движений. Робот задвигался, смешно размявшись, слегка привставая и наклоняясь и проверяя сгибанием рук поворотные приспособления в локтевых суставах.

– Ну-у... железяка, – чуть с иронией произнес я, – беспомощная. справишься дальше сам?

Он стал заканчивать с приготовлением чая. Торопился. Пытался реабилитироваться за заминку. Ну, что за умница!

Чай мы пили друг напротив друга в зале для гостей, на мягких креслах. В них так удобно сидеть. Даже роботу по душе. Нравится ему.

Я смотрел не на него, а на полки с книгами. Робот, как обычно, тихонько бегал глазками по комнате (как будто здесь в первый раз), редко останавливаясь на чем-то, потом тут же отыскивал другой объект для любопытства. Шум исходил от самих окуляров, поэтому я знал, что он неистово за всем наблюдает. Может, он всматривается в отложившуюся где-то пыль на полках? Или снова высмотрел где-то, а возможно на моем примере, для себя манеру людей из-за непрерывной склонности интерпретировать свои действия как общечеловеческие, которым он пытается подражать? Он не навязывает мне убеждений на этот счет, но его желание утвердиться в жизненной позиции – неоспоримо. И я знаю, что не буду разжигать дискуссий, если он начнет настаивать на своем подобию человеку.

Только бы он не спросил о моей заминке в последнем инциденте. Я до сих пор пытался не заглядывать ему в глаза...

Затем мы отправились в Тихий парк. Дождались пневмопоезда.

Я приткнулся боком у окна. Мой жестяной друг стоял, держась за вертикальный поручень, загораживая своим корпусом сторону по правую руку от меня.

Робот вглядывался в здания, провожал глазами уходящие серые столбы. Резким поворотом одними лишь окулярами разглядывал прохожих на тротуарах через стекло салона. Всматривался в горящие фонари. Была почти что ночь. А в парке с роботом чего мне бояться? Да и время сейчас спокойное, люди стали спокойнее.

И время... как будто бы... притормаживает.

Да-а. Наше время... времечко.

В дальнем углу автобуса я заметил второго робота. Всего в одном транспорте я насчитал их трое, вместе с моим. Почти одинаковые. Но мой чуть старше, вернее, модель устаревшая.

Вернув все внимание на свой «экземпляр», успел пронаблюдать за странным моментом. Робот вдруг неторопливо устремился взором в зрелую женщину, расположившуюся напротив меня, но достаточно далеко. Они разглядывали друг друга глаза в глаза. Мой робот стал как-то медленно уводить взгляд в сторону. Посмотрел мне в глаза, но не так долго, и задумчиво вернулся к созерцанию темных зданий уходящих из виду домов. Что же ему пришло в голову, о чем он размышляет? Женщина глядела на его затылок пол минуты. И тоже, немного смутившись самой себя, а вернее, своего поведения, отклонила голову в окно справа.

Что ей так знакомо в моем роботе? Что-то ведь ее удивило?

Я думал об этом, обратив лицо в спинку высокой сидухи напротив себя.

Странная мысль лезла в мозг: она ведь смотрела ему только в глаза!?

* * *

В квартире накопилась атмосфера ожидания хозяина. Она ощущалась как минута тревоги. Но волнения в пространстве комнаты не было, а лишь сопровождалось задумчивостью находящихся в ней предметов. По-другому объяснить не имелось удачного примера для соображения.

– Алэн, – Андрей Викторович подозвал криком робота. – Протри, пожалуйста, пыль с серванта.

– Я займусь этим. Осталось убрать ваши туфли в сушилку.

Этим именем на французский манер я нарек его в память своей дочери Алены. К его серому продолговатому корпусу этот образ забытого в прошлом актера, подходил, как строгий серый костюм к любому худощавому мужчине. А свое согласие в тот же день выразил и сам железный исполнитель желаний нового хозяина. Новоиспеченный «роботяга» слился душой со всей обстановкой в доме. Его нахождение в нем, как унисон, вливалось в традиционное продолжение существующего уклада.

– Что делать с вашим архивом ежедневников, Андрей Викторович? – Алэн приступил к новому поручению, и начал это делать с гостиной. – Они расположены на...

– Я сейчас присмотрю место для них.... А вообще-то надо избавиться от них, – доносился из противоположной комнаты голос мужчины.

– Тогда я не буду их комплектовать, – скороговоркой выдал Алэн.

– Оставь их у двери. А после обеда вынесешь, но непременно в утилизатор мусора.

– Хорошо, Андрей Викторович, я это сделаю в обязательном порядке.

Фотографии Алены за стеклянной дверцей шкафа по странному обстоятельству бросились в глаза. И увиденное отдалось в сердце уколом, заставившим сжаться сердце.

* * *

К утру квартира обрела первоначальный вид: в чистоте и порядке.

– Алэн, дорогой, если ты закончил, тогда посиди, пожалуйста, со мной в «детской». Я тут...

– Хорошо. Я уже иду.

– Секунду, Алэн, – бросилась на ум Андрея Викторовича созревшая мысль. – У нас остались заварные пирожные? Ну, те... вчерашние?

– Да, уважаемый Андрей Викторович.

Несколько мгновений для раздумий.

– Ладно, сотвори тогда нам чайку. Попьем перед предстоящей утренней прогулкой.

Робот никогда не осведомлялся о правильности своего непосредственного участия в таких чаепитиях за элементарной невозможностью осуществления любого элемента пищеварительного процесса через себя. Но знаниями о любимых занятиях людей он располагал. И эта его особенность не переспрашивать смысл всех приглашений хозяина, не относящихся к

функциям робота, удовлетворяла и удивляла Андрея Викторовича. Это объяснялось и тем, конечно же, что до пребывания в доме действующего хозяина у бытового робота с литерой «Д» («домашний») было уже не менее двух хозяев.

* * *

У распахнутой створки утилизатора мусора толпились другие роботы. Распределив время своих приходов, они выстроились в обычный полукруг, каждый со своим личным мешком. Все были почти на одной линии дуги, но вот Алэн стоял особняком от общей группы бытовых роботов, присматривавший за их спинами за тем, когда окончится их процесс поочередного сбрасывания домашнего утиля в резервуар накопителя.

И этот момент как-то позабавил Андрея Викторовича своей исключительностью. «Он и вправду думает о себе как о личностном роботе, а не обычном бытовом прислуге. Кажется, он вселил в себя манеры человека прошлых столетий, служившего в должности придворного. Он наверняка осознавал себя как робота, но отделял себя от других и классифицировал как индивида с непревзойденным рассудком. Ох, уж эта жестянка!»

* * *

Сыграла звонкая мелодия – это электронный открыватель двери. Бесшумная атмосфера лестничной площадки поглотилась шарканьем металлических ступней в прихожей, которое в свою очередь гулко унеслось на первый этаж вниз. Легкий щелчок – запорный механизм дверей вновь отделил их от внешнего мира. Этот шумок исчез без эха, словно бы дверь запирала выход в открытый космос на звездном корабле.

В коридоре мягкой поступью прорезиненной подошвы робота возобновилось затаившееся молчание.

– Андрей Викторович, когда я поднимался, мне пришла в голову мысль.

Спустя затянутую паузу из отдаленной гостиной глухо отозвалось:

– Подойди, – и еще приглушенной, – я не слышу тебя. Голос старика казался надсадно рыдающим.

– Андрей Викторович, – робот стал произносить медленно, – когда вы смотрели мне... в глаза... вы подумали, что я...

Голова старика обрушилась на скрещенные руки, в одной из которых уже был зажат намокший платок.

Несмотря на попытки расспросить хозяина о своих догадках, в ответ роботу было молчание. Еще долго он по инерции что-то произносил, находясь рядом со стариком, но в движении человека ничего не изменялось. Голова-процессор поворачивалась во все стороны, имитируя, таким образом, подсмотренную у некоторых людей привычку не смотреть на своего собеседника, когда тот не отвечает...

Спустя час самопроизвольным желанием робота – механическое сердце остановилось в унисон своему хозяину, обрекая дом на безмолвную тишину.

Анна СМОЛЬСКАЯ

Пора взрослеть

Не открывая глаз, Вадим откинул одеяло и сел.

– Плохо все. Все плохо. Можно даже сказать – дерьмово. А еще точнее – как всегда, дерьмово, – громко, с выражением произнес он.

Немного полегчало. Бороться с депрессией бесполезно – это он понял еще на Земле, когда поднимал себя с постели после тяжелейших смен в операционной. Надо весь негатив принять и выплеснуть.

Тяжело вздохнув, он открыл-таки глаза. Все было, как вчера, позавчера, неделю назад – раздражающим и удручающим. И пастельно-бежевые оттенки спальни («Может, цвет поменять?»), и причудливо выгнутые стены («Или перестроить все к чертовой матери?»), и нежный рассвет над бескрайней ржаво-красной пустыней за окном («А, все равно смысла нет...»).

Выпустив наружу раздражение, Вадим переключился на мысли о хорошем. Это тоже давно вошло в привычку, иначе свихнуться проще простого. Хорошее нашлось быстро: кофе с каждым разом получался все ароматнее, а сигареты уже давно не воняли тухлятиной и не разваливались в руках. Даже березка у порога вчера как настоящая получилась – весь вечер на нее любовался и, кстати, сегодня собирался еще таких же наострить штук десять. Или насколько сил хватит. Итак, утро, кофе, сигарета. Нет, сначала зарядка и душ – нельзя нарушать режим. Стоит расслабиться, и накрывает так, что хочется удавиться.

Лениво почесываясь, он выполз на крыльцо и замер. Опаньки! Это что за самостоятельность?

Перед домом сочно зеленели березки. Медленно, затаив дыхание и боясь поверить своим глазам, он подошел к деревьям. Нереальность ступила – все были точной копией его творения. Такая же плотная и гладкая кора, и ветки торчали в таком же порядке. Он надломил одну – ветка рассыпалась облачком красной пыли. Все правильно, но откуда?

За год в этом мире все происходило только по его инициативе. Ну, кроме самого попадания сюда – кто или что за этим стоит, он так и не понял. Просто щелк,

и вместо родной квартиры оказался в пустыне абсолютно голым. Что было потом, Вадим помнил отдельными кадрами: растерянно оглядывался, щипал и выкручивал кожу на руке; шел; бежал; полз; матерился, срываясь на крик. Задыхался от жары, сходил с ума от жажды. Пока красная пыль в его ладонях не стала вдруг водой. Вот просто взяла и превратилась. Остальное – дом, еда, бытовые мелочи – давалось уже проще, хотя и не сразу. Только с животными он зарекся экспериментировать после первой же попытки. Бессмысленные глаза странного уродца долго преследовали его в ночных кошмарах.

Как он с ума не сошел за этот год, Вадим и сам не мог объяснить. Но не сошел. Сумел. Выжил. Научился управлять «гребаным Солярисом», как иногда в приступах отчаяния называл этот мир. Ох, и наслушался же некто за это время! Или нечто. Подозрения, что за всем этим стоит кто-то разумный, то появлялись, то исчезали в зависимости от настроения. Не стихало только желание задать вопрос: «Какого черта?», желательно, глядя в глаза. Он бы многое отдал и за возможность врезать прямым в челюсть. От души, до сбитых костяшек. Если у некта, конечно, есть глаза и челюсть. Единственное, ради чего Вадим был готов сжалиться, – это возвращение домой.

Но есть кто-то здесь или нет – до сих пор никаких признаков жизни он не подавал, покорно и молча превращая красную пыль во все необходимое по первому желанию. Что-то изменилось? Это знак? Сигнал? О чем? Вадим обернулся и замер: сюрпризы еще не закончились. Или только начинались?

С трудом переставляя ставшие вдруг деревянными ноги, Вадим обогнул свой «коттеджик». За ним расстилалась привычная красная равнина, застроенная точно такими же, как у него домиками, и даже березки перед крыльцом у каждого толпились точь-в-точь. Не было их вчера! А может...

Вадим рванул к ближайшему, но на полпути остановился. Если там есть люди – да хоть кто-нибудь живой! – не стоило показываться в таком виде. Он провел рукой по песку, поднял тряпку и обернул ей бедра. Сойдет.

Но в доме никого не было. И в другом тоже. И в следующем... Надежда обернулась пустышкой. Запыхавшийся и совершенно растерянный Вадим вернулся к своему дому, сел на крыльцо и закурил.

Но ведь что-то это должно означать! А, может, некто ждет от него каких-то действий в ответ? Но, черт побери, каких?

Анна Смольская (Анна Сергеевна Антонова) родилась в 1973 г. в г.Свердловске. В 1998 г. закончила Уральский Государственный Университет по специальности «математика». Работала в сфере образования – учитель информатики в школе, потом старший преподаватель на кафедре прикладной математики в институте, затем тренер на коммерческих курсах по пользовательскому ПО. В 2006 г. переехала в Москву, где продолжила работать в той же области. В настоящее время – руководитель отдела образовательного консалтинга в одном из крупнейших учебных центров столицы.

С 2005 года – активный участник сетевых литературных конкурсов. Пишет в основном фантастику, но иногда пробует себя и в других жанрах.

Впрочем, долго размышлять ему не пришлось – за домом раздался звучный хлопок. Вадим замер. Секунда тишины сменилась отчаянным женским визгом, детским плачем и мужскими криками.

«Люди?!»

Ударившись ногой о крыльцо, упав, рассадив локоть и совершенно этого не заметив, Вадим бросился на звуки. Едва он обогнул дом, как навстречу вылетел голый мужик с безумным взглядом.

– Занято, да? – выдохнул тот и, не ожидая ответа, заорал: – Танюха, беги дальше, здесь уже застолбили!

Вадим проводил глазами сверкающую ягодицами фигуру и остолбенел. Между домами метались обнаженные люди, прижимая к себе надсадно ревущих детей. Где-то завязалась драка.

И никто не обращал на него ни малейшего внимания.

– Ты тряпочку сам сварганил или разжился где?

Вадим резко повернулся. Рядом стоял невысокий жилистый мужчина. Глаза неопределенно серого цвета в тон тронутым сединой волосам смотрели спокойно и чуть насмешливо. Нагота его явно не смущала.

– А?

– Тряпочку, говорю, где взял? – он ткнул пальцем в набедренную повязку. Вадим проследил взглядом за его рукой. Что за чушь? О какой тряпке можно говорить, когда тут такое? Люди! Но...

– Кто вы? Откуда? – Вадим с трудом протолкнул слова сквозь непослушное горло.

– Ты не в курсе? – в голосе незнакомца прорезалось удивление. Вадим помотал головой. – Странно, как же тебя без инструктажа пропустили?

– Ка-какого инструктажа?

Мужчина внимательно оглядел Вадима.

– Давно здесь?

– Год. Или около того... Да что, твою мать, тут творится?!

– Так. А ну, пойдём! – решительно подвел черту незнакомец и, словно не сомневаясь в выполнении приказа, направился к крыльцу. Оглядываясь в страхе, что все эти люди сейчас исчезнут, Вадим поплелся следом.

– Вот так вот и выперли нас с Земли как последних засранцев, – подытожил свой рассказ Миша.

Вадим зачерпнул кофейником красную пыль у порога, провел рукой по ступеньке и поставил посудину на мгновенно раскалившуюся поверхность. Привычные движения успокаивали и позволяли хоть немного собраться с мыслями.

Невозможно. Бред! Но он здесь. И люди... Как можно поверить, что какие-то инопланетяне – как их там, тхуканцы? – просто явились и всех выгнали? Только потому, что человечество загадило планету донельзя, и та уже не может восстановиться сама. Какое они имели право?

– А ты, значит, и есть тот самый «первопроходец», – задумчиво протянул Миша. – Хреново было?

Вадим усмехнулся. Им-то все объяснили, и не поодиночке переселили, а всех вместе. Он же оказался просто тестовым образцом. Справился – и других можно сюда.

– А если бы я сдох? Или свихнулся?

– Не думаю, чтобы они позволили тебе умереть. Гуманизм из них так и прет.

– И это ты называешь гуманизмом? – Вадим оторопело посмотрел на Мишу.

– В масштабах всей цивилизации – да.

– А цивилизация сама по себе или все-таки из людей состоит?

– Из людей, а как же. Только из очень большого количества. Семь миллиардов. Вдумайся в цифру – семь миллиардов! Которым вы помогли спастись.

– Мы? – Вадим вздрогнул.

– Тебе и этого не сказали?

– Мне ни черта не сказали!!!

Миша резво переставил кофейник, над которым уже вздыбилась шапка ароматной пены, и опасливо покосился на багровое пятно на ступеньке:

– Как ее выключить?

– Кого? – не сразу понял Вадим. – А-а-а, да просто все. Руку рядом положи и представь, что она уже холодная.

– Ух, ты! И впрямь просто, – в голосе Миши звучало детское восхищение. – Знаешь, я ведь до конца не верил, что здесь все возможно... – Не дождавшись ответа, он вздохнул и вернулся к прежней теме: – Ну, сам посудди: один человек – это не показательно. Что русскому хорошо, то другим смерть. А на кону жизнь – напоминаю! – семи миллиардов. Тхуканцы во множественном числе о вас говорили, но точную цифру не называли. Думаю, с десяток, не меньше. И, кстати, все справились!

– В это, значит, ты поверил?

Миша поморщился, покачал головой, но отвечать не стал.

Вадим разлил кофе по чашкам, половину мимо. Жизнь снова выворачивалась наизнанку. Кто-то чужой и равнодушный двигал его по клеточкам ради миллиардов точно таких же пешек. И не только его, оказывается.

– Если бы я знал... – прошептал он.

– Вряд ли вам позволили бы контактировать друг с другом, – все ж таки услышал его Миша. – Чистота эксперимента была бы нарушена.

– Да имел я этот эксперимент! – Вадим сорвался на крик. – Кто им позволил?! Кто дал право? Со мной, со всеми! Мы же люди!!!

– Тише, тише! – миролюбиво протянул Миша. – Я могу понять твои чувства, но и ты пойми. Они же спасли человечество. Мы, наши дети, может, еще и пожили бы на Земле в более или менее нормальных условиях. Но чем дальше, тем тяжелее бы приходилось нашим потомкам. Тхуканцы лет двести планете отвели, не больше. Потом ей кранты, а все живое раньше погибнет. Своим внукам, правнукам ты такое пожелаешь? А теперь посмотри на то, как пришельцы все организовали...

– Я вижу, – рявкнул Вадим, но уже потише.

– Что ты видишь? Ты меряешь все линейкой размером в одну жизнь. Свою. Они подготовили идеальные условия – загадить этот мир невозможно, а все необходимое появляется по одному велению. У каждого! Каждый может здесь получить все то, чего он был лишен на

Земле. Причем, заметь – они убедились сначала, что человек здесь сможет жить, и уж потом тщательно проинструктировали и перебросили всех аккуратно и безболезненно. Здесь у нас есть будущее, пойми ты это!

– Какое? – не сдавался Вадим. Перехваченное спазмом горло и кипящий в крови адреналин мешали сосредоточиться и хладнокровно объяснить Мише всю ущербность его слов.

– Оно есть – это главное! Какое – время покажет. Если у всех есть все, то вряд ли материальные ценности будут играть какую-то значимую роль, разве что произведения искусства. Представь такую цивилизацию! Разве ты не хочешь, чтобы человечество стало более духовным, менее заикленным на деньгах и шмотках?

Вот как объяснить Мише, что никакой высшей целью нельзя оправдать такое отношение к отдельным людям? Что нельзя так равнодушно списывать в утиль все достижения человечества. Для чужаков они, может, и не значат ничего или даже вредны и опасны, а нам, людям, каждый шаг вперед достался немалой ценой. А теперь все потеряно. Перечеркнуто. Уничтожено. Речь даже не о науке и технике – многие ли помнят наизусть всего Гомера, Шекспира, Пушкина?

– Но мы никто, и на наше мнение можно наплевать, – он и не заметил, как заговорил вслух.

– Опять ты за свое! Не плевать им на нас, иначе оставили бы человечество умирать вместе с планетой.

– Но зачем так-то? Словно с детьми малыми, неразумными. Неужели нельзя было по-человечески, повзрослому? Обсудить, договориться.

– А мы и есть малые и неразумные! – Миша тоже начал заводиться. – Или ты хочешь сказать, на Земле мы вели себя как взрослые? Обсудить? У нас правительства между собой не могут договориться. Да по сравнению с ними мы – дети. Видел бы ты, на что они способны!

– Я видел...

– Ты сам как ребенок сейчас – обижен: доиграть не дали, посмели сломанную игрушку забрать. А что об эту игрушку ты пораниться мог – не думаешь.

Вадим не стал отвечать. Надо успокоиться, взять себя в руки. Не для того он в одиночку выживал все это время, чтобы подраться с первым же человеком.

Шум за домом постепенно стихал, лишь изредка вспыхивая детскими восторженными воплями и смехом, плачем, хлопаньем дверями и другими звуками, от которых Вадим уже успел отвыкнуть. Звуками человеческой общины.

– И что теперь будет?

– А ничего, – Миша проглотил остатки кофе и с сожалением посмотрел в пустую чашку. – Люди попривыкнут, освоятся. Собьются в кучки вокруг вожakov и будут жить дальше.

– Вожakov?

– Большинство людей предпочитает не думать самостоятельно, а делать, что говорят. Им нужны вожаки. Лидеры.

– Где ж их столько взять?

– Сами найдутся. Или люди выберут – они без этого не могут.

Ответить Вадим не успел – из-за дома выринула крупная дама в строгой юбке и белой блузке с рюшечками и направилась прямо к ним. Бюст ее выдавался далеко вперед, а закрученные фигуркой волосы довершали картину. В руке она держала что-то похожее на блокнот и карандаш.

– Добрый день. – Не дожидаясь ответа, она продолжила: – Мы тут переписываем всех. Для порядка. Кто здесь проживать будет – вы вдвоем?

– Посмотрим, может, вдвоем, а, может, я и в другое место перееду, – усмехнулся Миша.

– Нет уж, вы сейчас определяйтесь! Как потом разбираться будем – кто где живет? Не хотите здесь, там еще много пустых домов осталось – любой берите.

– Определимся, не волнуйтесь.

– Как это – не волнуйтесь? И так бедлам устроили, а я теперь бегай, всех пересчитывай! А если потом кого найти надо будет, а? Где искать? Адресов-то нет еще. Вот вечером все соберемся, будем и администрацию выбирать, и прочий порядок наводить. Ну, так что – двоих записывать или как?

– Пиши двоих, – Миша решительно пресек говорливую тетку и подмигнул Вадиму. Тот, впрочем, и не собирался вмешиваться. Вместе, так вместе.

– Та-а-ак, – протянула она, скрипя карандашом. – А кто вы такие будете?

– Люди вроде как. Мужского полу, – уже откровенно веселился Миша.

– Это я вижу, что мужского, – рявкнула дама. – Работали на Земле кем?

– А какое это имеет значение?

– Большое! Особенно, ежели врачами были. Есть кто из медперсонала?

– Есть, – буркнул Вадим.

– Ой, правда? – ее голос сразу потеплел. – Сколько домов обошла, еще ни одного. Так что вы уж вечером обязательно приходите. Вы нам очень нужны. – Она повернулась к Мише и сурово добавила: – И вы тоже. Все должны быть. Для порядка!

– Для порядка... А ты спрашивал – где взять, – проводив взглядом тетку, хмыкнул он и повернулся к Вадиму. – Слушай, научи меня сигареты крутить. А то теория теорией, а ручками попробовать тоже надо.

– А откуда она одежду взяла? – вдруг озадачился Вадим, когда они уже задумчиво дымили.

– Так баба же. Она из какого хочешь дерьма конфетку сделает – это у них в крови. А тут только захоти, и любой наряд готов. Кстати, надо будет заглянуть к кому-нибудь – штаны попросить сварганить, а то как-то непривычно.

Вадим оглядел наброшенную на бедра тряпку. Цельный год его не волновало – во что он одет. А ведь среди прибывших и женщины есть...

– Угомонился? – Миша покосился на него и сплюнул на песок. – И то дело. Горячку пороть ни к чему. А то я уж подумал, рванешь пришельцам морды бить и требовать возвращения.

– В глаза им заглянуть я и сейчас бы не отказался. А уж вернуться и подавно.

– Куда? Земля пустая, города мертвые, электричества нет – как ты жить будешь? Откуда еду брать? А одежду? Что делать собираешься, чем заниматься? Людей там нет, или по одиночеству соскучился? Это очередной детский каприз, уж прости. Буду делать поперек, просто лишь бы не соглашаться. Отобрали игрушку – верните обратно. И после этого хочешь, чтобы к тебе относились не как к ребенку?

– А делать, что приказывают – не ребячество?

– Если дело приказывают – нет. Почти все это поняли, только ты возмущаешься.

– Почти? – уцепился за слово Вадим. – Значит, не все добровольно сюда пошли?

– Конечно, нет. В любой ситуации найдутся идиоты, которым неважно – против чего выступать, лишь бы пошуметь погромче.

– Ты на Земле, часом, не политиком был?

– Угадал, – Миша усмехнулся. – Только сейчас это не имеет никакого значения. Главное, как человек себя в этом мире проявит. Здесь цениться будут, в первую очередь, личные качества.

– Особенно умение красиво врать и убеждать.

– И все равно эта цивилизация будет лучше той, где сам человек не стоил вообще ничего, – Миша помолчал и, не дождавшись ответа, продолжил совсем другим тихим и проникновенным голосом, в котором аккомпанементом звучала железная убежденность: – Вадим. Ты же здоровый, адекватный мужик. Выбрось из головы эту ерунду о возвращении – надо помочь людям здесь. Ты – врач, и, похоже, единственный среди этой группы. Неужели ты готов бросить людей, которые могут заболеть, сломать ногу? Женщины рожать будут – кто поможет? Надо и других спецов готовить, иначе кому следующие поколения врачевать – шаманам с бубнами? Священникам с молитвами? О детях хотя бы подумай – сам же знаешь, как им помощь медика нужна.

Это Вадим знал не понаслышке – сколько раз приходилось вытаскивать пацанов с того света. Детская фантазия границ не признает. Какими приключениями и травмами обернутся их игры в этом мире, где можно сотворить все?

Но разве можно смириться с тем, что сделали пришельцы с ним и со всем человечеством? Принять, простить и остаться?

– Гладко стелешь. И ловко манипулируешь, – бесильно огрызнулся он.

– Ох, достал! Я никого ни к чему не принуждаю. Хочешь вернуться – вперед. Ищи пришельцев, бей им морды, требуй своего, – Миша встал и отряхнул песок. – Пойду я, пожалуй, не дело двум взрослым мужикам в одном доме жить. Захочешь поговорить – заходи.

Вадим провожал его взглядом, пока тот не скрылся за домами.

Два взрослых мужика? Ой, ли? Один покорно принял переселение и других призывает радоваться чистой комнате и новым игрушкам. Другой пытается отстоять честь и достоинство человека и человечества, но его убеждают в том, что именно это и есть ребячество. Кто прав? Кто из них рассу-

ждает по-взрослому? И можно ли так сказать хоть про одного?

К чему призывает Миша? Воспитатель цыкнул, и детки, держась за руки, стройными рядами потянулись за ним. Вожак сказал «Туда!», все радостно завопили «Да!» и ломанулись в указанном направлении. Как говорится, найдите отличия, кроме возраста. Ох, не зря он назвал всех нас детьми, не зря! Только вот как он при этом был убедителен! Аргументы непробиваемы, на каждый вопрос однозначный ответ. Может, в этом-то все и дело? Он не слепо следует приказу, а сознательно разделяет эту позицию. Пусть гнусную, но он ее все-таки отстоял.

Вадим понурился. А он сам? Смог ли привести хоть один внятный довод в свою защиту? И что, собственно, предлагает? Остаться одному на пустой планете? Он слишком хорошо знает, что это такое. Найти единомышленников и вместе махнуть возрождать Землю? Это тоже означает бросить людей без медицинской помощи. Остаться и не брать грех на душу за смерти людей из-за отсутствия врача рядом? И постоянно мучиться, что прогнулся, покорился, смирился. Если в мыслях такой раздрай, о каких аргументах может идти речь?

Мишу можно понять – политикам проще управлять детьми. Сказал – сделали. И слава Богу, что ни о чем не задумались. И самим детям хорошо – никто не заставляет шевелить мозгами, напрягаться. Гораздо проще поступать по правилам, следовать каждой букве инструкций, приказов, заповедей. Только вот детство не только беззаботно, но и беззащитно. Завтра придет другой миша и поведет толпу баранов на бойню. И никто не пикнет, пока ворота не захлопнутся.

И все же сам Миша не ребенок – он сознательно принимает решения и умеючи их отстаивает. Измерять нравственность его позиции надо другой линейкой – «плохими» и «хорошими» могут быть все независимо от возраста. Быть взрослым – значит, думать своей головой. Понимать, что тебе говорят, предлагают, требуют. И соглашаться или протестовать исключительно потому, что сам эту точку зрения разделяешь или нет.

И ему самому надо уже прощаться с детством. Объявит ли он персональную войну пришельцам, пойдет ли собирать команду и требовать возвращения их на Землю – в любом случае это должно быть его собственным решением. Даже если останется, то поступит так не потому, что приказали.

И тогда он найдет аргументы для Миши. И для всех остальных миш тоже, с какой бы планеты они ни были родом.

Пора взрослеть.

Мимо пробежала стайка малышни лет пяти. Вадим вздрогнул – среди ребят прыгало безобразное существо, похожее на помесь колобка и голубого кролика.

– Эй, пацанва! – Они дружно повернулись на оклик. – Это кто у вас такой?

– Это Крош. Смешарик. Это мы сами сделали. Прикольный, правда? А у девчонок – Нюша, – наперебой загалдели малыши.

Вадим встретился глазами с Крошем. Тот улыбнулся и подмигнул.

Записки из холодильника

Меня зовут Иннокентий. И, что хуже того, я пингвин. А вы думали, что это у вас проблемы? Непросто в русской глубинке жить пингвину с таким затейливым именем. И соседи мои – тоже пингвины. Особенно этажом выше – полные пингвины, напроочь отмороженные сибирской шоковой терапией алкогольного характера. Все мы живем в типовом пятиэтажном холодильнике советского года выпуска, по образу и подобию серого кошмара безымянного архитектора. Впрочем, все по-своему греются, когда по роковому стечению обстоятельств внезапно наступают сорокоградусные морозы и заканчивается горячая вода. А обвиним мы в этом досадном происшествии черную кошку, которая плюнула в колодец, да еще и галки в тот день низко летали. При таком раскладе бороться с сорокоградусным морозом можно только сорокоградусной водой. Коммунизм в коробочке, веселье в бутылочке, любовь вместо отопления, бронепоезд на запасном пути. Полный набор нашего гражданского счастья. Городок наш называется <вырезано цензурой>. Я, скромный пингвин-летописец Иннокентий, проживаю в лучшей части этого города. Район мой называется Оборона, и до сих пор находится в состоянии перманентной гражданской войны, так что если вы вознамеритесь совершить обзорную экскурсию, то не забудьте взять дедовский наган. Наша машина времени работает 24 часа в сутки, семь дней в неделю, и совершенно бесплатно. Попробовал сам – пригласи друзей. Выживет только один. А я хочу поведать вот о чем. Во время чумы знать запиралась в фамильном замке, и, чтобы как-то скоротать долгие вечера, они рассказывали друг другу сказки. И хотя мы простые сибирские пингвины и вряд ли можем похвастать благородным происхождением, будем действовать по тому же принципу. Искренне надеюсь, что это не затянется на тысяча и одну ночь, потому как русский

климат никуда не годится для выращивания хурмы. Я, как потомственный пингвин, вам скажу – погода не летная. Но горячему сердцу не страшны холода, и коварный ЖЭК напрасно строит козни по уничтожению инакомыслящего населения. Сижу на холодной печи, ем черствые калачи. Однако это все присказка, а сказка будет впереди.

КОСМОНАВТ ВАСЯ И ХОМЯКИ

Каждый дурак знает, что на Луне живут зайцы. Точнее, не совсем зайцы, а дикие кролики. Просто в незапамятные времена советской первобытности у Хрущева там была ферма. На Земле он выращивал кукурузу, а на Луне кроликов, и наверняка у него был хитрый план о том, как сделать мир лучше и чище, но внезапно все закончилось. Советский Союз распался, и кролики на Луне заявили, что у них тоже есть права и свободы, они хотят пить кока-колу, пользоваться интернетом и ходить в джинсах. Словом, кролики быстренько совершили переворот на ферме и совсем отбились от рук, размножились в космических масштабах и теперь населяют Луну. Однако не о кроликах сейчас речь, потому как все об этом знают, и это скучно. Я расскажу вам о деклассированных хомяках. Это настолько страшная тайна, что ее не кинули на растерзание толпе даже после развала СССР. Мне рассказал об этом Космонавт Вася, простой русский мужик из деревни Гладкое Утюгово. Он как раз сидел на рыночной площади и копил в свою шапку-ушанку семейный бюджет, когда я проходил мимо в задумчивом настроении. И вот мы с ним разговорились, слово за слово, и выдал мне Вася такую историю, что волосы на голове сами в дреды заплетаются. А слову Космонавта Васи можно верить, потому как мозг его устроен не столь затейливо, чтобы так лихо соврать. Ведь для того, чтобы хорошо врать, надо обладать неординарной фантазией. А что видел Космонавт Вася в своей жизни? Бескрайние ряды картофельных батальонов и

Михаил Павлович Булатов родился в 1990 году, в стране, которой оставалось существовать еще год. При первой возможности вывалился из родительского гнезда и уехал из маленького провинциального городка по имени Тобольск. Поступил в ТюмГУ на отделение журналистики. Там же, на отделении журналистики, подружился с Владиславом Крапивиним. Знакомство с великим писателем усугубило пристрастие Михаила к бумагомаранию. Результаты его зловещих экспериментов на литературном поприще вы можете увидеть сами...

черную дыру чугунной сковородки, которая неизменно оказывалась в руках милой женушки, когда у той вылетали пробки. Но Вася с самого детства тянулся к звездам. Так и не вытянулся, хочу заметить – от горшка два вершка. Однако он не стал останавливаться на достигнутом. Раньше, когда в нашей стране пылесосы мастерили на ракетных заводах, в космос можно было запросто выйти покурить. И все пионеры хотели стать космонавтами. Но Вася так и не стал настоящим космонавтом, потому что должен же кто-то в колхозе на тракторе работать. А когда колхоз расформировали, у Васи появилось много свободного времени и трактор в придачу, который уже нафиг был никому не нужен. Однако вместо того, чтобы нырнуть в омут деревенского алкоголизма, Вася решил довести до ума мечту детства. К тому же, благоверная Маня переквалифицировалась в хиппи и уехала автостопом в неизвестность. И, чтобы не заскучать, Вася занялся изобретательством. Из старенького трактора, двух мотоциклов, пылесоса «Буран» и пароварки он сделал звездолет. Назвал Вася свой межгалактический пароход «Неугомонный Ильич». Трудился на заднем дворе день и ночь, и вот наступил тот волнительный момент, когда надо нажать красную кнопку. Ну, Вася перекрестился, намахнул 100 грамм для храбрости, пристегнул ремень безопасности, снял с ручки и нажал Красную Кнопку. «Неугомонный Ильич» заурчал, заворочался, радостно пукнул и взлетел в звездное небо. Соседская собака проводила меланхоличным взглядом удаляющийся в ночную черноту звездолет и вяло подумала: «Во дает мужик...».

С напором наглого ухажера «Неугомонный Ильич» показал кукиш Ньютону и окунулся в космос. В состоянии невесомости Василий парил, как небритая бабочка, задорно матерился и едва не плакал от вселенского счастья. Подобные чувства он испытывал только раз, когда мама сперла с работы под Новый год килограмм мандаринов. И вот теперь, как большой мандарин, приближалась заветная Луна.

В дорогу Вася взял сухариков. Вот сидит он, хрустит сухариками, попивает чаек и смотрит, как кометы в отдалении пролетают. Комета-комета! Ноги, крылья... главное у кометы – хвост! Красота, прямо хоть стихи пиши. Но стихи Вася писать не умел, потому не засорял зря словесное пространство возвышенными речами. И когда его звездолет аккуратно так прилунился возле кратера, он только восторженно выдохнул: «Ух ты ж ептыть, вот это да!». Маленькой и обиженной казалась отсюда Земля. Древние человеки думали, что Земля стоит на трех слонах и похожа на большой блин. Если начистоту, то представления Василия о космическом мироустройстве не сильно отличались от мифов древних народов. Он и читать-то умел только объявление в сельском ларьке, и то интуитивно угадывал, что слово «учет» синонимично слову «облом». Так что представьте объемы его удивления! Но еще больше он удивился, когда его любопытный взгляд прилип к другому иллюминатору, который выходил на лунные равнины.

Здесь следует рассказать о деклассированных хомяках. На Луну их выслали еще при царе, собрали и всех скопом выстрелили из пушки, по принципу Мюнхгаузена. За инакомыслие и оппозиционные взгляды, как водится, – лучший русский способ выметать сор из избы. А в чем вся беда? Собирались себе хомячки по подвалам, снежинки узорные из фольги вырезали, хороводы водили, политику обсуждали. Ну, их и сдали, как это обычно бывает, в каждом тереме найдется свой неизвестный доброжелатель. Пришла крутая инспекция, заявила, что они снежинки без лицензии вырезают, следовательно, государственные преступники. И живут теперь хомяки на Луне, у них там поселение небольшое. Неплохо обжились, кстати. Только по Земле сильно скучают, по царю-батюшке и синему небу. А без царя как? Его нет, и ругать некого. А ругать царя на расстоянии в несколько световых лет не так интересно. Ну, хомячки без дела все равно не сидели. На Луне сырны пласты залегают, как раз под слоем сахарного песка. А лунный сыр – лучший в нашей галактике, это я вам как гурман говорю. Наладили промысел, бывает, пролетит тарелка, они в нее сыр кладут. Просто так, от чистого сердца. А инопланетяне им свежие сплетни рассказывают и ништяки разные со всей Вселенной дарят. Деревенька у хомяков небольшая, и живут там два славных товарища – Федором одного звать, а другого Варфоломеем. Федор коренастый, все делает не спеша, а Варфоломей раньше монахом был, но его потом предали анафеме за вольную тракторку священного писания. И так вышло, что именно с этими хомяками познакомился Космонавт Вася. Звездолет его как раз возле поселения припарковался.

Ну, дело было так. Вася надевает свой гермошлем, переделанный из обычного мотоциклетного, и идет на прогулку. Шагает он по лунному простору радостной походкой Чиполино, и выходит ему навстречу делегация. С хлебом, сыром и заморскими ништяками. Вася говорит: «Я с миром пришел, мне ваши жемчуга ни к чему!». А они ему: «Рады тебя видеть, просто слов нет! Ты никак из России будешь?». Три дня и три ночи рассказывал Василий деклассированным хомякам, что с нашей страной приключилось. Он бы и дальше рассказывал, но вспомнил, что у него на огороде огурцы полить некому. Хозяйственный мужик был Космонавт Вася. Потому стал собираться домой. Хомячки стали думку думать, и решили старейшины отправить с Васей двух своих представителей. Угадайте кого? Ну, конечно, Федора с Варфоломеем, потому как эти двое наибольшим уважением пользовались. Вася пообещал в следующий раз варенье из смородины привезти пять трехлитровых банок и одну малинового, а Федора с Варфоломеем условился через недельку обратно доставить. Распрощались они, погрузились втроем в звездолет, «Неугомонный Ильич» попыхтел и отправился в обратный путь. Смотрит Вася в окошко, а там ему вслед белыми платочками машут. Как это мило, прямо сердце тает. Как сахар в чае.

Новый день разгорался над селом Гладкое Утюгово. Свекла колосилась, чирикали слоны, плыл запах

парного молока, доярка Афанасия шла к своим коровкам. Словом, самое обычное утро. И тут вдруг небеса разверзлись, и народу явился «Неугомонный Ильич». Афанасия так и выронила ведра, перекрестилась и не своим голосом просипела: «Прости, Иисусе, за грехи наши тяжкие! Не буду больше мужу законному со Степаном изменять!». Ну, и в слезы. Дед Колиныч в это время сидел в укромном сортире, слюнявил себе папироску, и вдруг слышит гром с неба, шум-дым, искры летят. А Колиныч был не абы кто, а ветеран Великой Отечественной. Как заорет: «Проклятые янки! Нас, русских, живыми не возьмешь! Я вам сейчас устрою Хиросиму по самую Нагосаку!». Как пуля выскочил, сверкая голым задом, побежал в дом за двустволкой. Куры по всему селу начали нестись, как полоумные. Гвалт, лай собачий, кудахтанье. Конец света в глубокой провинции, в общем. Вася немного

не рассчитал и приземлился прямо возле деревенской церквушки. Ну, пыль улеплась, отворяется люк, и выходит он к людам.

Ошалевший поп в рясе пугается, на колени перед ним падает: «Вот оно и второе пришествие! Знали мы, знали, давал ты нам знаки! И гроза наемдни была, молнией телевизор у председателя пожгло! Прости, Господи, но это не я церковь под сапожную мастерскую сдавал, честное слово!». Вася в затылке почесал. На правом плече у него хомяк Федор сидит, на левом – Варфоломей, тоже ничего понять не могут. Короче, навели они шухера. Пока разобрались, что Василий – не Иисус Христос и не атомная бомба с другого континента, уже вечер наступил. Народ расстроился немало, что все настолько прозаично, и разошелся по домам.

Сидят в избе Вася, Федор и Варфоломей. Самовар поставили, граммофон включили. Ах, это танго... Месяц за окном лукаво щу-

рится. Тут Варфоломей и говорит: «А знаешь, Вася. Ничего в этой стране не изменилось. Только царя-батюшку теперь по-другому величают». А Василий отвечает: «А что делать? Ты чай пей, печенюшку ешь, варенье вот домашнее... сами сыты, все есть, одеты-обуты. Наше дело маленькое, мы в большие вопросы нос не суем...». Тут Федор посмотрел на Васю, но ничего не сказал. Только подумал: «Точно. И вряд ли изменится».

На следующий день все село уже судачило да сплетничало про Космонавта Васю и его звездолет. Детки просили покатасть хотя бы до Юпитера, все мужики наливали и руку протягивали, девушки при виде Василия краснели, смущались, некоторые даже в обморок падали. Прямо как светские дамы, честное слово. Народным героем стал Космонавт Вася. Устроили в селе пир на весь мир, накрыли столы праздничные, все погроба подчистили. Гуляет русский народ как перед судным днем, ничего врагу не оставит. Веселье и реки улыбок, озера смеха, оливье на столе, любовь под столом, и джигу босиком на жестяной крыше танцует деревенский дурачок. Однако сказка на этом не заканчивается, потому как непременно должна случиться какая-нибудь гадость.

И гадость случилась. Прознал про Космонавта Васю чиновник из города, Кондрат Бякин по прозвищу Горыныч. Почему Горыныч? Есть несколько причин. Ходит в народе молва, что если обдаст кого перегаром светлый чиновник Бякин, то убьет дыханием наверняка. К тому же, есть у него два заместителя, Кузьма Ешкин и Слава Колабас. В общем, еще две дурные головы в комплекте. Приехал Бякин в Гладкое Утюгово, и оба его заместителя приехали. Чтобы, значит, вживую посмотреть на народного умельца. И отобрали у Васи звездолет. С нарядом милиции приехали. И увезли Космонавта Васю в острог. Сказали, что это целый ряд правонарушений. Василий, оказывается, не просто за границы страны без визы выехал, он за границы планеты умудрился улететь без специальных на то документов! А трактор-то был государственной собственностью. Как можно без разрешения из него

звездолет делать? Ну, и еще чего-то приписали, чтобы не скучно было. Вот тебе, бабка, и Юрьев день...

Сидят Федор с Варфоломеем, грустят. Печаль их увеличивается в арифметических масштабах, прямо пропорционально минутной стрелке, с каждой минутой умножай на два. И потому, что домой, на Луну, уже не вернуться, да и Вася хороший мужик был. Жаль его. И все село впало во вселенскую апатию. Не растет кокос, крокодилы не дают молока, тучки серые солнышко закрыли. Короче, капец.

Ну, должно же быть чудо? Хотя бы маленькое, карманное. Одноразовое. И если солнышко ясное закрыли тучки, это не значит, что за тучками нет солнышка. Есть оно, никуда не пропало с неба. И нет-нет да и подарит людям лучик света. Дожди шли день и ночь, дорогу совсем развезло. И проезжал мимо бродячий цирк. Если бы не дожди, то фиг бы остановился цирк в Гладком Утюгово. А тут внезапно караван встрял. Ну, простой деревенский люд и сбежался посмотреть на великанов, пуделей и клоунов. Федор с Варфоломеем, ясное дело, тоже пошли посмотреть на чудо. И был вместе с цирковым караваном волшебник. Никто не знал его имени и откуда он родом. Одни говорили, что его подкинули цыгане, другие – что нашли в капусте, за сараем, при загадочных обстоятельствах. Также есть мнение, что он внебрачный сын Мерлина и Гэндальфа. Но все это враки, не достойные нашего внимания. Волшебник был высоким типом в пальто, и поговаривали, что его взглядом можно заколачивать гвозди. Сначала волшебник помогал всем, кто просил помощи. Зажигал звезды, дарил леденцы детям, давал глоток воды тем, кто умирал от жажды, и был соломинкой для тех, кто не испытывает недостатка в воде. Но люди обычно складывают в карманы памяти непотребные вещи. Никому не нужны были настоящие чудеса. Разве мешок денег, или пост большого начальника, или красавица, что лопнет наутро, как мыльный пузырь, – чудо? Любой ребенок ответит вам, что это шарлатанство.

Федор с Варфоломеем заприметили волшебника издалека. Он сидел верхом на папиросном облаке и дремал под стук капель, что разбивались о долгие поля его черной шляпы. Варфоломей подошел к нему, дернул за полу пальто и сказал: «Дядя волшебник, сделай так, чтобы все было хорошо». Волшебник очнулся от дремы, поправил шляпу и улыбнулся в упор. И Федор с Варфоломеем рассказали ему и про Космонавта Васю, и про звездолет, и про Луну. То есть рассказывал по большей части Варфоломей, а Федор иногда значительно кивал. Волшебник их внимательно выслушал, а потом задумчиво, как будто разговаривал сам с собой, ответил: «Я не помню своего имени, но я точно знаю, что это я однажды придумал эту историю. Слово – крепкая петля для любой шеи, не удивительно, что ей можно заарканить чудо. Зима никак не хотела заканчиваться, и я очень устал. В тот вечер я уснул, и проснулся уже здесь. Теперь мне кажется, что все, что происходило со мной раньше, – путанный и глупый сон. Я путеше-

ствую с этим караваном изо дня в ночь, из города в город. Разве мы властны над сном, что пригрелся нам под утро? Помочь вам будет непросто, но я попробую». Потом волшебник вытащил из-за уха огрызок карандаша, извлек потрепанный пухлый блокнот из внутреннего кармана пальто и стал неторопливо писать...

«Космонавт Вася был прощен, и вернулся из тюрьмы живой и невредимый. Он немного похудел и чуть поседел, но это даже придавало ему некоторую солидность. Кондрат Бякин был пойман на горячем за мохнатую лапу, а его два заместителя перессорились и съели друг друга... Жаль, звездолет вернуть уже не удалось. Его успели продать НАТО как последнюю разработку русской военной разведки. А потом наивные американцы удивляются, откуда НЛО над Калифорнией?»

Тут Федор впервые спросил: «А что будет дальше?». Волшебник встал, отряхнулся и надул большой мыльный пузырь. «В нем вы полетите на Луну. Торопитесь, пока ветер не переменится» – сказал волшебник. Космонавт Вася тоже было дернулся в пузырь, но волшебник придержал его за рукав: «Тебе нельзя, пузырь не выдержит. Твое место здесь, на Земле». Только Варфоломеем успел шепнуть: «Прощай, Вася». Пузырь подхватило ветром и унесло в сумерки. Потом он просто растаял в дымном киселе неба. Тут же растаял и волшебник, как будто его никогда не было. Впрочем, его на самом деле никогда не было в прямом смысле этого слова. Он вам приснился, или же все вокруг – просто его беспокойный сон, теперь не разобрать. Курица или яйцо, бабочка или Лао-Цзы? Да кого это волнует...

Цирковой караван двинулся дальше, в неведомые страны, за семь морей, минуя разноцветные озера и карамельные леса. Одноразовое чудо закончилось, но не обещало вернуться. Чудо вообще никогда не предупреждает о своем появлении, оно такое же внезапное явление, как первый поцелуй. Следует ли говорить, что ни одно приличное чудо не повторяется?

Космонавт Вася стоял, смотрел на юную Луну, что висела, накренившись над лесом. Долго стоял. Потом задумчиво почесал шапку-ушанку, встряхнулся и бодро зашагал домой. У него там было еще много дел – печку растопить, самогону тяпнуть... А потом возьмет в руки баян да пойдет гулять по улочкам родного села, подвывать мартовским котам... На этом заканчивается сказка, а все остальное к сказке отношения уже не имеет.

За сим заканчиваю свою историю я, пингвин по имени Иннокентий. Съедает меня грусть-тоска. Надеюсь, оставит хотя бы кусочек для вас. Приходите завтра, а сегодня в моем лукошке больше нет цветных историй. Да и друг мой, Ежик, уже стучится в дверь. А когда друг рядом, холод – явление пустяковое, как жвачка, прилипшая к джинсам, или сорвавшийся в небо воздушный змей.

Антон ВАСИЛЬЕВ

Иллюстрация из «Бажовской энциклопедии»

Разумные камни Хозяйки

– А что это – Медная гора? – спрашивал маленький Павлуша Бажов своего отца, слушающего уральского Сысертского завода.

Отец уклончиво отвечал, что это – затопленный рудник Гумешки, где в невысказанных количествах добывался красивый зеленый камень – малахит, оставшийся теперь под водой. Бабушка же, что-то вязавшая рядом, была словоохотливой.

– Самое это проклятое место, внучек! У золовушки моей дочка на этой горе искала что-то, так ума решилась. Вовсе себя потеряла, бегаешь да кричишь, и понять нельзя... Самой Хозяйки это любимое место, Гумешки. Малахит из него в самом Питербурхе главную церковь украсил, вот Хозяйка и разобиделась, рудник затопила, а он богатейший на всем Урале был. Упаси тебя Никола-Чудотворец и все святые угодники на ту гору ходить!

...Павлуша был единственным ребенком в семье и рос в относительном достатке, сумев получить образование. В Сысерти он окончил начальную земскую школу. В 90-е годы XIX века Бажовы переехали в городок Полевской, где отец поступил на медеплавильный завод купца Турчанинова, владевшего и сысертским заводом. Павлик был принят в Екатеринбургское духовное училище и время от времени приезжал в Полевской к семье. Загадочные Гумешки, которыми страдала его бабушка, были совсем рядом – на южной окраине...

– Павлушка, айда с нами на Думную горку! – звали его соседские ребята. – Дед Слышко, что дровяной склад сторожит, такие сказки рассказывает! Про Хозяйку, про туман синий, про кошек безглазых – ух, страшно...

Павлуша пошел... и стал с тех пор самым преданным слушателем старого горщика Хмелинина, по уличному – Стаканчик или дед Слышко.

Горщик сердился, когда мальчики просили его рассказать «сказку»: «Сказку старухи маленьким рассказывают. А я – про старинное житье помню. Только это не сказки, а сказы да побывальщины прозываются. Иное, слышко, и говорить не всякому можно. С опаской надо. А ты говоришь “сказки”! Я, чего не знаю – того не знаю, и выдумывать – не согласен...»

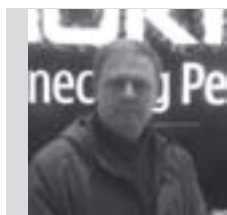
Кстати, Бажов и Хмелинин состояли в родстве, благодаря бракам своих предков с дочерьми Даниила Федоровича Мартынова. На старшей, Парасковье, женился Александр Степанович Бажов, прадед писателя, на младшей Вассе – Василий Григорьевич Хмелинин, отец «дедушки Слышко». Следовательно, старый сказитель приходился Бажову троюродным дедом.

– Дедушко, а кто такая Хозяйка горы? – раз спросил горщика Павлуша, вспомнив бабушку, боявшуюся Гумешек.

Слышко осторожно, подбирая слова так, чтобы было понятнее подростку, начал рассказывать, что Хозяйка, или Малахитница – хранительница всех подземных богатств Урала, поставленная в горах «старыми людьми», жившими здесь в незапамятные времена и ушедшими от русских пришельцев под землю. Мало о них известно, только старые горщики кое-что видели.

Люди эти почти незаметны для других. Они живут, не зная корысти, равнодушно относясь к золоту. При появлении в глухих местах их обитания чужих людей они уходят подземными ходами, «закрывая гору». Знания и умения у них величайшие, мудрецы они, звездочеты и целители, в их пещерах светло, как солнечным днем, а богатств собрано – никому не сосчитать...

Хозяйка может быть по обличью молодой женщиной, а может – ящеркой зеленой. Того,

Антон Борисович Васильев – профессиональный журналист в свободном полете. Окончил Институт журналистики и литературного творчества. Печатался в «Науке и религии», «Технике – молодежи», «1 сентября», «Лицейском и гимназическом образовании». В «Уральском следопыте» выступает впервые. Живет в Москве.

Г. Ляхин. Иллюстрация к сказу «Золотоцветень горы». 1949 г.

кто ей понравится трудолюбием и тягой к справедливости, – наградит: либо месторождение самоцветное укажет, либо мастером сделает, каких не видали, не слыхали. И людей таких помнили на заводах. Только жизнь у всех, как на подбор, невеселая потом была...

Подземные богатства в полевских сказах обязательно сочетались со змеями – уместно вспомнить средневековые европейские легенды о драконах, стерегущих золото. Верховным змеем был Великий Полоз, аналог европейского Фафнира – он мог приводить или отводить золото на приисках, пугал недобрых людей, не давал им удачи. Ему помогали дочери – Змеевки. Обиталищем Полоза было громадное Гольянское болото, в пяти верстах западнее Маркова Камня.

Чудовищного змея встречали лесные и горные старатели по всему Уралу, когда он выползал из подземных туннелей, – чаще всего на золотоносных местах. Также могли стеречь золото волшебные коты и кошки. Их место обитания – то же Гольянское болото.

Дед Слышко все рассказывал с верой в истинность преданий, будто сам был очевидцем всему, показывал Бажову и ребятам конкретные места: «Вон там, под рудной жилой, синий туман встает. А во-он там кошачьи уши из-под земли светились, тятя мой видал».

...В одном из горняцких преданий Хозяйка горы приводит молодого горщика на забытый Красногорский рудничок и говорит, что после Гумешек это «самое дорогое место». Позднее Бажов напишет:

«Это мне казалось несообразностью. Гумешки – богатейшее по разнообразию минералов месторождение – знает весь минералогический мир, а о Красногорском руднике в научной литературе ничего не сказано. Потом уже узнал, что в Красногорском руднике началась разработка золотой жилы. Значит, сказания горняков имеют под собою реальную почву?»

Когда уральскими недрами занялись ученые-геологи, начиная с В.Н. Татищева, они обнаружили, что содержащаяся в древних сказах о Хозяйке и Полозе оценка залежей полезных ископаемых Красногорского рудника опередила открытия геологической науки на сотни, а возможно, на тысячу лет.

Кто скажет, когда заработала подземная «поисковая аппаратура»?

На протяжении веков коренные уральцы заключали регион обитания легендарных персонажей в жестко очерченные границы. Сказители сообщали Бажову даже конкретную привязку: подземная страна Урала простирается от р. Гремихи до р. Сысерти, т.е. до родных мест Павла Петровича, отождествляясь в народе с системой подземных дворцов Хозяйки и гигантским Полозом.

...Одна из пещер в горах Среднего Урала зовется Дивьей. Среди местных жителей до 40-х годов прошлого века ходили слухи, что пещера эта тянется на несколько километров, и в самых дальних ее участках обитали «дивьи люди». Незведанные ходы Дивьей пещеры нашла экспедиция спелеологов из МГУ, руководимая Валентином Алексенским. Исследователи выяснили, что пещера действительно простирается в длину на многие километры и в ней еще остались закрытые глинистыми пробками неизвестные части.

Не очень далеко от Дивьей пещеры находится Сунганская, обладающая не меньшей славой. Спелеологи, опускаясь в нее, говорили о непонятном, ничем не обоснованном ужасе, овладевавшим ими в одном из ходов. Некоторые из них даже видели в лучах фонаря какое-то лохматое существо, которое вынырнуло из узкого лаза, никем до сих пор не пройденного.

Житель уральской глубинки В.Кочетов уже в наши дни поведал журналистам: «В больших скалах есть туннели, уходящие вглубь на многие километры. Люди рассказывали, что видели возле них фигуры, которые что-то делали около воды. Эти люди или существа вылазят только по ночам, а когда уходят обратно, то заваливают за собой вход.

Однажды, когда я допоздна искал заблудившую козу, у меня возникло ощущение, что за мной кто-то следит. Хруст веток, непонятное шуршание в траве, перемещение чьих-то светящихся глаз, навязчивый шепот вокруг скал породили тревожные мысли, и захотелось побыстрее уйти с того места».

Этнограф А.Онучков в начале XX века писал про «Дивьих людей» – подземных жителей, владевших «тайной силой», которые обитают на территории современного Урала и выходы наружу имеют через пещеры: «Культура у них величайшая, и свет у них в горах не хуже солнечного. Дивьи люди небольшого роста, очень красивы и с приятным голосом, но слышать их могут только избранные. Они предвещают людям разные события».

Математику и естествоиспытателю петровского времени Василию Никитичу Татищеву однажды приснилась царица вымершего народа чуди, указавшая ему во сне место, где должен быть построен город – сердце Урала, будущий Екатеринбург. В этом месте захоронены чудесные святые, которые русские должны хранить в обмен на богатства этой земли. Татищев все выполнил, возведя столицу Урала.

Геологи уже в наши дни установили, что в диоритах (породах, из которых сложены скалы Азов-горы на Среднем Урале) могут быть пещеры, но только искусственного происхождения.

В Ирбитском районе Урала также были обнаружены пещеры неясного происхождения, похожие на искусственные и слишком тесные для человека обычного телосложения.

Дорога в царство Хозяйки проходит через каменный лес, и здесь уральцы не оригинальны: точно таков же путь к австрийским карликам – цвергам или к германской Bergjungfrau, Горной деве и волшебнику Фойербарду, Огненной бороде, о которых сказители-горщики и слышать не могли.

Чисто уральский персонаж, козел Серебряное копытце, полностью аналогичен козлам и оленям с золотыми рогами из немецких и английских шахтерских легенд.

После окончания училища Бажов стал учителем и каждый год странствовал по Уралу, беседовал с камнерезами, старателями, рудокопами, людьми

«огненного труда» – литейщиками. И очень внимательно изучал камни, их свойства и возможности.

В сказах Павел Петрович ощутил непрерывный, неявный контакт с тайной силой: сказывалось представление об Урале как особой зоне на Земле, где границы мира живых размыты и ослаблены, как в аномальной зоне.

Если представить Землю величиной с апельсин, то все океаны, моря, реки и подземные воды будут лишь каплей на его коже. Все остальное – Камень и огненное ядро в центре. Вспомним бажовское: «тело каменное, сердце пламенное». Урал являет собой Землю и предстает перед нами за нее.

Старые уральцы учили, что нельзя возле больших, заметных камней кричать и сердиться; нельзя думать о них с корыстью, считать и делить камни в их присутствии. Камни разумны; в них таится чрезвычайно медленная, но жизнь. Есть в уральских горах Ключ-Камень: он дастся в руки только тому, кто поведет народ к правде и лучшей жизни.

«Были времена, – говорили они Бажову, – самоцветы плыли гуще моря и длиной в локоть, аметисты и турмалины в домах мешками стояли, драгоценные камни пудами мерили. Хризолиты добывали в кулак величиной, изумруды – со стакан, добывали их, бывало, по пяти пудов за раз».

Писатель Федор Гладков однажды поехал с Бажовым в горы. Их окружал хаотический пейзаж, обвалы скал и камней, словно следы страшного землетрясения. «Лицо Бажова странно мерцало, как будто он слышал и видел то, что скрыто было от других.

– Что вещает нам Хозяйка гор, Павел Петрович? – шутил спросил Гладков. Ответ был совершенно серьезен:

«Надо слушать. Припадая к земле, мы слышим тайные знаки, как старые уральские горщики. Камень знает неписанную историю, изустно передаваемую в народе из поколения в поколение. А в основе сказа лежит истинное происшествие, и многие сказы в своих дальнейших выводах изумляют».

Толкиен сочинил Арду и Средиземье, опираясь на кельтские предания; Бажов же ничего не сочинял, собирая воедино все, что вспоминал о себе народ. Ученые утверждают, что на выдуманность самых фантастических образов Бажова ничего не указывает...

Бажовский синий туман встречается на Урале и в наши дни. Вспоминают встречавшиеся с ним члены геологической экспедиции: «У нас были с собой приборы, которые показали, что напряженность электрического поля в районе образования тумана превысила грозовую, а брошенная в него медная проволока вспыхнула и сгорела! Моторы машин, попавших в синий туман, перестают работать, а люди, достигнутые им, могут бесследно пропасть...»

Алексей ЯЛОВЕНКО

Зоя Федорова: такое вот кино

Актрису Зою Федорову арестовали в декабре 1946 года. За шпионаж в пользу иностранных государств ее приговорили к 25 годам тюрьмы. Сначала содержали в тюрьме г. Верхнеуральска (Челябинская область), затем перевели в знаменитую «Владимирку»...

Зоя Федорова родилась в 1909 году в Петербурге. Ее отец – Алексей Федоров – был рабочим-металлистом одного из заводов. Мать – Екатерина Федорова – воспитывала сына и трех дочерей. Зоя была младшей. Семья жила в трехкомнатной квартире и ни в чем не нуждалась. Но в 1917 году грянула революция. Алексей принял ее всем сердцем и за короткое время сделал блестящую карьеру. В 1918 году его с семьей перевели в Москву и назначили начальником паспортной службы Кремля.

Зоя со школьных лет мечтала стать актрисой и занималась в драмкружке. Однако отец не разделял ее увлечения, поэтому после окончания школы она стала работать счетчицей в Госстрахе. В 1927 году была арестована как пособница иностранного шпиона, однако через полгода дело было прекращено (редчайший по тем временам случай!).

Несмотря на возражения отца, она все-таки окончила училище при Театре Революции. Еще студенткой ее пригласили сняться в эпизодической роли в фильме «Встречный» (режиссер С.Юткевич) (при монтаже эпизод с участием Зои Федоровой был впоследствии вырезан). Во время этих съемок она познакомилась с 25-летним оператором Владимиром Рапопортом, который через два года стал ее мужем. Он же будет и ее первым наставником в кино.

Дебют молодой актрисы состоялся в фильме «Гармонь» (1934). А прославилась она после выхода на экраны картины «Подруги» (1936), в которой исполнила роль медсестры Зои. За первым успехом последовали новые роли, сразу полюбившиеся зрителям.

Летом 1938 года Алексей Федоров был арестован и по статье 58 УК приговорен к 10 годам лишения свободы, но на кинокарьере дочери это не сказалось. За десять лет она снялась в 22 картинах, причем в большинстве из них в главных ролях. А за роли в фильмах «Музыкальная история» (1940) и «Фронтовые подруги» (1941) З. А. Федорова была удостоена Сталинской премии.

В конце 30-х годов изменилась и личная жизнь актрисы. Брак с Рапопортом распался, и в 1939 году актри-

Зоя Федорова – лауреат Сталинской премии.

са встретила свою новую любовь. Этим человеком стал летчик Иван Клещев. Однако оформить свои отношения официально времени у них не хватило – началась война. Клещев ушел на фронт, и в одном из боев под Сталинградом его самолет был сбит. Но летчик выжил и, получив тяжелые ранения, был призван к «нестроевой» службе в отделе по расследованию авиакатастроф. Федорова была несказанно рада такому повороту событий и уже мечтала о свадьбе. Несмотря на драматизм всего происходящего в стране и в ее личной судьбе, она не прекращала попыток выволить из тюрьмы отца. Для этого ей даже пришлось попроситься на прием к Берии. Он тайно симпатизировал актрисе и готов был многое для нее сделать в обмен

Алексей Федорович Яловенко – ювелир, краевед, коллекционер минералов. Долгое время был помощником депутата Госдумы. Работая в архиве ГУВД, собрал большой материал об узниках политизоляторов Челябинской области. Недавно в Челябинске небольшим тиражом вышла его книга «Тайны Верхнеуральского политизолятора» (в 2-х ч.). Предлагаемые очерки написаны автором по материалам архива.

Зоя Федорова в фильме «Подруги».

на ее благосклонность. В результате в конце лета 1941 года ее отца выпустили на свободу.

Но вскоре ее ждала целая полоса семейных бед: в сентябре 1941 года умер отец, на фронте погиб младший брат, а 31 декабря 1942 года при посадке в сложных метеоусловиях на аэродроме Рассказово (Тамбовская область) погиб И.И.Клещев. Так Зоя Федорова вновь осталась одна.

В том же 1942-м, будучи на выставке американского кино в Москве, она познакомилась с корреспондентом американской газеты «Юнайтед пресс» Генри Шапиро. Он ввел ее в круг своих друзей, среди которых оказался заместитель главы морской секции американской военной миссии Джексон Тэйт. Их первая встреча произошла в январе 1945 года на торжественном приеме в особняке на Спиридоновке. На следующий день после приема Тэйт внезапно пригласил актрису в ресторан «Москва». Так началось их знакомство, которое переросло в любовь. У них родилась дочь Виктория (появилась на свет 18 января 1946 года). Но отец не застал рождение дочери.

После войны американцы из наших союзников превратились во врагов, и связь Федоровой с Тэйтом не могла закончиться хеппи-эндом. В июле 1945 года актрису внезапно отправили на гастроли в Крым, и в это же время Тэйт получил распоряжение советских властей в течение сорока восьми часов покинуть пределы СССР. Когда Федорова вернулась в Москву, ее любимого там уже не было. Чуть ли не ежемесячно Тэйт слал в СССР письма и запросы, не получая ответа. И вот когда он потерял всякую надежду что-либо узнать, на его имя внезапно пришло письмо, отправленное из Швеции. В нем сообщалось, что Федорова вышла замуж за некоего композитора и счастливо растит с ним двоих детей. Подписи под этим письмом не было. Но доля правды в нем была.

Еще в начале 40-х она познакомилась с композитором Александром Рязановым, стала вокалисткой в его джаз-квартете. Когда начались притеснения матерей-одиночек, Рязанов предложил ей расписаться. Однако от тюрьмы это ее не спасло. Зою Федорову арестовали за связь с иностранцем Тэйтом и на многие годы разлучили с дочерью. Более полугода она провела во внутренней тюрьме на Лубянке, где ее методично подвергали систематическим издевательствам. 15 августа 1947 года Федорова и еще шесть человек были приговорены за шпионаж в пользу иностранных государств к 25 годам тюремного заключения. После приговора Федорова пыталась покончить с собой в камере лефортовского тюремного изолятора, однако бдительные надзиратели помешали ей довести дело до конца. Сначала ее содержали (как написано в биографии) в Верхнеуральской тюрьме, затем перевели в знаменитую «Владимирку». Там она какое-то время сидела в одной камере с певицей Лидией Руслановой.

После смерти Сталина Федорова провела в тюрьме еще два года. Наконец, в феврале 1955-го она вышла на свободу. Вернувшись в Москву, она оказалась совершенно одна. Квартиры не было, а директор киностудии «Мосфильм» ее просто выпроводил, так как у нее не было реабилитационных документов. Единственным человеком, который тогда приютил ее, была ее тюремная подруга Лидия Русланова. У нее Федорова и жила первое время после освобождения. Потом ей помог Сергей Михалков, с которым она была знакома. Он пригласил ее к себе домой и дал две тысячи рублей. Это был царский подарок для женщины, у которой за душой не было ни гроша. А затем состоялась долгожданная встреча Федоровой с девятилетней дочерью Викторией.

Вскоре возобновилась и работа актрисы в кино — она снялась в картине Надежды Кошеверовой «Медовый месяц». Затем были и другие фильмы, среди наиболее запомнившихся зрителям — «Свадьба в Малиновке» и «Москва слезам не верит».

Летом 1959 года Федорова впервые за долгие годы решила узнать о судьбе Джексона Тэйта. Через свою подругу, которая работала в гостинице, ей удалось выйти на русскую, которая тоже была замужем за американцем и согласилась помочь найти бывшего возлюбленного. На эти поиски ушло немало времени. Но Тэйт не проявил сильного желания увидеть ни свою бывшую подругу, ни родную дочь: к тому времени Тэйту было далеко за шестьдесят, у него была семья, а свою дочь от Федоровой он никогда не видел. Но Федорова этого не знала и с нетерпением ждала новостей.

И вот осенью 1973 года пришло долгожданное письмо от Джексона Тэйта, в котором он просил у двух дорогих ему женщин прощения за то, что стал невольным виновником постигших их бед. Виктория загорелась желанием увидеть отца. Так началась почти двухлетняя эпопея с ее отъездом в США.

После отъезда дочери Федорова отнюдь не стала для властей персоной нон грата. В 70-е годы она продолжала изредка сниматься в кино, получила квартиру в престижном доме на Кулузовском проспекте. В апреле 1976-го ее тоже отпустили в США, где она встретилась со своим бывшим возлюбленным и дочерью. Она могла бы остаться в Америке, однако почему-то этого не сделала. В июле 1978 года Тэйт скончался от рака, но Федорова еще два раза после его смерти посетила

Федорова в фильме «На границе».

США, где жила у дочери, и вновь вернулась в СССР. Что-то ее удерживало в этой стране. В 1980 году она вновь собралась в США, но на этот раз ее долго не отпускали. И все же виза на отъезд была получена. Но днем 10 декабря 1981 года (за 11 дней до своего 72-летия) Федорова была застрелена в своей квартире в доме на Кутузовском проспекте.

Одна из версий этого убийства базируется на том, что Федорова в течение нескольких лет входила в так называемую «бриллиантовую» мафию, костяк которой состоял из жен и детей высокопоставленных кремлевских деятелей. Участники этой мафии занимались скупкой и перепродажей изделий из золота, антиквариата и произведений искус-

ства. Федорова вошла в этот клан в начале 70-х и добилась в нем определенных высот. Во всяком случае, она довольно быстро сумела поменять свою двухкомнатную квартиру на набережной Тараса Шевченко на роскошную в престижном доме на Кутузовском. Согласно этой версии, Федорова обладала уникальной информацией о многих участниках бриллиантовых махинаций в СССР. Не исключено, что эта осведомленность и стоила Федоровой жизни. Она похоронена в Москве на Ваганьковском кладбище.

Одной из версий загадочного убийства посвятил свою повесть «Тайна Кутузовского проспекта» писатель Юлиан Семенов.

ЛЕДОВЫЙ ШТУРМ - 2011»

6 ФЕВРАЛЯ 2011 года журнал УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ проводит на площади им. 1905 года города Екатеринбург традиционные молодежно-патриотические состязания ЛЕДОВЫЙ ШТУРМ. УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ-2010. Журнал УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ - издание, имеющее огромный, многолетний опыт поддержки и освещения различных видов активного отдыха. Соревнования по ледолазанию проводятся с 2008 года. В рамках фестиваля ЛЕДОВЫЙ ШТУРМ-2010 планируется провести конкурс ледового граффити, соревнования по зимнему велоориентированию и состязания рыболовов.

Основная задача ЛЕДОВОГО ШТУРМА – популяризация среди Свердловской молодежи экстремальных видов спорта и активных видов отдыха, продвижение идеи семейного самостоятельного и организованного туризма.

ЛЕДОВЫЙ ШТУРМ включает в себя зрелищные и познавательные состязания:

За информацией следите на нашем сайте

www.uralstalker.com

Наталья ПАЭГЛЕ

Если не ходить, красоты не увидишь

Вы хотите увидеть северных оленей на мартовском снегу, ноздреватом, с глубокими следами от копыт, чуть поддернутом лиловым цветом отразившегося в нем неба; почувствовать запах весеннего пастбища высоко в горах, когда тайга темнеет далеко внизу, а рога оленей выписывают иероглифы на фоне неба и снега? Ощущение весны и некоего тайного единения с природой вам подарят фотоэтюды Александра Пфенинга.

И ВСЕГДА ЕСТЬ НАДЕЖДА

Вряд ли деревенский мальчишка, выросший на берегу североуральской реки Турьи, помышлял о таком деле, как фотография, да и не знал он ничего об этом виде искусства в свои школьные годы. Его родители вышли из барака Богословлага, куда немцы были заключены в годы Великой Отечественной войны. И больше всего из детства он запомнил свой дом у речки, в районе

Журналистка Наталья Паэгле из северного уральского города Краснотурьинска ныне известна далеко за пределами региона – одна за другой вышли в свет книги ее трилогии «За колючей проволокой Урала» – результат многолетнего поиска и исследования судеб людей, попавших в жернова политических репрессий сталинской эпохи. Труд Натальи Михайловны справедливо удостоен всероссийской литературной Бажовской премии 2008 года.

бывшего «пятнадцатого отряда» и центральной больницы, тоже лагерной, конный двор, где они, мальчишки, катались на лошадях, коров, обязательно мычащих в каждом дворе, и свои первые десять рублей, заработанные подпаском. Сегодня трудно представить себе промышленный Красноуральск поселком, а Александр Карлович уверяет, что все навыки деревенской жизни он приобрел именно здесь.

– Лес и горы тоже из детства, – рассказывает он. – Мы пацанами ездили за ягодами на Баяновку. Знаете, такой поселок в Североуральском районе? Так вот, там от поселка шла лежневка, уложенная шпалами до самой Кумбы. По ней газончики лес возили, а мы туда ходили за брусничкой, голубикой, морошкой. Ягод было море! В округе нашей все семьи были многодетные, самое малое в семье четверо детей, а в основном – шесть-восемь; собирались пацаны вместе и отправлялись за ягодами. Ездили на поезде, который шел из Серова до Покровска-Уральского, из Покровска до Баяновки тоже была железная дорога. Так и добирались. А с Баяновки пешком на Кумбу. Дорогу искали вслепую. Заблудиться не боялись, всегда с нами ходили ребята старшего возраста. Но, как-то, помню, случилось: раз шесть заходили в тайгу прежде, чем дорогу нашли. Сейчас меня поражает, как нас тогда отпускали родители. Не боялись ведь ничего ни они, ни мы.

Так и осталась у Саши тяга к лесу, к горам. Будучи школьником, ходил он с группой на Конжак и удивился, что есть горы выше Кумбы! А после школы поступил в техническое училище, где встретил преподавателя Зинаиду Васильевну Брагину, которая водила их в серьезные походы.

Рядом с ней он многое увидел и узнал. И северных оленей, что на его снимках. Пасущиеся олени с ветками рогов и молодые с чуть пробивающимися рожками, в стаде, парами и поодиночке.

– Это все наша североуральская популяция, – объясняет Александр Карлович, – сегодня уже исчезнувшая. А ведь олени на этой территории жили изначально. Снимал я их часто. Мы знали, куда, как и зачем они ходят. Подпускали к себе близко. Дикие олени могли смешаться с домашним стадом, домашний, наоборот, убежать к диким. У них нет четкого разделения, но к дикому сложнее подойти. В наших краях был уникальный, единственный вид северных оленей, у представителей которого росли рога у самцов и самок. Теперь их, к сожалению, нет. Мы знали место, где матки рожают, почти всегда там же, плюс-минус три километра. И только в то время года, когда к ним невозможно подойти, еще снег лежит глубиной два-три метра, а под ним

уже вода бежит, шаг сделаешь и по пояс утонешь в снежной жиже. Природа все мудро предусматривает.

Помню свою первую встречу с оленями. Мы тогда встречали новый, 1969-й год, на Конжаке. Как раз с Зинаидой Васильевной. Мороз стоял крепкий. А откуда я знал, сколько градусов, термометров тогда у нас не было, радио тоже. Вот и пришел в училище. Кроме меня, еще мой друг Витя Греб с ТЭЦ поселка подошел. Зинаида Васильевна сказала, раз пришли, значит, пойдем в поход.

На Конжаке остановились в избе на Поляне художников. Утром 1 января выходим на плато и видим там стадо оленей. Стали считать, особей 60 оказалось. Ближе нас к себе они подпустили. Красавцы!

Когда спустились в Кытлым, увидели на термометре турбазы: –50 градусов. Не поверили, позвонили на метеостанцию в Тылай, нам ответили: «Пятьдесят один». И ничего, не страшно нам было. Многие тогда туризмом занимались, а теперь такого энтузиазма нет. Не хочется людям с рюкзаком пятнадцать километров вверх подниматься, потом обратно идти. А как иначе природу увидишь? – искренне удивляется он.

Ему удастся видеть. Его страсть к горам и тайге, долгие переходы, ночевки в палатке, борьба с непогодой часто вознаграждаются редким кадром, как, например, вот этот, где сняты сбоку, словно замершие в ожидании, графически вырисованные матка северного оленя с новорожденным малышом. Они стоят на самом краю каменистого плато и смотрят в молочно-лиловую бесконечность гор и неба, космоса и жизни, где есть место всем: людям, зверям и птицам, где не может быть исчезнувших популяций, и есть надежда...

БЛИЖЕ К БОГАМ

Первый фотоаппарат Саше подарил брат. Он им побаловался и сломал. Пленок тогда не было, их заменяли пластинки. Саша завешивал со всех сторон стол одеялом, залезал под стол и менял эти пластинки в фотоаппарате, кадр получался б на б. Снимал он в то время редко и уж только то, что ему очень понравится. Более осмысленно фотографией стал заниматься позже. Но все же опять от случая к случаю. Больше его увлекал спорт. Особенно лыжи. Тренируясь в секции, он никак не предполагал, что именно лыжи повлекут за собой желание снимать. Хотелось запечатлеть друзей на соревнованиях и сами гонки. А когда в Екатеринбурге проходила Спартакиада народов СССР, он специально поехал, чтобы фотографировать соревнования на Уктусе. И снял многих известных лыжников: Амосова, Гаранина, Сметанину, Кулакову, Беля-

С таких фотоаппаратов часто начинался творческий путь мастеров фотодела

ева. Теперь очень жалеет, что из старых пленок почти ничего не сохранилось.

– Кто же знал, что со временем черно-белые негативы можно будет сканировать и цифровать? – сокрушается Александр Карлович. – Только небольшую часть из старых негативов удалось к выставке восстановить, ведь в черно-белых снимках есть свой язык света, который порой не заменишь цветом, – рассуждает фотограф.

По профессии он металлург. Вся трудовая жизнь его прошла на Богословском алюминиевом заводе. Работал на самом тяжелом участке подготовки шихты глиноземного цеха машинистом мельниц, но никогда не роптал – деревенская закалка. Не ропщет и теперь, когда уже год не работает, находясь на заслуженном отдыхе. Только отдых его относительный, дел, как говорится, не переделывать. Дом вот построил собственными руками, внутри все отделано деревом – светлым и теплым,

печка белая посреди большой горницы стоит по подобию русских изб. Проведен в дом и газ на современный манер, но печку Пфенинги любят за живое тепло и уют. Зимой Александр на собственном токарном станке по дереву работает, летом огород требует хозяйских рук.

– Пока родители корову держали, сенокос много времени и сил забирал, не до фотографии было, – говорит Александр Карлович. – У родителей моих три дочери и я, один сын, – помогать необходимо было, сенокос, значит, дело – мое.

И сейчас его восьмидесятишестилетний отец живет в семье Александра. Есть у него своя благоустроенная квартира в Краснотурьинске, а он предпочитает дом, огонь в печи и работу «по-хозяйству», хотя какое теперь хозяйство, кроликов и тех перестали держать, не то, что раньше, по несколько коров в хлеву стояло. Но и сейчас Карл Георгиевич с землей расстаться не может, ноги

его землю чувствовать должны. Есть в таких людях нечто настоящее, передаваемое от отца к сыну, от деда к внуку. Связь человека с землей и природой формирует особое отношение к окружающему. Вот и Александру абсолютно не свойственен потребительский подход. «Этот мы должны природе», – считает он.

И в его фотографиях тема природы звучит постоянно, не навязчиво, не прямолинейно. Природа величава и беззащитна. Горы поражают то космическим масштабом, то трогают душу нежностью первоцвета, пробившегося сквозь ледяную пену наста. Несколько планов в одной снимке формируют перспективу и передают многогранность природного мира. Вот череда синих озер среди темных склонов гор и белый снежник совсем рядом; облака, упавшие на вершины гор, а перед ними плато; облако, лежащее в воронке осыпей, и цветущие альпийские луга с

День здоровья

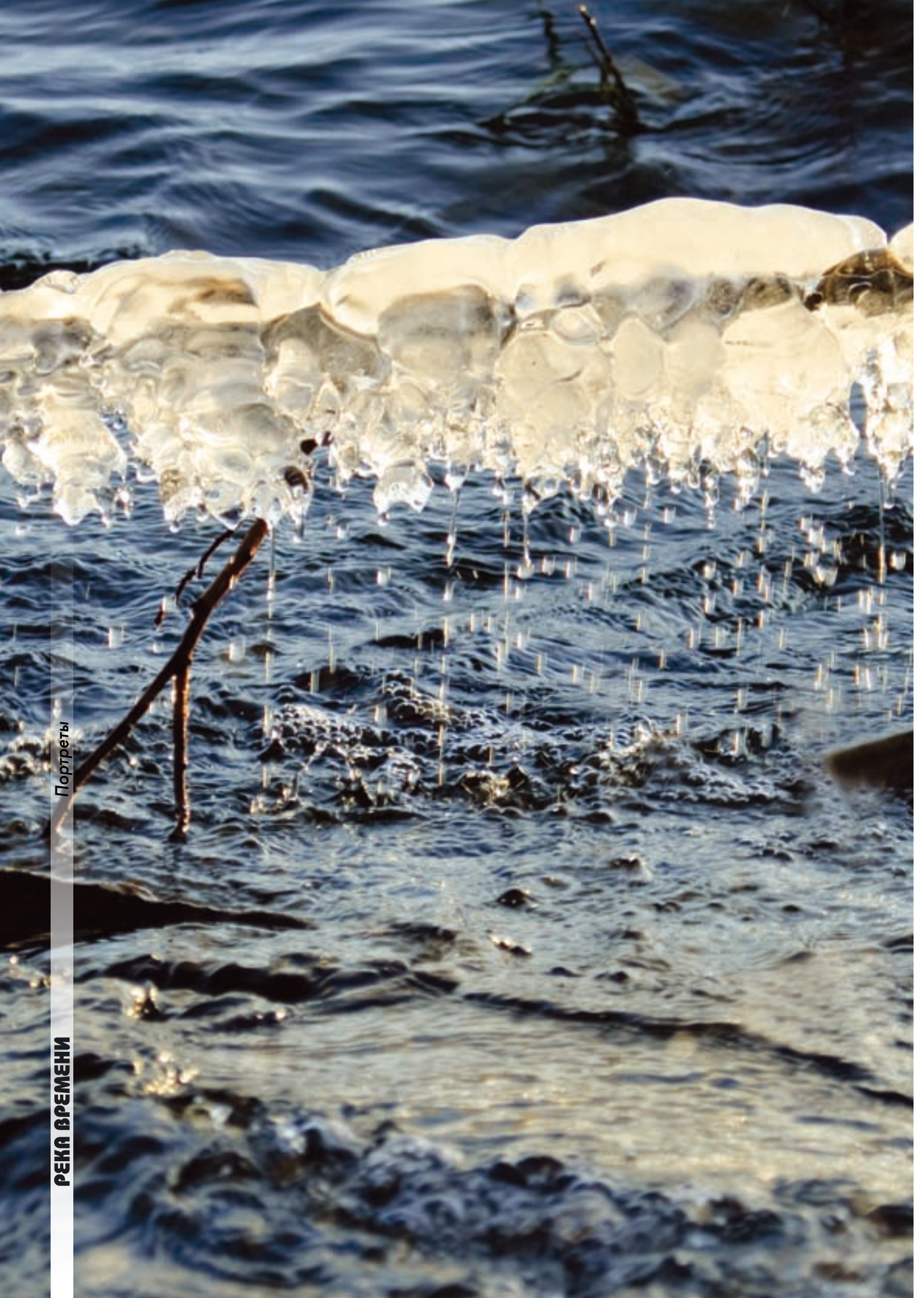
на базе отдыха « Хрустальная»:

- лыжная прогулка по зимнему лесу: прокат лыж 150 руб. 1,5 часа пластиковые/120 руб. 1,5 часа деревянные, профессионально подготовленные лыжные трассы 2 км, 3 км и 5 км;
- посещение бассейна с артезианской водой (25 метров, 5 дорожек) и финской сауны;
- занятия аквааэробикой, йогой, пилатесом;
- массажи и косметологические процедуры по очень доступным ценам;
- горячий глинтвейн и очень вкусная еда в баре.

**Звоните по тел. (343) 213-76-16 и 213-76-26
Мы ответим на все Ваши вопросы.**

**Приезжайте! Мы работаем для Вас
без выходных! www.crystalbaze.ru**

разлитыми пятнами синих озер. И палитра красок на зависть любому художнику, ведь цвет и свет в горах меняется постоянно.

– Там нет ничего статичного, – поясняет художник. – Бывало, и не раз, что схожу я на какую-то вершину, сделаю снимки, а они мне не нравятся, возвращаюсь туда снова, а там уже все изменилось.

На одном из его снимков словно вырисованы слои земли, на первом плане, будто резцом по дереву вырезанная толща наста, дальше идет плато гольцов, постепенно переходящее в возвышенности, а потом и в вершины. Может быть, и правда, он знает тайну устройства мира?

Александр улыбается:

– Просто в горах совсем другое ощущение жизни, чувствуешь себя, наверное, ближе к Богам...

В ПОИСКАХ КРАСОТЫ

Снимать его никто не учил. Любит до сих пор свой старый «ФЭД», которым сделал многие хорошие снимки. Цветом, как и все, стал увлекаться тогда, когда в городе появилась «Коника», не надо стало горбатиться в ванной над проявителем и закрепителем. Теперь у него и фототехника современная, и объективы разные есть. Но не это считает он главным. Красоту надо уметь видеть.

– Приходишь на то место, где не раз бывал, и видишь уже другую картину, фотоаппарат меняешь, делаешь новые снимки, сам внутренне меняешься, растешь, – объясняет Александр. – В последние годы я часто хожу между главным Уральским хребтом и Казанским камнем. Чаще зимой. Там такие чудеса бывают! Погода всегда своя. Уже нигде снега может не быть, а там он идет. Бывает так, что деревьев вообще не видишь, только силуэты под снегом, а ветер дунет, и вот тебе на – все оголилось, и деревья из снега повсюду торчат. Через некоторое время приходишь, опять место найти не можешь, столько снега кругом!

На его снимках сразу видно, что зима – любимое время года. Зимние пейзажи самые фантастические: невысокие одинокие кустарники и деревья, склоненные в одной позе, словно в синхронном танце; и их же заснеженные фигуры в зимних костюмах и лиловых красках; плачущая льдинка, застывшая на ветке над горной рекой, и поземка, сквозь которую проглядывает солнце, а потом яркий солнечный день, в отраженье белого солнца сквозь голубое на голубом, теньями на белом. Горы, солнце и небо не делимы. Космос стихии и прикосновение к ней человека, как части вселенной, самой маленькой ее части.

– В районе за Денежкиным камнем есть места еще совсем малохоженные, – рассказывает Александр, – хотя в последние годы там стали чаще встречаться туристические группы, особен-

но из Перми. Зимой сложно. Не все могут ходить на лыжах по горам. Это тяжело. Я смастерил себе вот такие приспособления, – показывает он, – которыми удобно подниматься вверх и тропить. (Приспособление очень простое. Узкая фанерка привязывается веревочками к лыжам, чтобы подниматься вверх и не скользить). Сам придумал. Показал пацанам из заповедника «Денежкин камень», им лыжи необходимы, когда они ходят зверей и птиц считать. Я уже пятнадцать лет так хожу. Устройство простое – саморезы, фанера и все, а при подъеме на вершину – незаменимое, при спуске же – снял и катись.

Оценить зимний поход в горы может только тот, кто сам там бывал. Я поднималась во все времена года, но только не зимой. Для этого на самом деле нужен навык подъема на лыжах, а еще выносливость и умение выживать в экстремальных условиях. Горы сами по себе – уже экстрим, обладая же неодолимым притяжением, бывают коварны и опасны. Даже с такими бывальными людьми, как Пфенинг, истории случались всякие.

– В начале сентября 2007 года ходили мы с моим постоянным попутчиком Андреем Ивановичем Чикуновым на Отортен. Шли туда в дождь. Ветер к вечеру становился все сильнее и сильнее. Остановились на ночевку, – рассказывает путешественник, – только палатку поставили, стало задывать, ужас! Палатку болтает на ветру, как будто бы и растяжек никаких нет. Рядом с нами гора Отортен, озеро, из него река Лозьва вытекает. Стали прямо на склоне, больше негде было. Позже к нам две группы из Перми присоединились. В общем, три палатки стояло. К утру чувствую под спальником – вода. Всю ночь дождь шел. И вдруг такие звуки слышу, как будто бы что-то летает. Звук похож на запуск авиационных моделей, раз засвистит над палаткой, исчезнет. Потом снова свист. Жутко, неприятно. И перевал Дятлова недалеко...

Выхожу из палатки. Светает. Пора подниматься. И пермяки из палатки выглядывают: «Ты не слышал, здесь ничего не летало?». Оказалось, что это летала жестянка от примуса, поднятая ветром. Потом в кустах застряла. Вот такой был ветер. Когда выходили, температура стала резко понижаться, дождь идет, и сразу же все вокруг замерзает, покрывается льдом. А мы не были готовы к такой погоде. Момент был неприятный. – А если не ходить, то красоту не увидишь.

На его снимках красота, сотворенная природой. Человеку такое не повторить. Надо только успеть запечатлеть мгновение! Как Александр Пфенинг. Всего мгновение! И мы видим позирующую на камне полярную куропатку, болотную кочку, точную копию женской головы с прической из густых волос в белом норковом берете, разноцветные мхи и лишайники на гольцах весной, осень цвета терракота, оранжевых тонов и беж, и горы, горы, горы...

Николай БОГДАНОВ

Поэтесса Вера Ленина

Вера Сергеевна Ленина (1907-1943) – маленькая веточка родословного древа писателя Федора Достоевского. Она правнучка его младшего брата А.М. Достоевского, тоже писателя. По роду занятий – культурно-просветительский работник. Училась в Ленинградском педагогическом институте им. А.И.Герцена, но не закончила учебу. В 1930-е годы заведовала Ликбезом Василеостровского района Ленинграда. В годы Великой Отечественной войны оказалась на оккупированной территории и трагически погибла при бомбежке под Псковом. Такова в двух словах ее биография.

Стихи Вера Ленина писала всю жизнь. Пять из них, относящиеся к 1920-м гг., опубликованы М.В. Волоцким в его «Хронике рода Достоевского». Авторским комментарием к этому периоду жизни можно считать признание В.Лениной в ее письме к М.В.Волоцкому от 22 сентября 1934 года: «7 лет, которые прошли с тех пор, как Вы брали о нас сведения, ... имеют большое значение. Например, читая свои стихи, я даже покраснела за них. Теперь я пишу много лучше... хотя и не печатаюсь...».

Следующая публикация состоялась лишь спустя без малого шестьдесят лет – в газете ленинградских писателей «Литератор» (1991. №21 (75). С.5). Подборку ее стихов подготовил муж В.С.Лениной Борис Иванович Еропкин. Ниже печатаются два не опубликованных ранее стихотворения.

* * *

*Она подошла и села,
А сзади цвела сирень.
И было лилово-бело,
И бело-лиловый был день.*

*В полях лиловатость дали,
А снизу густой туман,
И мы так усердно рвали
Лиловый и белый дурман.
И было так много дела,
Работа не так легка,
Чтоб стать лиловато-белой,
Как эти и те облака.*

*Она отдохнуть присела
Туда, где лиловая тень,
И было лилово-бело,
А сзади пестрела сирень.*

<Весна 1926 г.>

Публикуется по автографу, хранящемуся в фонде М.В. Волоцкого (РГАЛИ. Ф.117. Оп.1. Ед.хр.41).

* * *

*Любовь еще не начиналась,
Но уж тоска во мне растет.
Мой милый, нам с тобой осталось
До счастья ждать почти что год.*

*Ни я, ни ты – никто не в силах
Нам этот срок укоротить,
Никто не может снять, что было,
И властно новое вложить.*

*Я все еще люблю другого,
Без радости, одной тоской,
Но уж растет большим и новым
Желанье встретиться с тобой.*

*Пускай мы встретимся не скоро,
Ведь я смогу на все пойти,
Чтоб снять безжизненное горе
И жизнерадостность найти.*

*Любовь еще не начиналась,
Но я могу любить тебя...
Нам только год еще осталось
Такого скверного житья.*

1932 г.

Публикуется по копии, хранящейся в семейном архиве родственников В.С.Лениной Андрея Сергеевича и Ларисы Дмитриевны Лениных.

Юний ГОРБУНОВ

Иллюстрации из заводского музея

Балканская война и пушка Барановского

Мы продолжаем рассказ об истории Екатеринбургского завода им. М.И. Калинина.

Кто ревизует артиллерию? Несомненно, что самым дошным и взыскательным ревизором бывает война. За все недочеты и промахи ученых и мастеров оружейного производства армия расплачивается жизнями солдат и офицеров, судьбами городов, крепостей и государств.

Но случается и так, что учит чужой горький опыт. В 1866-м заварился австро-прусский конфликт, а в 1870-м пруссаки начали военные действия против Франции. Российские спецы внимательно следили за ходом артиллерийских батальонов. Например, на франко-прусской войне заявили себя американские картечницы, и Россия встала перед проблемой увеличения скорострельности орудий.

Когда пушки нового поколения испытывались на Волковом поле под восторженное «ура» праздной публики или на полевых учениях против виртуального противника, казалось, что русская артиллерия уже «наступает на

пятки» европейской. Но сводки военных действий озвучивали совсем другое. Так бронзовые пушки французов, чьи снаряды не добирали и трех километров, терпели полное фиаско против стальных казнозарядных крупнокалиберных орудий с 4-километровой дальностью стрельбы, специалисты и техники ГАУ вынуждены были утешаться только тем, что эти пушки пруссаков направлены пока не против наших позиций.

Новорожденная «мастерская по отделке орудий, заржавшихся с казенной части», нашедшая приют во дворе старого арсенала, обратила на себя взоры не только высоких чиновников ГАУ, офицеров-специалистов артиллерии, но и самого военного министра. А что до начальника Управления товарища генерал-фельдцейхмейстера* А.А.Баранцова, так он, что называется, глаз с нее не спускал – Управление тогда размещалось в том самом здании на

Литейном, 3, во дворе которого и ютилась мастерская. Она в полном смысле была у него на глазах. Подчас руководитель ГАУ шел и на рискованные эксперименты. Понимая, что некоторые материалы, например, дефицитная литая сталь и все вообще инструменты, если их изготовление заказывать подрядчику, что, конечно, дешевле, не могут гарантировать качество изделий, он предлагал министру разрешить начальнику мастерской заказывать эти инструменты и материалы на основе коммерческого права. Скажем, до января 1868 года. И если опыт даст видимый результат, утвердить его законодательным порядком. Вот тогда, считал генерал-адъютант, с начальника можно будет спрашивать полной мерой.

Что же являла собой мастерская при рождении? Она состояла из двух отделений. В первом нарезались стволы пушек больших калибров – от 8 дюймов и выше, а также работали запирающие механизмы ко всем орудиям. Во втором же доводились до ума пушки всех остальных калибров.

Вступив 14 июля 1866 года в должность начальника мастерской, подпоручик пешей артиллерии Мясоедов уже 19 числа получил правительственный заказ на приспособление к 11 нарезным чугунным пушкам из Олонецких горных заводов запирающих механизмов, употребив для этого клинья, доставленные с заводов Бергера и Обуховского. Это были, значит, первые официальные пушки ЗиКа.

Но результаты и расчеты показали, что мастерская в течение года способна дать армии до сорока пушек большого калибра и около 200 – малых. Армии же, чтобы перевооружить только морские и сухопутные крепости, надобилось около 600 стальных орудий большого калибра и до 1600 стальных и чугунных малых пушек. Это не беря в расчет полевую артиллерию.

Поэтому едва развернулись работы, военный министр потребовал от ГАУ удвоить, а если будет возможно – утроить производительность мастерской, чтобы она могла удовлетворить потребность армии в нарезных казнозарядных орудиях. Крепости по указу министра предстояло перевооружить уже к весне 1867 года.

Начальник мастерской и специалисты ГАУ стали искать пути расширения производственных площадей. Обратили внимание на просторное помещение манежа во дворе того же старого арсенала. Его уже начали было приспособлять под музей, но крупновские нарезные казнозарядные пушки, успешно стрелявшие по австрийским позициям, изменили эти мирные намерения: вместо музейных экспонатов в манеже решено было разместить станки для отделки тяжелых орудий и изготовления клиновых затворов. На всеподданнейшем докладе министра император в очередной раз утвердил «соображения» ГАУ и ассигновал средства на расширение Петербургской орудийной мастерской. О кардинальном решении проблемы площадей не думали и теперь.

* Генерал-фельдцейхмейстер – воинское звание, чин и титул главного начальника артиллерии в России. В означенное время им был вел. князь Михаил Николаевич, сын имп. Николая I.

Мастерская, тем не менее, работала и одновременно осваивала новое помещение. Опять нашлось заделье для архитектора Генрихсена – одно дело музей, а совсем другое – пушечное производство. Задействовали и опытного механика Вышнеградского – из завода Циммермана, что в Германии, прибыли современные станки для обработки призматических клиньев. У мастерской появилась своя литейка с несколькими горнами. Увеличилось число кранов грузоподъемностью от 3 до 20 тонн. В силовой станции работали уже три «самовара» – так в обиходе называли паровые машины, две по 15 и одну на 40 лошадиных сил. Теперь в течение года мастерская производила до 500 запирающих механизмов, отделяла 300 медных и 200 чугунных орудий разных калибров.

В первое десятилетие бытования мастерской полуфабрикаты медно-бронзовых и чугунных пушек разных калибров поступали из различных в большинстве своем отечественных горных, а также и зарубежных заводов. Мастерская обрабатывала и все бронзовые пушки литейных печей самого Арсенала. Соотношение заметно менялось в пользу российских производителей. Еще в 1864 году сам заводвладелец А.Крупп не без гордой иронии писал руководителю нашего инженерного ведомства генералу Э.И.Тотлебену, что большинство его заводчан, делающих пушки, оказывается, работают на Россию! Но время быстро меняло ситуацию. Известна такая, например, статистика: за период с 1861 по 1881 год, то есть за двадцатилетие, на отечественных заводах для русской артиллерии было изготовлено 2652 орудия разных систем и калибров, а на заводах Крупа – 2232. Статистика, правда, не сообщает, все ли эти пушки доводились до нужной кондиции и испытывались в России.

Кто же в это первое десятилетие трудился в Петербургской орудийной?

Начальник мастерской был назначен генерал-фельдцейхмейстером. Первым руководителем был, как мы знаем, подпоручик пешей артиллерии Мясоедов. В конце каждого года в соответствии с заказом ГАУ он представлял расчеты потребности рабочих и необходимых материалов для производства заказанного числа орудий разного калибра. А когда они были изготовлены, проверял качество работ и фиксировал его нанесением клейма. Приемка орудий и их испытание доверялись специальной комиссии ГАУ.

В установленные сроки начальник представлял к наградам офицеров и служащих, а также выполнял и полицейские функции, например, штрафовал наемных служащих за упущения в работе или увольнял их из мастерской.

Работами в отделениях тоже руководили артиллерийские офицеры. История сохранила нам имена первых из них – гвардии подпоручиков Теннера и Будкевича. Третий офицер был подменным, а также руководил работами во время вынужденных ночных смен.

Помимо отделенных офицеров, в мастерской трудились служащие из вольнонаемных: механик, в подчинении которого находились 12 рабочих, чертежники, конторщики, писари, артельщик, отвечавший за сохранность имущества мастерской, дворник и сторожа.

Рабочие и руководители петербургской оружейной мастерской.

В 1866 году, когда мастерская начала функционировать, в первом ее отделении насчитывалось 96 человек, во втором – 85. Это не считая тех 12 рабочих, непосредственно подчинявшихся механику и занимавшихся наладкой и ремонтом оборудования.

У гвардии подпоручиков, что заведовали отделениями, была уйма самых разных обязанностей. В течение 10-часовой смены они неотлучно наблюдали за работой мастеровых, распределяли задания, отвечали за исправность станков и механизмов, принимали выполненные работы, вели рабочие книжки мастеровых, принимали их на работу, проверяя умение и опыт, начисляли им зарплату, поощряли или, наоборот, штрафовали за просчеты. То есть, помимо администраторов, были и мастерами.

И материальное поощрение отделенных офицеров соответствовало их труду. Кроме жалования, положенного за звания, и средств на оплату квартиры, они получали 1000 рублей в год так называемых столовых денег. Для сравнения скажем, что жалование конторщика и артельщика составляло 600 рублей, писаря

и дворника – 240, сторожа – 144 рубля в год.

Архивный документ констатирует, что столь значительные оклады содержания отделенным командирам, в отличие от офицеров технических артиллерийских заведений, «назначены с целью привлечь в мастерскую лучших и образованных офицеров, дать им возможность предаться вполне работам в мастерской, не прибегая к посторонним занятиям». Этот шаг был весьма актуален и тоже свидетельствовал об особом внимании ГАУ к мастерской. В то время солдатам и даже некоторым офицерам разрешалось покидать подразделения и подрабатывать, удовлетворяя как свои личные, так и полковые нужды. Солдаты, например, работали на частных огородах, шили униформу, чинили сапоги...

Столовые деньги офицерам и жалование вольнонаемным начальник мастерской выдавал два раза в месяц – под расписку в так называемых требовательных ведомостях. Штрафные деньги высчитывались из жалования и вносились в особую графу той же ведомости, а также в штрафную книгу, которая хранилась в конторе

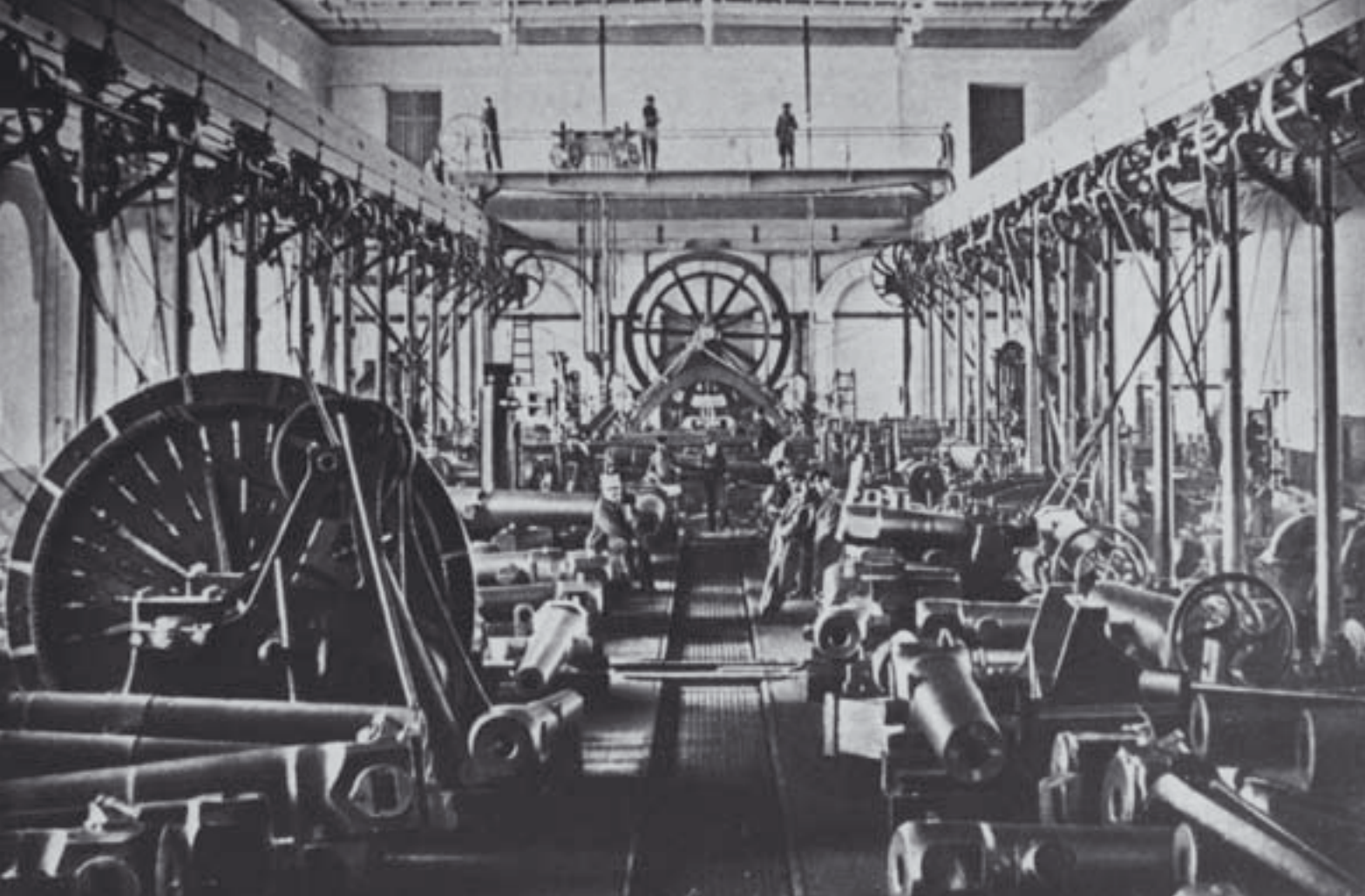
мастерской. Эти «штрафные деньги» тратились затем на нужды тех же вольнонаемных, которые оказывались в какой-либо чрезвычайной ситуации. Расход их, как видим, всегда можно было проконтролировать.

Начальник мастерской был вправе уменьшить или увеличить жалование вольнонаемным рабочим и служащим, но при этом общая сумма не должна была превышать фонда зарплат.

Как положительный факт и опять-таки пример внимания к деятельности нового предприятия следует отметить то, что оружейная мастерская, в отличие от других военных заводов северной столицы, никогда не использовала принудительного труда, как более дешевого, но менее производительного.

Однако первое десятилетие Петербургской оружейной близилось к концу. А в 1877 году грянуло куда более серьезное, чем войны между ближними и дальними соседями, испытание. Российский трон решил выступить на защиту подвергшихся турецкому насилию славян Боснии и Герцеговины и объявил войну Османской империи.

Начало Балканской кампании было вполне успешным и, казалось, не сулило неудач. Используя сеть новей-

Петербургская орудийная мастерская.

ших железных дорог, Россия сумела быстро мобилизовать армию на подступах к Дунаю. На рассвете 15 июня войска без потерь форсировали реку, вступили на болгарскую землю и, разбив турецкую заставу, прочно закрепились на плацдарме. Турецкая артиллерия, к слову сказать, не смогла серьезно помешать переправе.

Казалось бы, уроки минувшей Крымской войны были хорошо усвоены россиянами, операция проведена быстро и успешно. Но затем последовал целый ряд нелепейших военных поражений. Армия была втянута в затяжные осадные действия. Густые колонны войск почти без разведки и ружейного огня начали атаку Плевны, а ворвавшись в город, вынуждены были отойти, оставив на подступах к нему более двух тысяч убитых и раненых. Такой же неудачей закончился и второй штурм. И только действия горстки русских солдат на Шипкинском перевале позволили избежать окружения и поражения русских.

После третьего столь же позорно проигранного штурма общие потери русских убитыми и ранеными превысили уже 35 тысяч человек, а вконец растерявшийся главнокомандующий великий князь Николай Николаевич (старший) готов был до весны отвести войска вновь за Дунай. И только военный министр, к счастью, сопровождавший Александра II в поездке по позициям, сумел убедить императора начать окружение и осаду Плевны. Для этого пришлось звать из Петербурга генерала Э.И.Тотлебена, умело державшего в Крыму севастопольскую оборону.

И возникает естественный вопрос: где же в это время была русская артиллерия, нарезные пушки Маиевского-

Гадолина образца 1867 года, уже снабженные железным лафетом А.А.Фишера, принятым на вооружение десятью годами раньше начала войны? Где орудия с новым трубчатым прицелом В.Ф.Петрушевского? Наконец, те медно-бронзовые и чугунные пушки, что нарезали и снаряжали крупновскими замками мастерские гвардии подпоручиков Теннера и Будкевича в Петербургской орудийной мастерской? Артиллерии было много, и артиллерия была не хуже турецкой. Сам Милютин в эту пору заявил: «Смело могу сказать, что никогда еще военные силы России не были так подготовлены к войне, как теперь». Так в чем же дело?

А дело было в том, что война, фигурально выражаясь, «видела» лучше и дальше любого экзаменатора.

Пришло нам время задуматься над тем, были ли реформы царя-освободителя столь идеальными, каковыми мы подчас склонны их себе представлять. Даже в рамках военного ведомства под началом самого радикального, умного и образованного министра-патриота, каковым был Дмитрий Алексеевич Милютин, Балканская война показала не только позитивные, но и уязвимые стороны реформ.

Значительными переменами в армии практически не была затронута тактика ведения боя. На штурмы города-крепости Плевны русские войска шли под звуки оркестров сомкнутыми ротными колоннами, а то и побатальнно, почти без выстрелов, оцетинившись только штыками, шли, ведомые легендарным героем Балканской войны генералом Скобелевым, гарцевавшем на белом коне. Под плотным огнем нарезных винтовок и шрапнели противни-

ка, стрелявшего вслепую, с двух и даже трех тысяч шагов, солдаты гибли с суворовским заветом на устах: «пуля – дура, а штык – молодец». Стрелять полагалось только тогда, когда становилась видимой цель, памятуя еще один завет Суворова «стреляй редко, но метко». Иной раз русские не использовали винтовок даже в обороне, отбрасывая наступающих одними штыками.

Одним из деятельных сторонников и участников милютинской реформы в армии был русский военный теоретик и педагог Михаил Иванович Драгомиров (1830 - 1905), творец новых пехотных уставов, а позднее и «Учебника тактики» (кстати, в начале войны как раз он-то и командовал успешной переправой через Дунай). Драгомиров высоко ставил волевые качества солдата, боролся с муштрой, настаивал учить солдата тому, с чем ему придется встретиться в бою. Но рядом с этими несомненными достоинствами драгомировского пехотного устава жила в них его незыблемая уверенность, что исход боя решается штыком, и сомкнутый боевой порядок, доблестные марши под огнем остаются первым достоинством атаки.

Генерал Драгомиров, мягко говоря, не благоволил к технике. Ведь артиллерия и новое нарезное оружие требовало и новой тактики, а это противоречило его «суворовскому духу». Под «духом», к сожалению, понимался не только моральный, но и тактический фактор.

Похоже, что и сам Милютин пребывал под гипнозом суворовской науки войны. Но даже если это и не так, была в наличии и другая причина его молчаливого одобрения «допотопной» тактики боя. Реформа творилась в условиях торжества самодержавия. За возможность осуществлять организационное пере-устройство и техническое перевооружение армии военный министр платил царю высокую цену – он не вмешивался в кадровую политику на высших армейских эшелонах. В руководстве армией было задействовано исключительно родственное и дворцовое окружение императора. Главкомандующим на Балканском театре выступал, как мы знаем, брат императора великий князь Николай Николаевич (старший). Другой брат командовал войсками на Кавказе. Старший сын самолично вел отряд на штурм одного из укреплений, а младший командовал гвардейской пехотной дивизией. Словом, все ключевые военные посты занимали родственники и приближенные двора. Не зря балканскую кампанию в народе прозвали «войной великих князей».

Орудий в русской армии было больше, чем у турок, даже можно сказать много больше. Например, в осаде Плевны участвовало 490 русских и румынских пушек против всего лишь 96 вражеских. Их качественные данные тоже не всегда уступали, если исключить превосходящую дальноточность крупновесных пушек, которыми владела турецкая артиллерия. Но современная нарезная казнозарядная техника (ружья, пушки, мортиры со всеми их новейшими атрибутами) не вписывалась в закостенелую тактику ведения боя. Она оказалась не у дел не только в руках солдата, вымуштрованного по иным канонам, но и у высшего офицерского состава армии.

Только в ходе губительных боев начального периода войны русские солдаты и офицеры учились рассредоточиваться, рыть окопы и возводить земляные укрепления,

атаковать в стрелковых цепях. И каждая вновь прибывшая часть усваивала науку ведения современного боя заново, ценой собственных жизней. Только эта кровавая наука и привела к победе современной тактики, соответствующей уровню развития новой военной техники. И в конце концов – к победе на Балканах.

Если в Крымской войне русская артиллерия потерпела полное фиаско и по сути дела проиграла войну, то в Балканской кампании с трудом, но одолела пусть и третьестепенную державу. Правда, надо сказать, что Турцию в этой войне негласно поддерживали ведущие западные державы: Германия вооружила турецкую армию артиллерией, Америка – ружьями, а Англия предоставила большие кредиты.

Русские пушки наконец-таки стали решающим фактором войны, оправдывая поговорку «Артиллерия завоевывает – пехота занимает».

Снова и снова приходит на ум бессмертная поговорка: не было бы счастья...

Перестраивался и тыл под далекой канонадой войны. Петербургская оружейная мастерская вовсю реконструировалась в связи с расширением производства и переходом на обработку стальных орудий. Это меняло практически весь технологический процесс. Предстояло перепланировать и перестроить помещения, модернизировать старые и установить новые станки и агрегаты, в силовой станции добавить два двигателя, работавших на нефти. Добавились и площади: отделений стало уже не два, а четыре. Теперь уже насущные потребности войны, ее тяжелые уроки брали дело в свои уверенные руки.

Военный и послевоенный период стал для мастерской временем роста и модернизации. Причем модернизации в условиях действующего предприятия. Мастерская есть мастерская; то и дело приходилось выполнять несерийные заказы, вызванные сиюминутными потребностями войны. Например, овладение новой тактикой боя с использованием укреплений срочно потребовало полевых орудий на весного огня с более крутой траекторией снаряда сильного фугасного действия. Или те же американские картечницы, создающие эффект скорострельности.

В связи с ними нельзя не вспомнить и не сказать о Владимире Степановиче Барановском, русском умельце-самородке, таланты и энергию которого во многом тоже сурово пестовала война. Тем более, что по касательной его деятельность на поприще отечественной артиллерии задела и Петербургскую оружейную мастерскую.

Если символическую пушку, выстрелившую заводом, творила по сути вся военная наука и промышленность и все ее умы, вдохновленные реформой, то 2,5-дюймовая (63,5 мм) пушка Барановского была всецело детищем его рук и таланта.

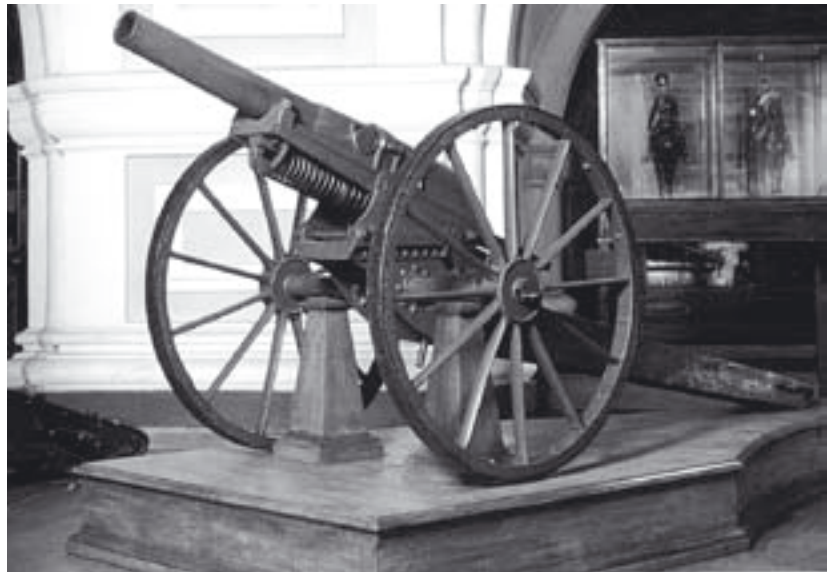
Владимир был сыном другого разностороннего изобретателя, тоже вошедшего во все российские энциклопедии, – Степана Ивановича Барановского. Но мы остановимся только на сыне. Это он сконструировал первую отечественную стальную скорострельную пушку, принятую на вооружение в самый разгар Балканской войны. Он придумал к ней тоже впервые в российской практике так называемый унитарный патрон с металлической гильзой.

Создал станок для сборки этих патронов. Он впервые применил в артиллерийской практике безоткатный лафет. Поршневой затвор с самовзводным ударником, предохранитель, оптический прицел... Слово «впервые» можно было написать однажды – все, что ни делал Владимир Барановский, было для его времени уникальным. И весь этот длинный перечень новейших пушечных атрибутов, составивших 2,5-дюймовую скорострельную, он изобрел, едва достигнув 30-летнего возраста!

Оскорострельной пушке 24-летний Барановский впервые задумался, когда ему поручили усовершенствовать десятиствольную картечницу американца Гатлинга, заявившую о себе, как мы уже знаем, еще в баталиях франко-прусской войны – эту неповоротливую машину, сложную и капризную (впрочем сказать, более чем за сто лет до американца русский механик Андрей Нартов, личный токарь Петра I, соорудил сорокачетырёхствольную круговую батарею). Ломая над ней голову, Барановский понял, что увеличение скорострельности орудий путем наращивания стволов – дело бесперспективное. Он вознамерился соединить скорострельность картечницы с дальностью и мощностью артиллерийского орудия. И добился своего.

Начать с унитарного патрона. Это была гениальная находка: снаряд, заряд, капсюльную втулку, гильзу, как обтюрирующее устройство, – все эти непременные элементы артиллерийского выстрела собрать в один патрон! Достаточно было резким толчком вогнуть его в ствол, закрыть затвор, и орудие готово к стрельбе. Унитарный выстрел сократил время заряжения в три-четыре раза!

А безоткатный лафет? В полевой артиллерии энергия отката орудия поглощалась, главным образом, тем, что отбрасывала его назад, порой до 10-12 метров. Барановский придумал упор лафета, напоминающий лапу якоря. В мягком грунте она пропахивала короткую широкую борозду. «Как назвать упор? Не якорем же – пушка то полевая. Соха? Маловата для сохи. Сошник – вот имя для упора полевой пушки!» – решил изобретатель. Так появился в артиллерии новый термин. А применение якоря-сошника со-

2,5-дюймовая скорострельная пушка В.С. Барановского обр. 1877 г. на упругом лафете.

кратило путь отката до полутора-двух метров в тяжелых артсистемах, а у скорострельной пушки – практически до нуля.

На пушках Барановского был впервые установлен поршневой затвор с самовозводящимся при открывании пружинным ударником, а также специальным предохранителем для предотвращения преждевременного выстрела при не вполне закрытом затворе. Скорострельная пушка Барановского стреляла в пять раз быстрее обычной. Едва ли не по сей день затвор Барановского удовлетворяет требованиям, которые предъявляются к поршневым затворам.

Он впервые разрешил проблему упругой связи между орудием и лафетом, поглощающим всю энергию отдачи при выстреле. В пушке Барановского при выстреле лафет оставался неподвижен, а ствол, как на салазках, скользил назад и плавно возвращался на место.

Оптический прицел в форме зрительной трубы с двумя диоптрами вместо обычного реечного прицела и мушки был придуман не им, а артиллерийским полковником Станиславом Климентьевичем Каминским. Но к своей скорострельной его приспособил Барановский. А работался этот прицел как раз в Петербургской орудийной мастерской – на то она и мастерская. Шла война. Даже сложной конструкции унитарные патроны Барановского на его заводе (тоже де-

тище войны) делались полукустарным способом, опытом и мудрыми руками мастеровых.

В марте 1874 года в Петербургской орудийной мастерской была устроена выставка артиллерийских новинок. Прибыл император со свитой, осмотрел представленные там изобретения и улучшения по артиллерийской части. Особое удовольствие выразил при осмотре скорострелки Барановского. Даже в Пруссии такой пушки еще не было. Европа и Америка все еще использовали скорострельные картечницы. Император пожаловал изобретателю перстень с изумрудом.

Но путь «скорострелки» в армию не был гладким. Только в самый разгар Балканской войны «горячую», еще плохо испытанную и не доведенную до ума 2,5-дюймовую пушку Барановского приняли на вооружение сухопутной и морской артиллерии. Испытания на Волковом полигоне она выдерживала с честью. 11 января 1877 года соперничали бронзовая и стальная 2,5-дюймовые. Бронзовая выдержала 39 выстрелов, стальная – 240.

Затем стальную горную «скорострелку» Барановского поставили рядом с горной же и тоже стальной пушкой Круппа. Почти по всем показателям – меткости стрельбы, поражаемости и прочности – пушка Барановского превзошла крупповскую.

Не оплошала она и на поле боя. Чтобы запереть турок в Плевне и начать осаду, предстояло взять неболь-

шое, но укрепленное селение Телиш. Штыками и атаками не удалось, а только после мощного артиллерийского огня. По свидетельству очевидцев, турецкий гарнизон сложил оружие не потому, что нес потери, а от деморализующего эффекта артиллерийской атаки. Наверняка без «скорострелки» Барановского дело не обошлось.

Надо сказать, что в этот период времени изобретения Барановского не имели прямого отношения к Петербургской оружейной мастерской. Его орудия поначалу работали на петербургском же «Механическом заводе Людвиг Нобель», коим владел старший брат инициатора знаменитых Нобелевских премий Альфреда Нобеля. «Скорострелку» же изобретатель вкпе с двоюродным братом Петром Викторовичем творили на собственном заводике. Так почему же мы с вами столь подробно повествуем о Барановском и результатах его изумительного таланта и мастерства? А потому повествуем, что его изобретения, подчас уже безымянно, аукнутся во многих орудиях и системах разных лет, которые будут доводиться и испытываться на нашем заводе.

Вот характерный пример. После смерти Барановского его унитарный артиллерийский снаряд предадут забвению. А напомним о нем 11 лет спустя находчивый владелец завода в немецком городе Карлсруэ, заявив патент на изобретение металлического патрона для пушек, созданного по принципу Барановского. Вот тогда всполошится ГАУ, его артиллерийский комитет, и многие генералы от артиллерии обнаружат свой протест фабриканту.

Создание знаменитой 3-дюймовой полевой скорострельной пушки образца 1902 года целиком базировалось на принципах Барановского. Она прошла русско-японскую, Гражданскую, первую и вторую мировые. И ни французская 75-миллиметровая, ни немецкая 77-миллиметровая пушки с ней соперничать не могли.

А будь бы жив пионер скорострельного оружия, он поразился бы тому, что его десантная пушка покажет себя на миноносцах «Ястреб» и «Снегирь», а «скорострелка» послужит морякам при обороне Порт-Артура. Потомки его пушек не спасут на тесном Перекопском перешейке, под монгольским небом и в финских лесах. Даже в пушках и гаубицах Великой Отечественной он узнал бы свой затвор, свои механизмы.

Но судьба рано распорядилась жизнью замечательного русского конструктора-самородка.

А дело было так. Когда благополучно для России закончилась война, вместе с выжившими орудиями, участвовавшими в ней, были привезены и неиспользованные унитарные патроны. ГАУ приняло решение уже в мирных условиях, на полигоне Волкова поля, испытать патроны, чтобы официально принять на вооружение. Но что это были за патроны! Побитые и обшарпанные в трудном пути домой, да и сработанные, как уже было сказано, полукустарно, они представляли печальное зрелище. И недруги изобретателя, в коих никогда нет недостатка, втайне надеялись, что они потерпят фиаско. Но Барановский был уверен в своих «детях», и на испытаниях бесстрашно стоял рядом с бомбардиром.

Владимир Барановский (сидит слева) у своей скорострельной пушки на заводе Л. Нобеля. Крайний справа – Л. Нобель.

По условиям испытаний предстояло сделать тридцать выстрелов – этого было лихвой достаточно, чтобы патроны уже нового изделия надежно служили армии. Выстрел следовал за выстрелом, грея душу творца. Вот успешно прозвучал и тридцатый. Стоявшее на безопасном отдалении начальство ГАУ подписало акт испытаний. Поставил свою подпись и Барановский.

Но загадочная русская душа... Увидев на стеллаже еще один вовсе изуродованный в дороге патрон, Барановский попросил разрешения использовать и его. Не без труда заряд зашел в патронник, не без усилия закрыли его затвором. Прозвучал выстрел, но большая часть пороховых газов ударила не в ствол, а в замок. Стальными осколками были смертельно поражены Барановский и бомбардир...

Изобретателю было 32 года.

Акт испытаний аннулировали. Унитарный патрон Барановского много лет ждал своей реабилитации.

Пользуясь чертежами брата и собственным разумением, Петр Барановский усовершенствовал горную пушку и десантное орудие с гидравлическим тормозом отката.

В 1890-е годы военные конструкторы вернулись к принципу «упругого лафета» Барановского. Лафет разделили на станок и люльку, соединявшую станок со стволом через противооткатные приспособления.

И это опять к слову о том, что не надо быть Иванами, не помнящими родства.

Таинство уральских писаниц

С древних пор на Урале сохранилось большое количество наскального изобразительного творчества предков уральских народов. Ныне известно не менее сотни писаниц. Зафиксированы они на значительном пространстве от Северного до Южного Урала. В фундаментальном труде «Культурные памятники горно-лесного Урала» в разделе «Уральские писаницы», составленном известнейшим археологом, специалистом по писаницам, В.Н. Широковым., представлена сводка уральских писаниц с короткими их характеристиками и местонахождением. Там же приведена и карта расположения уральских писаниц. Из нее видно, что они размещаются в основном на реках в двух районах: на восточном склоне Среднего Урала (реки Тура, Тагил, Нейва, Реж, Исеть) и на западном склоне Южного Урала (реки Ай и Юрюзань).

В 60 – 70 гг. XX века уральским писаницам были посвящены монографии В.Н. Чернецова. В последние два десятка лет творческий коллектив уральских археологов под руководством В.Н. Широкова опубликовал в серии «Уральские писаницы» сводные материалы по писаницам, расположенным на отдельных реках, с подробными описаниями, зарисовками и фотографиями.

Исследователи единодушны в вопросе датировки уральских писаниц. Они были созданы в период от позд-

него неолита – энеолита до эпохи бронзы, т.е. в конце III – начале II тыс. до н.э. Единое мнение высказывают археологи, историки, этнографы по вопросу о том, кто делал эти зарисовки. Еще в начале XIX века Н.С. Попов

в обширном труде «Хозяйственное описание Пермской губернии...» высказал мнение о том, что надписи на Писаном Камне «суть тамги вогульского или другого какова народа». Позднее это мнение поддержал

Владислав Карелин – заслуженный путешественник России, мастер спорта по туризму, действительный член Русского географического общества, уральский краевед, автор более 500 статей, в том числе в журнале «Уральский следопыт», начиная с 70-х гг. прошлого века.

Н.П. Бульчев. В середине XX века В.Н. Чернецов считал, что писаницы создавались «хотя бы на поздних этапах угорским населением, и, конкретно, предками манси». Современные исследователи видят в авторах писаниц в обобщенном виде финно-угорские народы.

Различные мнения высказаны по вопросу о цели нанесения рисунков на скалы. Одни авторы полагают, что различные изображения «для забавы высекала древняя чужь на гладких поверхностях сланцевых скал». Другие, и их большинство, считают писаницы святилищами. Однако третьи (например, Н.М. Чаиркина) называют интересным «факт практически полного отсутствия рядом с изображениями культурного слоя, крупных стоянок и поселений в непосредственной близости к писаницам». Последнее утверждение заставляет осторожнее относиться к высказываниям апологетов смысловой священности писаниц. С этой точки зрения еще на стыке XIX и XX веков И. Т. Савенков предостерегал археологов от увлечения религией при объяснении писаниц. А вслед за ним в середине XX века С.В. Иванов С.В. категорически писал, что «нет никаких оснований утверждать, что истоки изобразительного искусства... восходят к религии». По мнению С.В. Иванова, мировоззрение первобытного человека было стихийно материалистическим, а изображения на писаницах «гораздо чаще преследовали практические цели». Я поддерживаю мнение С. В. Иванова, особенно в плане практичности целей нанесения писаниц на скалы древним человеком. Он делал то, что было ему необходимо для выполнения определенных действий. Думается, в нашем случае таким действием была ориентировка в пространстве, на местности. С этой точки зрения интересно посмотреть на писаницы под новым, нетрадиционным углом зрения, отражающим реальные потребности древнего уральца.

Почему большая часть уральских писаниц приурочена к береговым скалам крупных рек? Для чего писаницы были нанесены на скалы, расположенные преимущественно на участках в среднем течении рек? Почему писаницы локализованы в ряде случаев в группах? Попробуем ответить на эти вопросы с использованием новой гипотезы, учитывающей реальную географо-гидрографическую картину Среднего Зауралья.

По мнению ряда исследователей, лодки, как средство передвижения по рекам, появились с IV тысячелетия до н.э. И найдены археологами от Египта до Алтая и до Норвегии. Поэтому можно полагать, что человек, рисовавший уральские писаницы в конце III – начале II тыс. до н.э., умело передвигался по уральским рекам на лодке. Он освоил все реки Среднего Зауралья. И получил представление об общей гидрографии региона.

Рассматривая современную карту Среднего Урала, видим две особенности речных систем на разных склонах хребта. На западном склоне все реки, стекающие с главного Уральского водораздела,

имеют общее направление, близкое к восток-запад, и являются притоками реки Чусвы (таково старинное название реки Чусовой). Система правобережных притоков ее представляет собою своеобразную «гребенку». Основанием ее является Чусва, долина которой ориентирована по течению на северо-запад. На восточном склоне Среднего Урала гидрографическая картина совершенно другая. Здесь также просматривается речная «гребенка», основанием которой является река Тобол, с долиной, ориентированной на северо-северо-восток. А левобережные притоки Тобола представляют систему с переменным направлением долин. В южной части района реки Исеть и Пышма имеют восточное направление течения. А в северном районе реки Тагда (с притоками Лозьвой и Сосьвой) и Тура текут в направлении, близком к юго-восточному. Отметим еще одну особенность среднеуральских рек. Если на западном склоне длина правых притоков Чусвы находится в пределах до 130 км, то длина левых притоков Тобола в несколько раз больше (до 1000 км). Отсюда напрашивается промежуточный вывод: чтобы «по воде» добраться, например, от истоков Исети в верховья Туры, приходится спуститься на восток до устья реки Исети и по Тоболу, а затем подняться вверх по Туре на северо-запад, преодолев при этом расстояние «по воде» почти в восемь раз большее, чем «по суше» по прямой, на север, вдоль Уральского хребта. Несомненно, древний уралец рано или поздно осознал эту ситуацию. И начал поиски более коротких путей из южных в северные районы Среднего Зауралья. Для решения такой задачи логично было отыскание пеших переходов из долины одной крупной реки в соседнюю. Естественно, место такого перехода должно находиться там, где крупные реки расположены на наиболее коротком расстоянии друг от друга. Там, где они сближаются. Необходимо было найти удобные для прохождения притоки двух крупных соседних рек. И чтобы истоки этих притоков находились поблизости друг от друга и были отделены легкопроходимым перевалом через возвышенный водораздел между этими крупными реками. С этой точки зрения наиболее удобным участком мог стать заболоченный водораздел, через который можно было протащить лодку. Не вызывает сомнения тот факт, что после длительных поисков древний уралец определил места для таких удобных переходов. И тогда возникла следующая глобальная задача: как передать другим людям информацию о конкретном удобном пути перехода из долины одной крупной реки в другую, расположенную севернее или южнее первой? Думается, вот тогда-то и появилась у древнего уральца мысль обозначить место такого перехода каким-то знаком. И знак этот расположить на характерном приметном месте. Как оставить знак? Нарисовать его краской! Благо, в рассматриваемом районе в большом количестве имеется природная краска – бурый железняк использовался в южно – уральских пещерах еще со

времен палеолита. Рисунки на стенах пещер Каповой и Игнатьевской подтверждают умение древнего уральца делать зарисовки на каменных стенах пещер. На чем нарисовать знак? Естественно, на прибрежных скалах, которые на среднеуральских реках имеются в достаточном количестве.

Думается, что примерно по такой логической цепочке продвигался древний уралец, приняв решение об использовании рисованных знаков на прибрежных скалах для передачи информации о месте перехода из долины одной реки в другую.

Если мы примем изложенную гипотезу, станет понятным, почему среднеуральские писаницы располагаются компактными группами. Можно не заметить одну такую писаницу. Но когда несколько писаниц расположены рядом, то какую-то одну из них удастся заприиметь. Кроме того, удобный переход из долины одной реки в другую обязан быть относительно локализованным, а не растянутым на большое расстояние.

Почему древние уральцы использовали прибрежные скалы крупных рек? Да потому, что по последним они в основном передвигались на большие расстояния на лодках. Скалы имеются и в верховьях, и в низовьях крупных рек. Но основное количество писаниц появилось только на тех скалах, которые располагались в местах переходов из долины одной крупной реки в другую.

Итак, суть новой гипотезы состоит в следующем. Писаницы на скалах уральских рек наносились для того, чтобы обозначить удобные места переходов. Писаницы играли информативную роль в «каменной книге путей».

Далее рассмотрим конкретные ситуации расположения уральских писаниц и попытаемся найти среди них признаки, которые можно было бы трактовать как подтверждение высказанной гипотезы.

Писаницы на р. Нейве располагаются компактной группой, по течению несколько выше города Алапаевска. Место это древний уралец выбрал не случайно, а целенаправленно. Именно в этом районе реки Нейва и Реж сближаются, а ниже по течению снова отдаляются друг от друга, чтобы затем, сливаясь, образовать р. Ницу. Расстояние между писаницей Двуглавого Камня на р. Нейва и Исаковскими писаницами на р. Реж – минимально для их среднего течения, и составляет всего около 10 км. Именно здесь и выбрал древний человек место для перехода из долины р. Нейва в долину р. Реж, отметив это «переходное» место на приречных скалах писаницами, которые несли информацию о том, что здесь можно перейти из долины одной реки в соседнюю (туда и обратно).

Аналогичная ситуация наблюдается и на Южном Урале, где в средних своих течениях сближаются реки Ай и Юрюзань. Находящиеся на этих реках писаницы «говорят» о том, что именно здесь расположен наиболее удобный путь из долины р. Ай в долину р. Юрюзань (туда и обратно).

Места переходов из долины одной реки в другую маркируют еще и древние названия рек. В моей книге «Философия букв» показано, что в глубокой древности человек изобрел для номинации рек знаки-буквы, каждая из которых отражала вполне конкретную топо-географическую особенность реки. Согласные буквы характеризовали элементы абриса реки в плане. Например, согласная буква В «говорила» о том, что данная река имеет большое количество петель, извивов, меандров. Согласная буква Г отражала большой загиб реки в верхнем течении, а согласная буква Л – плавный изгиб реки в нижнем течении и т.п. Гласные же буквы отражали обобщенное направление долины реки (от истоков к устью – вектор реки) по отношению к странам света, начальным направлением среди которых служил восход солнца (на самой начальной стадии изобретения такой системы номинации рек). Позднее эти «речные» знаки-буквы стали использоваться во всех других сферах бытия человека и послужили основой письменности как таковой.

Для нашего рассмотрения особое значение имеет согласная буква М. Она обладала следующим обширным семантическим содержанием: по такой реке можно удобно подняться до истоков, преодолеть простой перевал через водораздел и легко плыть по другой реке, расположенной на противоположном склоне водораздела. Короче: древнее название реки, включающее согласную букву М, указывает на место легкого перехода из долины одной реки в другую, соседнюю. Условно две такие реки с перевальным участком, расположенным между их истоками, можно назвать «переходной триадой». В моей статье о таких триадах с перевалами через главный водораздел Среднего Урала приведена обширная информация. Такие же триады рек имеются и в районе среднеуральских писаниц. Например, между бассейнами рек Тагила и Нейвы: р. Кулымка – перевал – р. Мугай. Или между бассейнами рек Нейва и Реж: р. Мостовка – перевал – р. Каменка.

В другой моей статье «Загадочные уральские реки Шайтанки» показано, что реки с названием Шайтанка по семантическому содержанию близки к названиям рек с согласной буквой М. Дело в том, что потамоним Шайтанка – это искаженное при переходе в русский язык мансийское слово сайт – танк – а, которое можно перевести как «толковое желание» или «толковая и желаемая» река (от сайт «толк, толковый» + танк «желание, хотение» + добавление –а – «хорошая река»). Тогда река Шайтанка (Сайтанка) является 'толковой' и «желаемой» для проложения пути по ней.

Приведу примеры:

1. р. Межевая Утка – р. Шайтанка – перевал через Уральский хребет – р. Шайтанка – р. Тагил;

7. Копия писаницы на «Двуглазом камне», выполненная Ю.П. Чемякиным в 1994 г. Основное панно и правая часть.

2. р. Тагил – р. Салда – р. Шайтанка – перевал – р. Сусанка (старинное название р. Шайтанка);

3. р. Нейва – р. Ямбарка – перевал – р. Воронина (старинное название р. Шайтанка).

Еще в одной моей статье «Черна ли река Черная?» показано, что потамоним Черная есть искаженное мансийское слово Сер – на – я, точнее Сори – на – я, которое можно перевести как «река, по которой можно плыть (по течению) непосредственно от седловины перевала»: сори («перевал») + на («плыть по течению», сокращение от натантангве) + я («река»). На Среднем Урале имеются следующие примеры:

1. р. Тура – р. Черная – перевал – ? – р. Салда;

2. р. Салда – р. Черная – перевал – ? – р. Ясьва – р. Тагил.

Здесь знаком вопроса отмечены пока не определенные названия рек, которые могли бы входить в «перевальную триаду».

Итак, в районах распространения писаниц на восточных склонах Среднего Урала имеется около полутора десятков водных путей, образующих «переходные – перевальные триады». Характерным является тот факт, что в основном эти водные пере-

вальные пути приближаются к направлению север-юг, т.е. тяготеют к переходам из долины одной крупной реки в другую (реки Реж, Нейва, Тагил, Салда, Тура). Именно на этих реках и расположены скальные писаницы.

Отмечу также еще одну особенность большей части выявленных «переходных путей» – расположение значительных заболоченных площадей на перевальных участках. Так, например, болотистые перевалы находятся на следующих «переходных путях»:

– между р. Тагил и р. Кавма находится болото Тагильское;

– между р. Тагил и р. Камбаиха лежит болото Камбаихское;

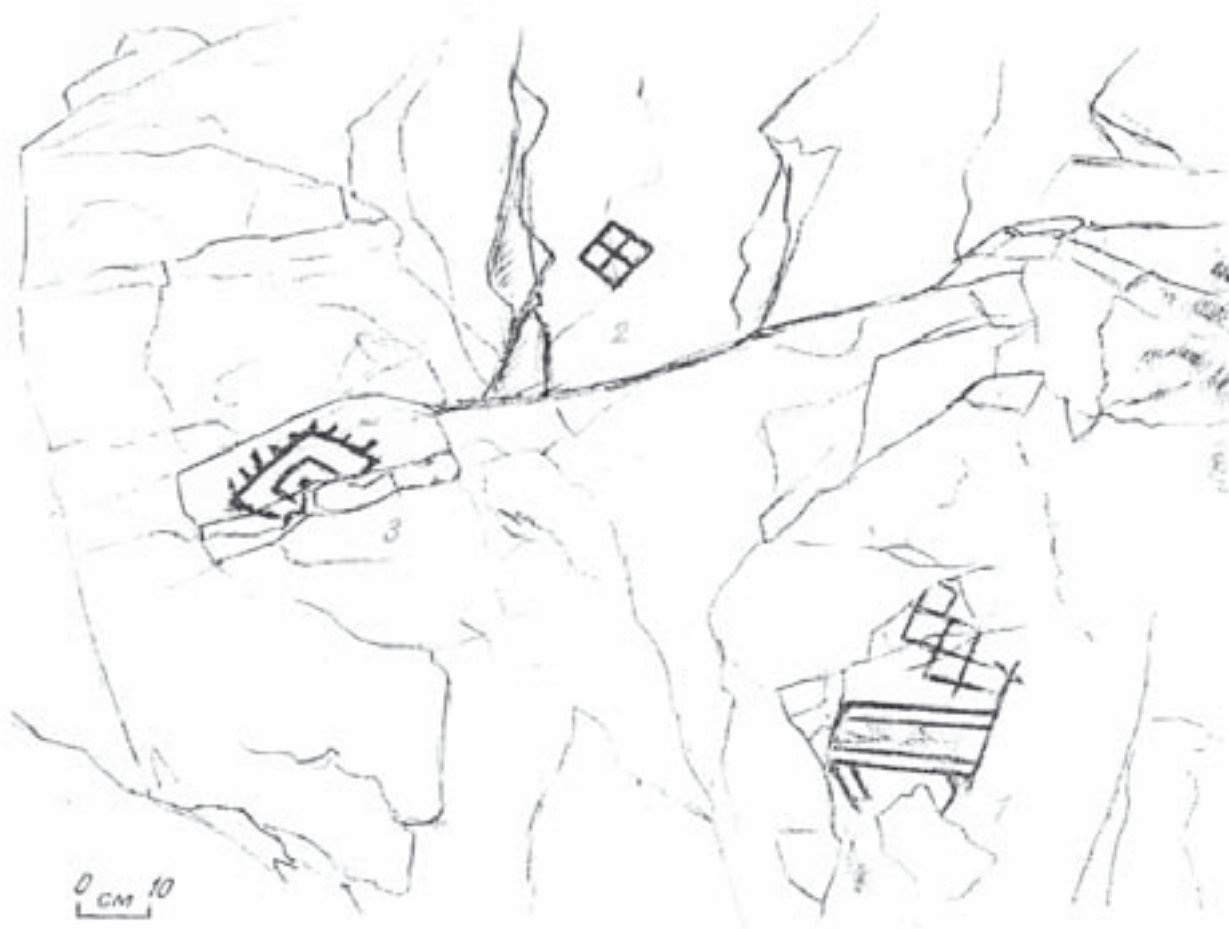
– в верховьях рек Ямная и Сусанка (Шайтанка) расположено болото Сусанское;

– между р. Шайтанка и р. Салда находится болото Шайтанское;

– между реками Шайтанка и Тагил раскинулось обширное болото Юконово;

– между реками Черная и Салда расположено большое болото Косолманское.

Из вышеописанных примеров видно, что древний уралец для «переходных путей» между соседними долинами крупных рек отдавал предпочтение

Копия рисунков Коптелова камня I, выполненная В.Н. Широковым в 1998 г.

таким, которые пролегали по заболоченным перевальным участкам, ибо по ним можно было проще перетащить лодку.

Принимая положение о том, что писаницы, элементы их должны отражать реальности окружающего мира, «переходных путей», следует в фигурах, знаках, изображенных на писаницах, найти, понять их символическое содержание, детали которого в той или иной мере отражали бы элементы конкретной ситуации перехода из одной долины реки в другую.

Прежде всего на писаницах должен быть знак, который бы «говорил» о том, что от данного места, от конкретной скалы, следует направиться к перевалу и, удобно преодолев его, перейти в соседнюю речную долину. На многих среднеуральских писаницах имеется знак в виде треугольника (с различными дополнительными линиями) или несколько треугольников, соединенных между собой. Можно предполагать, что именно знак с элементами треугольника был символом пути к перевалу, для перехода в соседнюю крупную реку. Ряд авторов трактуют треугольник, а также вписанные друг в друга острые углы и т.п., как гору. Тогда вполне логично рассматривать два треугольника, стоящие рядом друг с другом и имеющих общее основание, как две соседствующие горы, между которыми находится перевал.

Выше упоминалось о том, что согласная буква М в первописьменности имела семантическое содержание, точно соответствующее рассматриваемой ситуации: буква М отражала удобный переход через перевал из долины одной реки в другую. В древнеегипетском языке согласная буква М изображалась знаком , а в южно-арабском и аксуанском – , таким образом отражая две горы и понижение – перевал между ними.

Со временем графема М несколько видоизменялась. Но основной признак ее – понижение между двумя горами – сохранялось. Изменение графемы согласной буквы М наглядно видно на примере мидийского языка: произошла трансформация – от двух соседствующих треугольников через поднятие сверху места соединения треугольников, затем замена общего основания на короткую черту. Последняя в греческом языке исчезла, а вся графема превратилась в традиционную и ныне форму согласной буквы М. В палестинском языке буква М стала похожей на зубчатую пилообразную линию.

Подобные знаки (буквы) имеются и на уральских писаницах. Иногда в точности повторяется древнейшая графема согласной буквы М в виде двух соседствующих треугольников. Например, на туловище уточки на Шайтанской писанице на

р. Реж, или на Верхнелопасской писанице на р. Ай. В других случаях в упрощенном виде в форме остроугольной одной или двойной зигзагообразной линии с двумя или более изгибами (Першинская и Исаковская на р. Реж; Караульный Камень, Змиев Камень, Писаный Камень, Соколинские утесы на р. Тагил; Косой Камень, Двуглазый Камень и Старичная на р. Нейва; Ваняшкинские и Айская группа на р. Ай и др.). В третьем случае, в виде стилизованных треугольника или вложенных друг в друга острых углов (Бородинская II на р. Реж; Змиев Камень и Соколинские утесы на р. Тагил). Наконец, возможно, как крайняя степень стилизации в виде схематической «гребенки», у которой треугольники передаются в виде боковых линий (Раскатихинская на р. Реж; Маскальская, Писаный Камень на р. Тагил; Коптелов II и старичная на р. Нейва). Вышеупомянутую зигзагообразную линию В. Т. Петрин и В. Н. Широков трактуют как изображение змеи. В. Н. Чернецов считал такой мотив изображением засек – охотничьих сооружений из поваленных деревьев для добычи копытных. Другие авторы зигзаг рассматривают как символ связи между верхним, средним и нижним мирами. А. С. В. Хабарова зигзагу придавала мотив движения, перемещения в пространстве. Думается, что зигзагообразную линию, как стилизованную цепочку треугольников с отсутствующими основаниями, можно рассматривать как «перевальный знак». Такая зигзагообразная линия соответствует древнейшей графеме согласной буквы М (см. выше). Следует отметить, что зигзагообразные линии на писаницах встречаются двух типов. Резко выраженные пилообразные линии можно рассматривать как «перевальные знаки». А плавно изогнутые, вероятно, обозначали просто «реку», о чем упоминают В. Т. Ковалева и Н. Н. Гурина. С этой точки зрения представляет интерес сюжет на писанице Айская группа на р. Ай, где между двумя двойными плавными волнистыми линиями расположена антропоморфная фигура в шагающей позе. В целом, эту композицию можно рассматривать как рекомендацию древнего уральца в данном месте перейти пешком из долины одной реки в другую.

Таким образом, на подавляющем числе уральских писаниц имеются знаки, указывающие на целесообразность отправиться от данной скалы на перевал, ведущий в соседнюю долину крупной реки.

Думается, что для передачи информации о том, в какую сторону следовало пойти к перевалу, древний человек использовал соляренные знаки. На уральских писаницах часто встречаются знаки в виде круга с различными добавленными элементами (черточки по полному внешнему периметру или по части его, два или три круга,

вписанных друг в друга, с внутренним крестом, с несколькими крестиками, с точкой в центре и др.), а также дуги с дополнительными элементами (черточки, несколько параллельных дуг и т.п.). В. Н. Чернецов, Н. П. Комарова, А. П. Окладников, А. А. Формозов и др. считали круг символом солнца. Т. И. Кашина и А. Голан рассматривают круг как изображение небосвода. М. Ф. Косарев трактует дугообразную линию как небосвод. Таким образом, все указанные авторы круги и дуги, изображенные на писаницах, считают солярными знаками.

Разделяя такое мнение, следует отметить, что один из таких знаков – дуга – представляет осредненную половину второго знака – круга. Используя замечание М. Элиаде о логике символов, «отличающихся последовательностью и систематичностью», можно сделать следующие предположения. Соляренный знак «дуга» в мировосприятии древнего уральца ассоциировался с видимой дугой движения солнца в дневное время. Тогда дуга, изогнутая вверх, могла иметь семантическое значение рекомендации движения в сторону видимой солнечной дуги, т.е. в современном понимании – в южном направлении. Такие дуги с верхним изгибом имеются на следующих писаницах: Бородинской II на р. Реж; на Зенковской скале, Змиевом Камне, Маскальской II, Писаном Камне, Соколинских утесах на р. Тагил; на Ваняшкинской II на р. Ай. На писаницах встречается знак в виде дуги, изогнутой в нижней части, например, на Змиевом Камне на р. Тагил. Такой знак можно рассматривать как рекомендацию двигаться в противоположном направлении по отношению к южному направлению, т.е. – в северную сторону.

Когда знак дуги наносился на вертикальную каменную плоскость, то верхний или нижний изгиб дуги определялся четко и однозначно. Если же знак дуги нарисовать на горизонтальной плоскости, то верхний или нижний изгиб дуги становился неопределенным и зависел от положения человека по отношению к знаку дуги. Вероятно, поэтому со временем, знак дуги, с любым изгибом, сохранился за южным направлением, а северное направление стало обозначаться окружностью.

Соляренные знаки в виде окружности имеются на следующих писаницах: Бородинская II и Исаковская на р. Реж; на Камне Балабан I, Зенковской Скале, Верхнем Балабанском утесе, Змиевом Камне, Кирьяшевской, Маскальской I и II, Писаном Камне, Соколинском Камне на р. Тагил; Двуглазном Камне на р. Нейве. В ряде случаев на одной и той же писанице находятся совместно и дуги, и круги. Можно полагать, что за сотни и тысячи лет соляренные знаки могли претерпеть некоторые изменения в начертании, особенно по дополнительным элементам знака.

Например, сначала был обнаружен «перевальный путь» на юг и на скалу древний уралец нанес дугу с верхним изгибом. Через сотню-другую лет был установлен возможный путь на север. И тогда нанесли знак в виде круга. Возможно, со временем перешли на один солярный знак – круг, на котором рекомендуемое направление стали обозначать черточками, нанесенными по периметру круга. Если черточки нанесены только в верхней половине, то следовало двигаться на юг. Если они изображены на нижней половине круга, то нужно направиться на север. Если же они занимают весь периметр круга, то возможен путь и на юг, и на север.

Таким образом, вероятно, солярные знаки в виде круга или дуги имели семантику, связанную с указанием обобщенного направления в южную или северную сторону. Следует особо отметить, что эти два направления (южное и северное) отвечают особенностям гидрографии среднеуральских рек восточных склонов Урала. При переходе из одной крупной реки в другую, имеющих направление течения, близкое к восточному, необходимо использовать именно северное или южное направления.

Однако рекомендация двигаться на перевал в южную или северную сторону носит весьма общий характер. Думается, что древний уралец использовал какой-то дополнительный способ для передачи информации о более конкретном направлении передвижения в соседнюю крупную реку.

Зададим себе вопрос: на основании каких соображений древний человек наносил изображения именно на конкретную скальную поверхность? Рядом и в отдалении находится множество других скал. А он выбрал ту, на которой и поныне красуются плоды его творений. Археологи В. Н. Широков и С.Е. Чаиркин в своей статье

«Писаница Старичная» (река Нейва, Средний Урал) отметили тот факт, что выбор скальной поверхности на Старичной писанице на р. Нейве «показывает намеренность выделения участка пространства для создания писаницы... рисунки Старичного камня нанесены не на самых удобных для их выполнения плоскостях, так как справа и слева есть более ровные и обширные участки». Это замечание археологов послужило отправной точкой для высказанного мною следующего предположения: азимут скальной поверхности писаницы определял конкретное, более точное, направление рекомендуемого направления движения на перевал, ведущий в соседнюю речную долину. Древний уралец целенаправленно выбирал такую скальную плоскость, которая и указывала нужное направление. А последнее он фиксировал по углу относительно направления на восход солнца, которое, хотя и изменялось по временам года, но было относительно постоянно в течение одного сезона, например, летнего. Фиксацию вышеуказанного угла древний человек мог проводить визуально. Но, вероятно, он использовал и какие-то примитивные инструменты. Например, треугольник, выполненный из камня или глины. Археологи нашли большое количество таких артефактов. Если основание треугольника направить на точку восхода солнца, то линия, соединяющая середину, основание и вершину противорасположенного угла треугольника, укажет направление движения.

Именно такая логическая структура знака зафиксирована на уральских писаницах. Так, например, на Шайтанской писанице на р. Реж изображены три треугольника. На двух из них показана вышеупомянутая линия. А на третьем нанесена чертой только нижняя часть ее. На Бородинской II писанице

на р. Реж изображены два треугольника, вписанных друг в друга, основание у которых обозначено точкой. На острой вершине внешнего треугольника нанесена стрелка, которая, судя по всему, символизирует рекомендуемое направление движения. На Соколинских утесах на р. Тагил изображены два треугольника, вписанных друг в друга, и без показанного основания (оно могло не сохраниться до нашего времени). На Писаном Камне на р. Тагил изображен треугольник (без основания) со стрелкой на его острой вершине. А рядом с ним нанесен солярный знак. Благодаря скрупулезной и обширной работе уральских археологов (В.Н.Широков, С.Е. Чаиркин, Н.А. Широкова, Ю.П.Чемякин) определены азимуты всех скальных поверхностей, на которых нанесены уральские писаницы. На ряде писаниц с большим количеством изображений рисунки нанесены на нескольких скальных поверхностях (Шайтанская на р. Реж; Зенковская, Змиев Камень, Писаный Камень и Соколинские утесы на р. Тагил). На большинстве писаниц таких каменных «страниц древнейших книг» – одна-две. Приведу несколько примеров. При этом не вводится поправка в данные азимутов скальных поверхностей, определенных археологами, на магнитное склонение в рассматриваемом регионе, так как не известна его величина во время создания писаниц.

На Исаковской писанице на р. Реж изображен знак в виде круга с вписанным в него крестом. Этот знак в свете вышеизложенного можно рассматривать как рекомендацию двигаться и в северном направлении. Азимуты двух скальных поверхностей на этой писанице составляют 285 и 295 градусов. Такое направление приводит на р. Нейву, несколько выше района Нейвинских писаниц.

На Кирьяшевской писанице на р. Тагил имеется солярный знак в виде круга, рекомендующий двигаться и в северном направлении. А азимут скальной поверхности, на которой нанесен такой знак, составляет 180 градусов. Это направление приводит в Камбаихское болото и далее по р. Камбаиха и затем по рекам Пия и Салда в р. Туру. Строго говоря, 180 градусов – это западное направление. Но оно ведет к Камбаихскому болоту, из которого путь по р. Камбаихе уводит на север. Поэтому солярный знак (круг) на Кирьяшевской писанице в принципе дает правильную информацию.

На Ваняшкинской II писанице на р. Ай имеется солярный знак с верхним изгибом. Такой знак рекомендует двигаться на перевал в южном направлении. Азимут скальной поверхности писаницы – 220 градусов. Это направление приводит на р. Юрюзань в район верхних юрюзанских писаниц (Усть – Катавская, Бурановская и др.).

На Шайтанской писанице на р. Реж среди многочисленных изображений ныне не удается обнаружить типовые солярные знаки. Вероятно, они не сохранились до нашего времени. Но на писанице имеются «перевальные» знаки в виде треугольников и пилообразных линий, в том числе и в виде двух треугольников, расположенных на общем основании (изображены на теле уточки). Рисунки нанесены на 16 скальных блоках, азимуты которых изменяются в пределах 300–325 градусов. Такое направление соответствует долине р. Воронина. Старинное название этой речки – Шайтанка, семантика которой – «толковая, желаемая», удобная для подхода к перевалу в соседнюю реку.

На Змиевом Камне на р. Тагил имеются солярные знаки в виде круга и дуги, выгнутой вниз, рекомендующей двигаться на перевал в северном направлении. Азимуты скальных

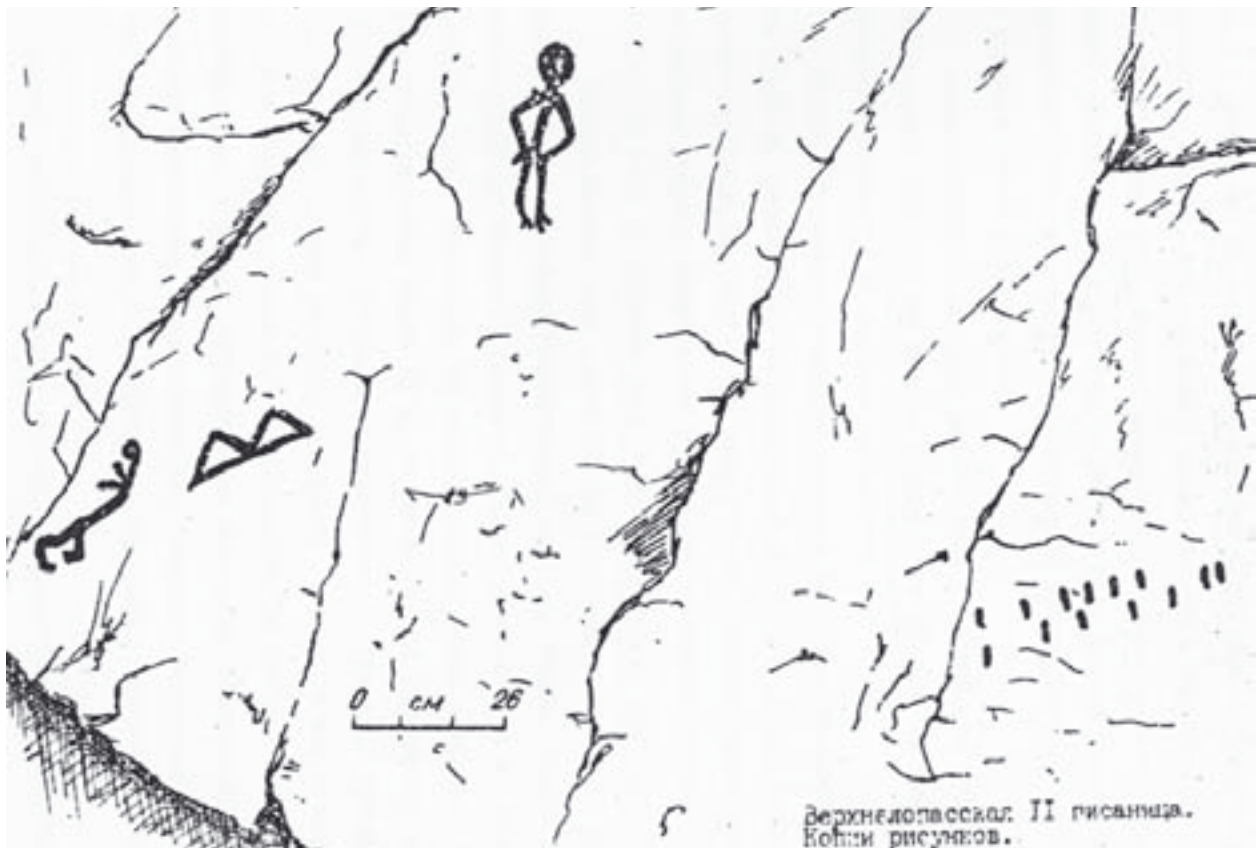

Копия Коптелова камня II, выполненная В.Н. Широковым в 1998 г.

поверхностей с такими солярными знаками составляют 335 и 340 градусов. Такое направление приводит в вышеупомянутое Камбаихское болото и далее по река Камбаиха, Пия и Салда – в р. Туру. Следует отметить, что на Змиевом Камне имеются изображения, на которых отсутствуют солярные знаки, а азимуты таких каменных блоков существенно отличаются от азимутов поверхностей, имеющих солярные знаки, что требует объяснений в будущих проработках. Аналогичная картина наблюдается и на некоторых других тагильских писаницах (Зенковская скала, Писаный камень, Соколыньские утесы).

Дополнительным подтверждением высказанной мною гипотезы являются старинные названия ряда рек, содержащие в своем названии согласную букву М, имеющие семантику, на-

прямую отражающую переход через перевал из одной реки в другую. Аналогичное значение имеют названия рек Шайтанка (толковая и желаемая), а также Черная (по ней можно плыть от седловины перевала). Ряд писаниц привязан именно к рекам с такими названиями. Так, например, Шайтанская писаница на р. Реж указывает на возможность продвижения вверх по р. Воронина (старинное название р. Шайтанка) и через перевал в р. Ямная, впадающую в р. Нейву. Другой пример: писаница Соколыньские утесы на р. Тагил рекомендует движение на север через Тагильское болото на р. Кавма и далее в р. Туру. Еще один пример: писаница на Змиевом Камне на р. Тагил предлагает двигаться на север через обширный заболоченный водораздел на р. Черную и далее вниз по течению по системе рек

в р. Туру. Имеются и другие аналогичные примеры.

Таким образом, на среднеуральских писаницах обнаруживается комплекс изобразительных элементов, увязывающихся в единую логическую цепочку, указывающую на наличие семантической системы знаков, носящей информацию с рекомендациями о передвижении в пространстве, из долины одной реки в другую. Используя общую логику такой информативной системы, можно, не приводя развернутых обоснований, в виду краткости журнальной статьи, высказать предположения и о семантическом значении некоторых других знаков, достаточно часто встречающихся на среднеуральских писаницах. Например, на писаницах имеются изображения животных. В основном они представлены либо водоплавающими (утки, гуси, лебеди), либо копытными (лоси, косули, олени). Можно предположить, что изображения тех или иных животных были носителями информации о возможном способе передвижения по направлению к перевалу. Водоплавающие «говорили» о том, что можно плыть по воде к району перевала, а может быть, лодку перетащить по болоту через район водораздела в соседнюю реку. Копытные же рекомендовали передвигаться по суше. Кроме того, можно предполагать, что часто встречающиеся на писаницах сотовые знаки и разнообразная штриховка передают информацию о наличии болотных участков при движении в районе перевала. Например, два соединенных

между собой заштрихованных треугольника «говорили» о том, что в районе перевала имеется болото.

Рассмотрим обобщающие примеры. На Змиевом Камне на р. Тагил имеются: треугольник («перевальный знак»), солярный знак в виде дуги, выгнутой вниз, сотовый знак и много уточек. Указанный комплекс знаков можно интерпретировать следующим образом: от Змиевого Камня можно отправиться в северную сторону (дуга, выгнутая вниз) к перевалу («перевальный знак»), к которому можно плыть (уточки), а в районе перевала имеется болото (сотовый знак).

На Писаном Камне на р. Тагил по соседству нанесены знаки – солярный, «перевальный», уточки и сотовый. Такой сюжет можно раскрыть следующим образом: от Писаного Камня следует плыть в северную сторону к перевалу, где имеется болото.

Высказанную мною гипотезу об информативном содержании уральских писаниц, как указателей путей, можно рассматривать в качестве основы для дальнейших разработок.

В заключение приношу заочно благодарность уральским археологам, собравшим и опубликовавшим подробные описания среднеуральских писаниц. Без их материалов невозможно было бы появление гипотезы, высказанной выше. Изображения знаков на уральских писаницах, представленных в настоящей статье заимствованы именно из трудов уральских археологов.

Инна ГЛАДКОВА

Фото подготовил Эдуард Гильман

Танцующий со смертью

Начало 1943 года – время основания Уральского добровольческого танкового корпуса. Об одном из его участников – этот рассказ.

На каждого у Господа своя история... Он умер в январе 1999 года. Только на похоронах, наконец, все увидели весь иконостас его боевых наград, среди них не один (вдумайтесь!) – четыре ордена только Отечественной войны! Вообще-то их у нашего героя было даже пять, но об этом чуть позже. Не многие имели столько орденов такого высокого достоинства. За каждой наградой и отчаянная храбрость, и смертельная опасность, и в пол-Европы танковый путь. В послевоенной жизни он орденов и медалей практически не надевал, только наградные колодки, и то по большим праздникам. В обыденной жизни был удивительно скромным, хотя имел награды и трудовые.

Хоронили его на Ширококореченском кладбище, в Екатеринбурге, скромно, но как на войне: под залпы оружейного салюта.

С той поры прошло более десяти лет. Вспоминаю его я не только в праздник Победы или в День танкиста. Часто с ним разговариваю. Не подумайте чего, это не мистика. Просто наши беседы сохранила магнитофонная пленка. Чтобы вернуть Прошедшее время, голоса людей, с которыми мне посчастливилось встречаться, я включаю магнитофон или просматриваю теперь бесценные старые кассеты с видеосъемками разных лет.

Мы познакомились весной 1993 года, когда в Зале боевой славы Свердловского Областного краеведческого музея отмечалось 50-летие одного из доблестных воинских соединений Великой Отечественной войны – Уральского добровольческого танкового корпуса. Наш герой – Николай Александрович Яненков – представлял уже тогда «штучное» поколение танкистов, которым с этим корпусом летом 1943-го довелось вступить в ключевое танковое сражение войны – на Курской дуге. И провести затем в закрытом люке машины две тысячи километров только боевого пути!

Чтобы как-то реабилитировать себя перед памятью хотя бы одного храброго уральца, я задумала телевизионный фильм под названием «Его фронтовая любовь».

Инна Марковна Гладкова – тележурналист, автор публицистических рассказов и эссе об истории Урала. Лауреат премии губернатора Свердловской области 2001 года за телесериал «Екатеринбургские тайны». Автор многих очерков в нашем журнале. В тандеме с ней работает ее супруг – Эдуард Гильман. Он – и первый дотошный читатель, и ответчик за иллюстративный ряд. Ныне супруги живут в Германии.

Интервью в День Победы

Начиталась мемуаров военного времени, послушала рассказы однополчан. Побывала в музее танкового корпуса в лицее №130 – это Екатеринбург – где бережно хранятся подаренные фронтовиком его личные вещи: гвардейский значок, фотографии военного времени, походный котелок, старенький фотоаппарат, зажигалка... Писал о Яненкове и мой коллега Геннадий Шеваров. Мы оба обратили внимание на то, что у танкиста, как ни странно, был тихий голос! Разве это не удивительно? Представьте тесное пространство стальной машины в бою: грохот режет уши даже в шлемофонах. Все разговоры и команды, чтобы перекричать рев двигателей, ляг гусениц и грохот выстрелов, только на повышенных, на срыве в крик, тонах. А еще дым, пыль, огонь...

В Зеленой роще, во дворе собора Александра Невского, где одно время размещались главные коллекции краеведческого музея, долго стоял военного времени, причем того самого первого образца, танк Т-34. То, что дети каждый день здесь играли в войнушку, само собой. Соблазн забраться внутрь, посмотреть, как там, в тесной стальной клетке, прикрытой башней, размещались четверо танкистов, была и у взрослых.

Танкист Николай Александрович Яненков

Никакого комфорта, тесная кабина, жесткие сиденья. Затекают ноги. Здесь, кроме экипажа машины боевой, находились еще пулемет, казенная часть пушки, комплект снарядов. От пороховых газов при стрельбе нечем было дышать, пот заливал глаза, от грохота люди глохли. Летом – жарко, зимой – холодно.

И все-таки те «тридцать четверки» вошли в историю Отечественной войны как грозное оружие и как легенда. Чудо-машину создал еще до войны, но не успел увидеть ее в бою гениальный конструктор Михаил Кошкин. Танк «Т-34», к слову, за маневренность и легкость немцами прозван был «русской балериной». Эти боевые машины – символ Победы – стали памятниками, не один их десяток поднят на пьедестал почета на русской земле и в освобожденных от фашизма странах. Двадцать – только в честь боевых подвигов Уральского танкового корпуса.

Тем, кто подзабыл или по молодости не знает важную подробность той войны, скажем, что огромную колонну – целый танковый корпус – сверх и без того напряженного плана Государственного Комитета Обороны изготовили рабочие трех уральских областей, а добровольцы-уральцы вызвались сесть за рычаги и повести их в бой.

Толкнуться на свет его угораздило в год небывалой государственной смуты – 1917-й. Да еще в прифронтовом Екатеринбургe, где трижды менялась крутая власть, где убили монарха. Опуская младенца в купель, батюшка нарек его именем Чудотворца Николая, а имя наше – это путевой лист в жизнь. Позже, при советском строе, особо выделяли таких, именно «рожденных в семнадцатом», называя их «ровесниками Октября». Но что младенец мог смыслить в коллапсе истории? Благо, не погиб, а мог.

Батяка его – Александр Яненков, железнодорожный мастер, с женой, с двумя маленькими детьми и с только что родившимся Николкой жил в бараках вблизи станции. И хлебнули лиха сполна. Голод, обстрелы: то белые рвались захватить ключевую транспортную магистраль, то красные отряды. От тех, кто в то время под дулами пистолетов ее обслуживал, каждая власть, не считаясь с реалиями, грозя «всех поставить к стенке», требовала только четкой работы. Особый надзор был за ремонтными бригадами, чудом возрождавшими из груды железа паровозы. В зимнюю стужу или в летнюю жару по двенадцать и более часов они ремонтировали старую технику. Нездоровье рассматривалось как саботаж. Николка, конечно, не помнил, как отец по ночам часто натужно кашлял, мать ставила ему какие-то припарки к спине и ногам, поила отварами, утром с трудом поднимала, помогала одеться и, осенев крестным знамением, провожала за порог.

Не помнит он и тот черный день, когда из депо прибежали с криком: «Наталья, Саньку твоего придавило! С подъемника колесная пара упала! Насмерть!»

Так трое пацанят и убитая горем Наталья остались без кормильца. Никакая наука не ответит, где только женщины берут силы против лиха? За любую работу бралась. Потом чуть подросшие мальчишки, стараясь ей помочь, пошли учениками в локомотивное депо. Бывало, мать журила: «Ты бы мне сказал, я бы пришла подсобить и тот кран закрутила! Ты уж зови, если что. Не позорься».

Всю жизнь Николай Александрович вспоминал мать – Наталью Антоновну – с особой теплотой. Она готова была отправиться с ним даже в поездку. «Душевный была человек!» – говорил он, и глаза у него при этом теплели. Он вырос и возмужал под ее бдительным оком. Это она настояла, чтобы он ходил в спортивные кружки. Мать очень гордилась, когда сын в 19 лет уже стал дипломированным машинистом паровоза, что ему вскоре доверили водить по Уралу грузовые составы, хотя горный рельеф требует от машиниста паровоза не только опыта, серьезных навыков, но и большой физической силы. А он и вырос крепким, сильным и красивым, начал водить железнодорожные составы на большие стройки.

Никто тогда не думал, что до большой войны, большой беды, осталось всего четыре года. Однажды мать, когда сын возвратился из очередного рейса, спросила: «Коль, все ребята в армию идут, а тебя почему не берут? У меня соседки спрашивают: «Нечто сын у тебя большой?»

«Да нет, мам, здоров, просто машинистов не призывают, у нас «бронь», – отвечал Николай.

Мать только покачала головой, но разговор этот как-то задел его. И, правда, получается, вроде он «мальчик из-под мамкиной юбки». В те годы девчонки сторонились, если парень армию не прошел. И чтобы никто дурного из ровесников про него сказать не мог, написал письмо самому наркому, мол, «разрешите машинисту в армию добровольцем!»

Служить срочную службу его отправили на Дальний Восток, в бронетанковые войска, где вскоре он освоил вторую главную профессию своей жизни – механика-водителя танка, и в заключительный год службы даже успел научить этому делу нескольких новобранцев. В тогдашних боевых событиях на озере Хасан и на Халхин-Голе участия не принимал, но говорил, что «его танк тогда стоял в резерве». А потом дорога домой. Мать радостно обняла возмужавшего сына, но все-таки спросила: «Коль, а ты не дезертир?» – «Да нет, мам, отслужил, как положено!» Любить Отечество его научила мать. Рассказывая о ней, он говорил, что всегда чувствовал ее великую любовь.

А потом опять для него потекли привычные железные версты по Свердловской магистрали, только с паровоза пересел на тепловоз. О начале войны узнал в рейсе. Воскресное утро было таким спокойным и солнечным. Мелькали станции, тоннели, мосты, в открытое окно машины что-то нашептывал веселый ветер, навстречу, весело поднимая «руку», салютовал семафор. И вдруг в один миг воздух содрогнулся, черная туча накрыла землю. Поезд въехал в другой, в тревожный мир.

Николай для себя еще в дороге все решил: на станции Свердловск-товарная, как обычно, сдал сме-ну, дома обнял мать и пошел на призывной пункт.

– Примите добровольцем, умею водить танки!

И опять в ответ отказ:

– Сейчас нам нужнее квалифицированные железнодорожники!

Практически сразу начался самый тяжелый период войны: на рельсы легла чудовищная эвакуация. Николая прикомандировали к станции Дружинино. Это была важнейшая, особенно в начале войны, артерия Свердловской железной дороги, через которую с запада страны срочно перебрасывали оборудование крупных заводов, научно-исследовательские институты и нескончаемый поток беженцев. А на фронт по «зеленому коридору» везли танки, пушки, снаряды, продовольствие. В Дружинино к паровозам и тепловозам цепляли связку до ста вагонов с грузами для фронта. График был и жестким, и жестоким: не прибыл вовремя в назначенный пункт, опоздал на час – расстрел. Здесь как на войне: машинист поднимал и вел в атаку длинные тяжелые железнодорожные составы.

Вспоминая то время, он говорил:

– Машинист – профессия трудная, а в войну еще какая ответственная: ты себе не хозяин. В рейс вызывают и в ночь, и в полночь. Нипочем снег, дождь, пурга. Даже две поездки друг на друга не похожи. Составы тяжелые. Бывало, приехал на станцию, короткая остановка, а там дальше колеи не видать – рельсы снегом засыпало. Надо ехать, а состав не сдвинуть, паровоз буксует, не берет. Тут ты начинаешь его потихоньку толкать вперед-назад, вперед-назад, уговариваешь: «Ну, милый! Ну, поднатужься! Ну, чуть-чуть еще!» Смотришь, схватились за паровозом пять, потом десять, за ними остальные вагоны. Состав разогреть – это са-

мое главное, а там пусть и колея в снегу, дальше паровоз уже бежит вперед.

Наступил 1943 год. С фронтов шли менее тревожные сообщения – свершился долгожданный перелом войны, но до Победы было далеко – два года и четыре месяца. Тогда в газете «Уральский рабочий» от 10 января и появилась заметка «Танковый корпус сверх плана!». Край промышленный, его домны, мартены, заводы и без того работали круглые сутки. И силы человеческие были на пределе. Но крупные коллективы танкостроителей Урала сверх напряженнейших заданий Государственного Комитета Оборона все-таки обязались изготовить в первом квартале еще столько танков и самоходных орудий, сколько потребуется, чтобы создать полноценный танковый корпус. Обучались вождению машин сами рабочие.

Этих добровольцев оказалось сто тысяч. Но отобрали только каждого десятого, причем из молодых и сильных. Танковые бригады формировались в Челябинской, Пермской и Свердловской областях. В Свердловске, кроме того, сформировали мотострелковую бригаду, полки: минометный, зенитно-артиллерийский, истребительно-противотанковый и самоходно-артиллерийский. Командиром корпуса был назначен боевой генерал Георгий Семенович Родин. Уральский танковый Корпус вошел в состав 4-й танковой армии.

Привокзальная площадь в Екатеринбурге помнит тот день, когда танкисты, преклонив колени перед знаменами своих частей, поклялись землякам вернуться на Урал «только с победой». Разумеется, среди них был и машинист тепловоза ст. Дружинино Николай Александрович Яненко, в какой уже раз – доброволец.

Для справки: танковый корпус участвовал в семи больших операциях. И первая же, вошедшая в историю Великой Отечественной, битва на Курской дуге. В бой он вступил 27 июля 1943 года.

Из воспоминаний Н.А.Яненкова: «Нашему подразделению с группой автоматчиков и саперов предстояло сходу форсировать реку Орс, развить наступление в сторону станции Шахово, перерезать железную и шоссейную дороги в направлении Орел-Брянск. Мы сразу попали под жесточайший обстрел, понесли первые потери, но врага отбили. Дрались за каждый перелесок, бугорок, речку. Эту – Орловскую наступательную операцию – никак невозможно забыть. На нас шли все новые и новые лавины вражеских танков, это была нескончаемая встреча огня и стали. Дни и ночи слились в один сплошной бой. Потом подсчитали, что в этой битве стреляющего железа с обеих сторон участвовало 1200 танков. Если враг не давал поднять головы, помогали наши «катюши», смешивая в огне землю с небом. В бою я кожей начал понимать, что на войне умереть – не хитрость. Что в бою судьба экипажа всецело зависит от меня – моих навыков водителя. Старался использовать редкую маневренность тридцатьчетверки, под обстрелом приходилось и «со смертью танцевать», да еще как! Чтобы машина была цела и весь экипаж тоже. И конечно, победить!»

О своей боевой машине, о своем железном друге, Яненков мог рассказывать бесконечно: танк Т-34 – бесприммерно отличная машина, в бою она исключительно маневренная, а в эксплуатации – неприхотлива. Правда, водителю требовалась богатырская сила: на каждый рычаг усилие в 32 килограмма. Поиграйка такими двухпудовыми гирями час – другой!

– Я в коробку передач, если вдруг не оказалось масла, мог залить даже солярку. Правда, ненадолго, но танк бы поехал. В лютые морозы о себе мы заботились меньше, чем о танке. Пехотинец на привале что? Автомат почистил, поел и лег отдыхать. А мне какой сон? Какой отдых, пока машину в порядок не привел? Ее надо соляркой, маслом заправить, боеприпасы принять, мотор, гусеницы проверить. Еще тайно заветные слова танку пошептать – он их любит, хоть конь и железный. Только тогда механик-водитель может отдохнуть. Но если чувствует – осталась неполадка, он не уснет! Никогда не уснет!

Николай Яненков был не просто механиком-водителем. Про таких уважительно говорят: водитель-ас. И не допускал даже мысли, чтобы танк командира батальона, которым он управлял, сходу не завелся: «Это же какой стыд для меня, позор!»

– Неужели за всю войну ЧП не было?

– Нет, танк не подводил! Раз на Сандамирском плацдарме у одной моей машины мотор забарахлил... А так, чтобы 34-ка по каким-то причинам не завелась – случаев не было. Скрежещет и идет в лоб на хваленые немецкие тигры и пантеры! Исключительная машина была. Самая первоклассная для русского человека! Прихотей у нее не было, но ухода требовала! Идет и выполняет задание. Считайте, танк – это была моя главная фронтовая любовь! Было бы заблуждением полагать, что наши танки были неуязвимы. И горели мы в танке, и гусеницы слетали, а чтоб фрицы нас не расстреляли прямой наводкой, маневрировали, отбивались, пока были снаряды, и только потом, стараясь уцелеть, покидали машину.

– Численность экипажа – три человека?

– Нет, это довоенные вмещали, как пелось в песне «Три танкиста, три веселых друга – экипаж машины боевой». Мы с фашистами воевали уже на новых, более вместительных машинах. Танк Т-34 с пушкой 76 миллиметров рассчитан был на четыре человека, а я, когда спрашивали, говорил «на пять». Позднее, когда пошли тридцатьчетверки с пушкой 85 миллиметров, где экипаж был уже пять человек, я всегда отвечал – «шесть». Даже ребята поправляли: «А ты, Коля, не ошибся?» Да нет! Потому что лишней в танке всегда была СМЕРТЬ. Не успел отзвучать боевой приказ: «По машинам!», идем в атаку, а она уже тут как тут – рядом, нахально влезла к нам в танк и дышит огнем в затылок. Но как только бой кончился, я люк открываю и эту СМЕРТЬ за шкирку из танка выкидываю. И вот все четыре года эта СМЕРТЬ рядом с нами и с другими экипажами ходила в бой, не отступая».

Был уралец Николай Яненков механиком-водителем у одиннадцати командиров батальона. Так

сложилось: кто-то погиб, кого перевели в другое место. Особо вспоминал Владимира Маркова: «Таковыми война и выиграна – исключительной воли, стойкости и бесстрашия был человек. Его любили все. У тех, кто был рядом с ним, удваивались силы. За героизм и храбрость, за талант ведения боя ему присвоили звание Героя. На его счету было 25 лично им подбитых танков, на счету его батальона 30 раздавленных самолетов» (наш земляк скромно умалчивал при этом, что в этих победах непосредственно участвовал и сам).

Николай Александрович о своем боевом командире мог рассказывать бесконечно. Это была особая, скрепленная боевым братством любовь. Как самую дорогую реликвию, берег он карточку с его посвящением: «Лучшему из лучших механиков-водителей. Твои боевые дела, Коля, навечно войдут в историю части!». По Красной Площади на первом параде Победы Марков нес Боевое Знамя Особого легендарного орденов Красного знамени, Суворова, Кутузова второй степени, Гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса. Но злодейка-война все-таки догнала: Герой Советского Союза Владимир Александрович Марков, который шутил, что носит в кармане бессмертие, вскоре умер от засевшего в легких осколка. Николай Александрович Яненков в разговоре со мной замолк, а затем с болью заметил, что слова из песни Владимира Высоцкого: «Мне не стало хватать его только сейчас, когда он не вернулся из боя» – до крови бередят его давнюю рану.

Наши встречи с Яненковым частыми не назовешь: конец XX века был суматошный. А мне было, что у него спросить, потому что в его воспоминаниях звучал особый голос того ушедшего поколения. Но о себе он рассказывал скупое, хотя я упорно пыталась выведать у него еще какие-то воспоминания о войне, и главное – как закаляется храбрость, как под смертельным огнем не повернуть назад, не струсить? Как, в каких боях, в каких сражениях он отличился, если на груди гвардии старшины появились пять орденов Отечественной войны?

На все вопросы он смущенно улыбался, говорил, что как все – бил врага, не трусил, защищал Родину, гнал фашистов на Запад. Вместе с корпусом участвовал в крупной Проскуровско-Черновицкой наступательной операции, день своего рождения отметил освобождением Львова, потом участвовал в Висло-Одерском крупном сражении, затем воевал в Нижней Силезии, на своем железном коне с боями въехал и в Берлин... А поведал он мне совсем не героическую, даже печальную страницу своей биографии. Вспомнил уже мирное лето в Австрии. Уральские танкисты стояли недалеко от Вены. Решили поиграть в волейбол. Было жарко, он снял гимнастерку, сложил ее в сторонке, а когда хватился, одежду кто-то украл. В то время орденовские колодки не носили, так что украли гимнастерку со всеми боевыми орденами и медалями.

Те самые «тридцатьчетверки».

Удар для бойца был тяжелый. К моменту демобилизации, а Яненков вернулся домой только в 1946 году, наградные документы успел восстановить только на четыре ордена Отечественной войны. А вот дубликаты наград получить было невероятно сложно. Восстановлением пятого ордена Отечественной войны и заниматься не стал. И никому про это ни слова. Это была его «военная тайна». К слову, не единственная тайна.

Когда заглянуть в гости не получалось и встретиться на каком-либо общественном собрании, а главный весенний праздник уже развесил повсюду свои яркие транспаранты, я хваталась за телефон, набирала знакомый номер и сразу понимала, что на том конце провода человек встрепетул, сбросил тяжесть лет. И тебе сердечно рад.

– Здравствуйте, дорогой Николай Александрович, поздравления с праздником Победы уже принимаете?

– Спасибо! Хотя если по календарю сорок пятого – мы сегодня аккуратно только Берлин фашистский взяли, а наш танковый корпус, как говорили, «высекая гусеницами марш радости», спешил уже на помощь восставшей Праге. Такие по горам гонки устроили, страшно вспомнить. Там шли бои до 9-го мая и после 9-го – с группами недобитых фашистов приходилось сталкиваться. Были горькие потери: схоронили много однополчан. Но запах Победы как передашь словами? Сколько лет прошло, время – хитрая штука, его можно и сжать, будто все это произошло вчера, и в мозгах застряло: не ушла война оттуда.

За поздравление спасибо. Я обычно перед большими праздниками покупаю много открыток и отправляю однополчанам поздравления. А в ответ получаю: «Я только собрался, Коля, тебя поздравить, а ты уже, пострел, успел, опередил меня!» И так почти

все и всегда отвечают. Вот хитрецы! А нынче, думаю, да провались – и никому ни строчки не написал!

Чувство юмора у Николая Александровича было отменное. И память тоже. Дневников он не вел: военным уставом было запрещено. Записи событий и мест, на них случившихся, фронтовых друзей – все это в голове и в сердце. Отчетливо помнил дорогу на фронт. Как танки везли на платформах. Эшелон, набитый оружием и солдатами, поспешал туда, где предстояло отвоевывать каждый метр родной земли, убивать врагов или быть убитым. Такие поезда шли без остановок, ближе к фронту – по восстановленным путям, при сопровождении авиации. В Подмоскovie под прикрытием ночи техника съехала с платформ. Корпус получил задание занять плацдарм в лесах в районе Козельска, чтобы по первой команде двинуться на закат. А он пылал, там стонала земля, казалось, набатом гудит даже побитый осколками лес. Томительное ожидание.

В 1984 году – сказал Николай Александрович – во время поездки по местам боев на Орловско-Курской дуге написал даже стихи.

*Вот и снова пришел я на бранное поле,
Где когда-то с друзьями военной порой,
Задыхаясь от дыма и корчась от боли,
Поднимал нас в атаку комбат молодой.
И друзей, и комбата напрасно зову я,
Голос мой замирает в бескрайней дали,
Обратились танкисты в траву луговую
И в цветы луговые навеки ушли.
И опять я прошу: отзовитесь, ребята,
Хоть единым словцом перекиньтесь со мной!
Но безмолвно к земле прижимается мята,
И молчит колокольчик, умытый росой.*

Никогда не думал, что буду плакать навзрыд у панорамы танкового боя. Под Орлом нас подбили, и я, выбравшись вместе с раненым стрелком из горящего танка, пытался вынести его в безопасное место, да не вышло. Осколком вместе со шлемофоном мне практически снесло скальп. В передвижном госпитале, когда пришел в себя, повздорил с врачом, который сказал, что ранение очень тяжелое, черепно-мозговое, и меня готовят отправить в тыл, практически демобилизовать. А я ему наотрез: не поеду! Пришивай волосы здесь! Не могу отстать от своих земляков! Да как же так, война в разгаре, а я только попал на передовую, пришел добровольцем, провоевал без году неделю и сразу домой? Что скажет мать, оставшиеся на Урале друзья-железнодорожники?

Врач посмотрел в мои, должно быть, безумные глаза, велел дать мне глотнуть спирта – другого обезболивающего у него не было, и под грохот недалекого боя, который заглушал скрежет моих зубов, ловко пришил мне мою шевелюру. Потом сказал: «Ну и терпеливый же ты, танкист!» Как только рана поджила, я сразу догнал свой батальон.

Т-34-85 на пьедестале у ОДО в Екатеринбурге.

Потом наш танкист был ранен еще несколько раз, но эта серьезная травма – о ней он молчал почти 30 послевоенных лет. Зачем? Почему? Да его бы, инвалида второй группы, тут же забраковала первая врачебная комиссия. Потому что у машинистов, как и у летчиков, существует строгий допуск по здоровью. А так, после демобилизации, он снова вернулся на прежнее место работы и опять показал себя как классный машинист. Водил паровозы, тепловозы, электрички. А вот когда подошел пенсионный возраст, Яненко врачей и удивил: «Теперь уж давайте мне мою инвалидность!». И показал огромный в полголовы шрам, скрытый густой шевелюрой.

– Те военные дни забыть невозможно. Они возвращаются не только с салютами праздников. Никого из тех, с кем я рядом шел по войне, уже практически нет. И у меня жизненный резерв уже на исходе. Я, когда шел на войну, не так боялся, как сегодня – из дома до музея добраться, где намечена была встреча с однополчанами. Здоровье подводит. Но встречи эти, признаюсь, лечат лучше лекарств.

Сейчас мне почти 80. Такой юбилей, да еще круглый! Уж не знаешь, куда катить дальше! Пора бы и на покой. В этом году схоронили двух наших ветеранов – Шмакова и Шестакова. Приготовился и я, моя буква аккурат подходит: последняя – Яненко! – Ну что? Придет, Беззубая, с косой – твердо, по-военному отвечу: Есть! Только вдруг помри почему-то не я, а Владимир Калугов. Да как же так, думаю! Бог что ли алфавита не знает? И кому жаловаться на все это? Ладно, тогда поживу!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В центре Екатеринбурга, на Первомайской, под открытым небом собрана богатая экспозиция техники военных лет. Первым высоко на пьедестале застыл Т-34 – легендарная «стальная балерина». Это памятник и нашему герою. Кажется, вот-вот откроется люк, и мы увидим, как из него нас приветствует механик-водитель, асс Уральского добровольческого танкового корпуса, Николай Александрович Яненко.

М. ФОНОТОВ
В. САДЫРИН

Сам себя короновал

Сначала корзинка лопуха — шар шаром, но его шар не гладкий, а игольчатый, ершистый или, может быть, ежистый. Шильца шара (а это, по идее, листочки) переплетены паутинками, набиты войлочком, а на концах загнуты крючком. Крючки эти способны зацепиться за что угодно, даже за кожу ладони. Через какое-то время на вершине корзинки встанет, если не сказать вскочит, узенький трубчатый цветочек. Пурпурный цвет сам по себе красив, но пурпур лопушиного венчика, пожалуй, насыщеннее всех. Из цветка тянется долговязый, белесый, на конце раздвоенный пыльник. К первому цветку примкнет второй, третий и так далее, пока на шар корзинки не наденется — слегка набекрень — пурпурно-белесая коронка. Но нет, хоть лопух и с венцом на голове, однако царем среди трав его никто не признал. Репутация у него не слишком приличная. Можно подумать, что всякое растение только того и хочет, чтобы его не трогали, оставили в покое. Не таков лопух. С тех пор, как семена в корзинке достигнут совершенности, а то и раньше, он только прикосновения и дожидается, чтобы сразу же в «это» вцепиться, впиться — не оторвать. Потому лопух и слывет символом навязчивости.

Ботаники находят в нем нечто вульгарное. И то сказать, он не из породы изысканных особ. В нем много плоти. Он мясист и жилист. Бесцеремонны его огромные листья-лопасти. Весь он высок и широк. Да, он сильный, но вроде бы глуповатый.

Лопух живет два года. Рано весной он раскинет розетку нежно-салатных листьев с белыми черешками, а потом все лето набивает корень «жиром» про запас. Зацветет он на следующий год, будет цвести долго, до осени, но, как только созреют семена, он высохнет, одеревенеет и умрет. Одни говорят, что, отдав семенам свои соки до последней капли, он умирает, потому что нечем жить. Другое мнение: семена сами выделяют «гормон смерти» — дескать, нет смысла жить дальше.

Может быть, лопух и глуповат, но он — добрый. Он съедобен и целебен. Даже вроде бы и опухоли одолевает. Он богат нектаром — запашистым, прозрачным, слегка зеленоватым. А семена его зимой с удовольствием расклюют синички.

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

Издательский дом «Уральский Следопыт» представляет календарь рыболовных событий Урала 2011 года.

Некоммерческие
организации
и клубы

Участники проекта

ЗВЕРОВОЙ
ЖУРНАЛ ОБ ОХОТЕ И РЫБАЛКЕ НА УРАЛЕ

2011
www.uralstalker.com

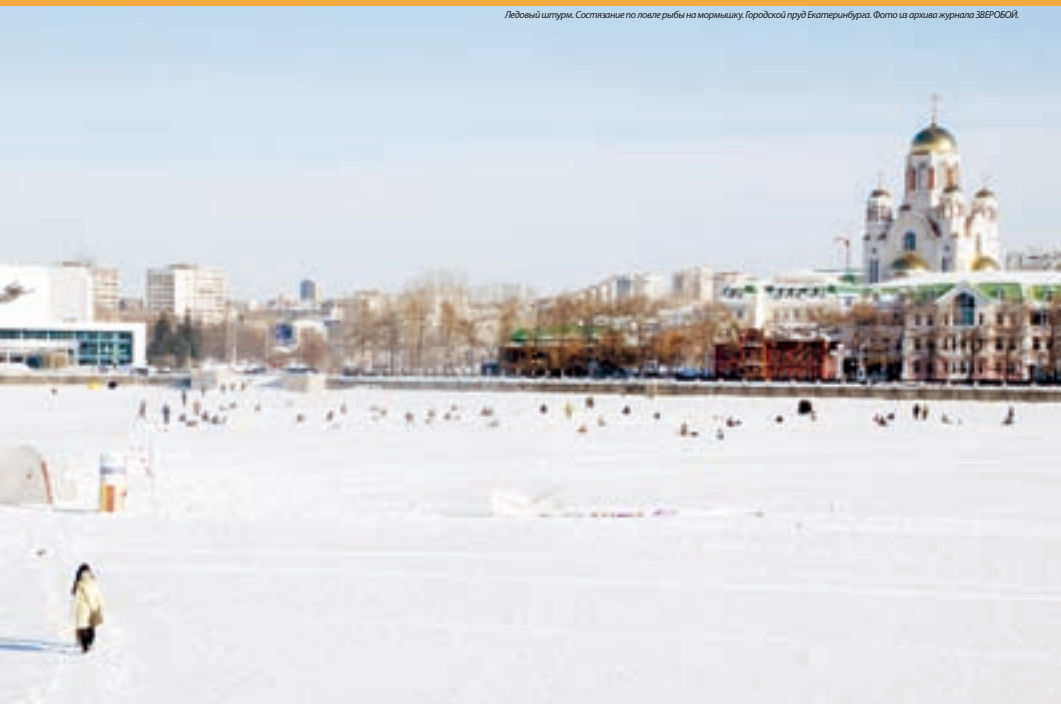
**УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ**
ПУТЕШЕСТВИЯ КРАВЕДЕНИЕ ФАНТАСТИКА

Рыболовные события Свердловской области Февраль

ISSN 2218-9696
Подпишитесь на ЗВЕРОВОЙ
Подписной индекс по каталогам:
МАП — 31648,
«Роспечать» — 47875,
«УралПресс» — 02707.

ISSN 0134-241X
Подпишитесь на УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ
Подписной индекс по каталогам:
МАП — 31646, «Роспечать» — 73413,
«УралПресс» — 73413, «МК-периодика»,
«Интер-почта».

Ледовый шторм. Соревнование по ловле рыбы на мормышку. Городской пруд Екатеринбург. Фото из архива журнала ЗВЕРОВОЙ.

22	27	28	29	30	31	1	2
1	3	4	5	6	7	8	9
2	10	11	12	13	14	15	16
3	17	18	19	20	21	22	23
4	24	25	26	27	28	29	30
	Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
5	31	1	2	3	4	5	6
6	7	8	9	10	11	12	13
7	14	15	16	17	18	19	20
8	21	22	23	24	25	26	27
9	28	1	2	3	4	5	6
	Пн	Вт	Ср	Чт	Пт	Сб	Вс
10	7	8	9	10	11	12	13
11	14	15	16	17	18	19	20
12	21	22	23	24	25	26	27
13	28	29	30	1	2	3	4

6 февраля
Фестиваль **ЛЕДОВЫЙ ШТУРМ** состязания по ловле рыбы зимней удочкой на мормышку
место: городской пруд Екатеринбург

14 февраля
День Святого Трифона — Покровителя всех российских охотников и рыболовов

17-20 февраля
Х юбилейная международная выставка «Охота. Рыбалка. Отдых - 2011»
место: Москва, в МВЦ «Фирма»-Ласко»

20 февраля
Открытое лично-командное первенство города по ловле рыбы зимней удочкой на мормышку, посвящённое Дню защитника Отечества
место: Верх-Исетский пруд

23-27 февраля
«Охота и рыболовство на Руси»
место: Москва, на ВВЦ, павильоны 69 и 75

Февраль
«Каменская чертовщина 2011» открытые городские соревнования по подледному лову на безнасадочную снасть
место: ст. Большая Султань, Каменский район Свердловской области

ТУРГОЯК-ДЕРЕВЕНЬКА

КАМЕННАЯ КНИГА ПУТЕЙ

ТУР В АНОМАЛЬНУЮ ЗОНУ

В СТРАНУ ОЛЕНЬЮ

БЕЗДНА РОМАНТИКИ

январь

2011 (№643)

Мы – победители конкурса «Многоликая Россия»!

В конце 2010 года в Казани прошел V Всероссийский открытый журналистский конкурс «Многоликая Россия - 2010», посвященный традиционным культурам многочисленных народов России, их сохранности, формированию интереса к их искусству и культуре. Конкурс проводится ежегодно в рамках Конгресса региональных и национальных средств массовой информации.

В 2010 году Конкурс «Многоликая Россия» проходил в рамках празднования 90-летия Республики Татарстан и журнала «Татарстан».

В конкурсе было несколько номинаций:

За лучший цикл телепрограмм, за лучший телепроект (документальный фильм), за лучший цикл радиопередач, за лучшую серию публикаций, за лучшее интервью-портрет, за лучшие фотоработы.

В этом году в нем участвовали 745 работ, в т.ч. 556 печатных, 113 телевизионных, представленных авторами и авторскими коллективами из 100 городов 53 регионов России. На конкурс был представлен цикл этнографических статей «Народ, живший когда-то в горах Урала», публиковавшийся в течение всего года на страницах журнала «Уральский следопыт». Цикл был посвящен народу манси: различным сторонам жизни, культуре, быта этого народа. Также немалую долю в этих материалах играет и современное состояние живущих ныне представителей этого народа.

Материалы этого цикла в номинации «Серия публикаций» заняли I место. Это очень высокая награда, т.к., во-первых, мы оказались единственными призовыми номинантами из Уральского региона, а во-вторых, конкуренция в нашей номинации была особенно высокой, в-третьих, эта номинация – исконно журналистская.

Надеемся, что данные публикации позволят сконцентрировать весь опыт и результаты наших исследований, показать красоту и уникальность народа манси, а также неизвестные и удивительные по красоте особенности природы Урала и наши возможности познавательного и научно-экспедиционного туризма.

Алексей Слепухин,
Наталья Бердюгина
действительные члены Русского Географического Общества

